

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

СПАСТИ МОСКВУ!

Мы грянем громкое «Ура!»

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака!» и «Спасти Отчизну!». Зброшенный на Гражданскую войну, «попаданец» меняет ход истории. «Белые» заключают перемирие с «красными», не мешая «революционному походу» в Европу. Конармия Буденного берет Варшаву и Вену, войска Тухачевского вступают в Берлин как освободители от оков Версальского мира, и даже Гитлер записывается в красноармейцы! Троцкий грызется с Лениным за власть, «мировая закулиса» в панике — ее проект по разрушению Российской Империи вышел из-под контроля и рикошетом бьет по самим заказчикам революции. А тем временем «белые» возвращают не только отторгнутые территории, но и симпатии русского крестьянства, уставшего от продразверстки и «военного коммунизма». Пока красный «Ледокол» крушит Европу, Белая Гвардия собирается с силами, чтобы СПАСТИ МОСКВУ!

«Как ныне сбирается Вещий Олег / Отмстить неразумным хазарам... — над окровавленной Россией все громче звучит гимн Русской Армии: — Так за Царя, за Родину, за Веру / Мы грянем громкое „Ура!“»

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [РЕКВИЕМ БУДУЩЕМУ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Герман Романов

СПАСТИ МОСКВУ!

«МЫ ГРЯНЕМ ГРОМКОЕ „УРА!“»

Тирасполь

(1 октября 1920 года)

— Проклятые русские! Мы напрасно потеряли драгоценное время! Бить нужно было давно, а сейчас поздно!

Капитан Константин Григулеску в задумчивости похлопал по сапогу тросточкой — в последнее время многие румынские офицеры стали перенимать у французских советников этот чисто парижский шик. Впрочем, и немцы, как он помнил по прошлой войне, любили носить с собой либо стек, либо кавалерийский хлыст.

Командир роты инфантерии не велика птица в армии, где число генералов давно перевалило за сотню, но свое мнение иметь может. Хотя высказывать его порою просто опасно, и приходится держать язык за зубами.

Последние четыре года, с того самого дня, когда Григулеску был произведен в первый офицерский чин, он только и делал что думал, ворочая мыслями, как жерновами на отцовской мельнице. Он твердо знал, что, несмотря на все неудачи, итог будет один — «Великая Румыния» прочно заняла свое место среди ведущих государств если не всей Европы, то на Балканах уж точно.

И как тут усомниться в божественном провидении?!

Летом 1916 года его страна вступила в войну на стороне Антанты и потерпела прежестокое поражение от германо-болгарских войск, потеряв почти всю территорию и отступив с боями в Молдавию, что тогда входила в состав Российской империи.

Когда у русских произошла социальная революция, их царь отрекся от престола и власть осенью 1917 года взяли большевики, то Константин, как и многие другие румынские офицеры, подумал, что все пропало и его оккупированная страна будет безжалостно поделена между победителями — Германией, Австро-Венгрией и Болгарией.

Но свершилось чудо!

Королевское правительство вовремя успело подписать капитуляцию, и германцы, в досталь насмотревшись на русскую смуту, решили не допустить подобного сценария в Румынии.

Причины такого странного великодушия Берлина объяснялись просто — дабы иметь возможность качественно, с чувством, толком и расстановкой ободрать побежденного — как умеют это делать только педантичные тевтоны, — вернули южному соседу земли, что румыны оттяпали четыре года назад, да наложили огромную контрибуцию.

Правда, денег не было, да и когда, скажите на милость, золото с серебром удерживалось в Валахии?!

Потому поставляли победителям сырье и нефть, которой у тех не имелось, да разорили свирепыми реквизициями собственные хозяйства, где крестьяне и без того голодали даже в урожайные годы, питаясь одной мамалыгой. Особые команды с королевскими чиновниками во главе обрушились на села подобно крымским татарам в эпоху их страшных и разорительных набегов. Из глинобитных амбаров и закровов подчистую выгребали пшеницу, кукурузу и прочие зерновые, а заодно прихватывая виноград и прочие дары этой щедрой солнечной земли. Не забывали и про вино, которого давненько не пили в Берлине, резали походя свиней и коров, дабы в рейхе переработали мясо на тушенку.

Вот только недолго, каких-то полгода, эдакое бесчинство продолжалась — к осени союз Центральных держав полностью обессилел, стоя на краю пропасти. Союзники на Западном

фронте и на юге от греческих Салоник перешли в решительное наступление.

Румыны терпеливо дождались конца октября, когда стало окончательно ясно, что со дня на день Германия, охваченная революционной смутой и голодом, вот-вот попросит перемирия. И тут же объявили ей войну, не потеряв при этом ни одного солдата, и, фигурально выражаясь, успели вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда.

В отличие от тех же русских, что, также капитулировав перед немцами, с великой жестокостью продолжали убивать друг друга. Устроили у себя дома кровавую гражданскую войну и упустили все возможные выгоды!

Румыны же вовремя очутились в стане победителей, которые в своем великодушии оказались удивительно щедрыми, ибо отдавали не свое кровное, а отбирали у побежденных.

На страну посыпались невероятные блага как из рога изобилия. От враждебных соседей, Венгрии и Болгарии, отрезали в пользу валашского королевства Трансильванию, Буковину, Восточный Банат и вернули обратно Южную Добруджу. Вот только природные валахи на присоединенных к короне территориях едва треть населения составляли.

Занятую румынами Молдавию, заседавшие в Версале победители решили окончательно отобрать у охваченной революцией России, дабы в будущем, если русские, неважно кто из них — красные или белые, попытаются возродить могущество великой страны, то здесь великодержавность наткнется на стену. Поздно, уже территория другого государства, так что москвитам рассчитывать будет не на что. Именно потому версальские политики оставили русскую Бессарабию, а именно так тогда называли Молдавию, в полном и безраздельном пользовании новоявленных оккупантов.

Правда, обставили дело ссылками на «историческую справедливость и права наций на самоопределение». С первой вышло совсем неладно. Бухарестский мир 1812 года, на который сгоряча сослались охочие до чужих земель валахи, по которому Бессарабия вошла в состав Российской империи, был подписан князем Кутузовым, будущим победителем самого Наполеона, не с румынами... а с турецким визирем.

Ибо в то время все балканские народы находились под османским владычеством и независимостью не обладали. А валашский князь стал румынским королем лишь через полвека с лишним, после очередной победоносной войны русских с турками.

Но разве исторические факты кого-либо останавливали?!

Потому выбрали для вящей страховки и второй вариант, по которому заправили Антанты, соблюдая всевозможные политические реверансы и благопристойность, устроили в Бессарабии нечто вроде плебисцита, которые проводили в других европейских странах, когда хотели внешне соблюсти законность в совершенном беззаконии.

Но так как голоса считали королевские чиновники, а не иностранцы, то «свободное народное волеизъявление» молдаван проходило под штыками оккупантов. Румынские жандармы взяли под арест чуть ли не весь местный парламент, если применимо это слово к сей «лавочке», Сфатул Церий, в полном составе. Соответственно и результат получился предсказуемым и давно ожидаемым в Версале — все население чуть ли не «единодушно» вошло в состав «Великой Румынии».

Именно так, с большой буквы — ибо территория страны более чем удвоилась, репарации с Германии оказались намного больше, чем те, которые немцы с венграми год назад с валахов содрали.

Да еще задарма французы с прочими союзниками всю королевскую армию, которая до того терпела только одни поражения и бежала от первого выстрела неприятеля, полностью снарядили и перевооружили, избавив разоренную страну от излишних и значительных расходов.

Разве это не чудо?!

Для полного счастья «располневшей» румынской державе не хватало самой малости — Транснистрии. Под таким мудреным названием в королевском дворце объявили «прародину» всех валахов еще с дохристианских времен, междуречье Днестра и Южного Буга. И то, что там сейчас проживало лишь несколько десятков тысяч молдаван, при совершенно ничтожном числе собственно румын, никого из бухарестских политиков совершенно не волновало. Зато территория Румынии еще увеличится на треть и вот тогда станет действительно «Великой».

В 1919 году румыны решили не упускать момент и вкупе с другими интервентами — греками и французами — заняли Одессу и потихоньку поползли на Херсон. Однако атаман Григорьев признал Советскую власть и двинулся со своей разудалой вольницей, для пущего страха именованной бригадами РККА, на оккупантов.

Французы и греки после первых стычек бежали сразу же, сломя голову, бросая пушки, пулеметы и танки. А ведь они сразились не с регулярной армией, а лишь с бандитами.

Румыны моментально сообразили, что может произойти с ними в прямом столкновении с русскими, пусть даже одичавшими от грабежей вчерашними повстанцами, и с не меньшим проворством, чем союзники по разбою, вовремя убрались за Днестр, прихватывая по пути все, что плохо лежало и попало на вороватые глаза.

Второй шанс приобрести вождевленную «прародину» представился в мае 1920 года, когда польские дивизии устремились к Киеву. Ситуация виделась в Бухаресте совершенно беспроегрышной. Русские увязли в гражданской войне, так что красные вряд ли бы смогли оказать ляхам сопротивление. Зато румынская карта была весомой, и как раз такой, что любили дипломаты в Бухаресте — получить свое, совершенно не воюя при этом. Или сделать все чужими руками, а потом отхватить желанный кусок пирога.

Одна лишь угроза перейти Днестр и зависнуть за спиной польской армии могла заставить кичливых панов усестись за стол переговоров и тихо-мирно договориться о разделе сфер влияния.

Вот только кто мог ожидать, что белые с красными опомнятся, заключат между собою перемирие ввиду внешней угрозы. А там большевики, при молчаливой поддержке своих вчерашних врагов, нанесут страшный удар по полякам, за три месяца раздавив их армию и полностью советизировав территорию. Франция всячески подталкивала Бухарест к тому, чтобы ударить в тыл большевистского Юго-Западного фронта. Такое коварное нападение могло бы привести к «чуду на Висле», если бы не одно но...

Пока шли транспорты с оружием и снаряжением от Марселя до Констанцы, пока шла нудная и долгая торговля по поводу будущих преференций, неожиданно выяснилось, что переправа румынской армии через реку стала совершенно бессмысленной.

Большевики и монархисты сговорились между собою, даром что те и те русские. Связываться же с белыми, что стали выдвигать свои дивизии на левый берег Днестра, в Бухаресте не желали абсолютно. Одно дело воспользоваться смутой у соседа, и совсем другое — сразиться один на один со страшным противником, которого даже красные, несмотря на чудовищное превосходство в силах, не смогли сломить.

Воевать не хотелось совершенно, несмотря на все заманчивые обещания Парижа. Но и отдавать обратно оккупированную Бессарабию румыны не собирались, несмотря на неоднократные требования русского царя. Потому-то и отрыли окопы на своем берегу, установив пушки и пулеметы и опутав все колючей проволокой. Оно так даже надежнее!

— Проклятые русские, — сквозь зубы прошептал Григулеску, с тоскою глядя, как на той стороне голубой реки вздымаются крыши и белеют стены домов столь близкого, но уже безнадежно далекого Тирасполя.

Ведь там ему обещали дать большое поместье с несколькими сотнями крестьян, которых он научил бы правильно жить, как рачительный хозяин, и сам бы вырвался с черной полосы долгого безденежья. Потому было особенно тяжело слушать в себе тягостный звон осколков мечты о «великой стране», от Дуная до Буга...

Берлин

(2 октября 1920 года)

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Никогда в жизни председатель РВС Лев Давыдович Троцкий не испытывал столь острого, пронзающего буквально все внутренности раскаленными иглами, приступа головокружительного счастья. Даже безумные афинские ночи с любимыми женщинами не приносили ему столь объемного чувства полного наслаждения.

Не прошло и трех лет, как он, тогда еще нарком по иностранным делам, молодой и никем не признанной Советской республики вел переговоры в Брест-Литовске с чванливыми германскими генералами и чопорными венскими дипломатами.

В те холодные дни, даже в горячечном бреду, Троцкий совершенно не рассчитывал, что придет время и Германия станет советской. И оно пришло в этот не по-осеннему теплый день!

Ныне и сейчас перед Бранденбургскими воротами и рейхстагом проходят торжественным маршем победоносные полки Красной армии, сверкая острыми жалами граненых русских штыков. И пусть шеренги бойцов в пропыленной защитной форме неровные, и даже иной раз не попадают в ногу, но это идут те, перед которыми уже сейчас трепещет до животных колик вся мировая буржуазия.

Уставшие лица скользили перед взором нескончаемым потоком, и одно их объединяло — нескрываемая радость. Ликование испытывали все — и красноармейцы, что три года назад, озверевшие вконец от окопного «сидения», под выкинутым большевиками лозунгом «война-войне» с охоткой поднимали на штыки своих командиров, и их офицеры, также испытавшие все ужасы мировой бойни. И хотя они стали ныне красками, но всего пять лет назад «их благородия» сами мечтали войти победителями в Берлин, особенно когда отступали по раскисшим и грязным дорогам Полесья.

И не разуверились в этой надежде!

Именно он, «красный маршал революции», как уже начали его называть, пусть пока и потихоньку, объединил всех русских людей на освободительную войну с поляками, вспомнив даже приснопамятный 1612 год. И ведь пошло офицерье под красные знамена, в охотку, и воевать принялось не за страх, как раньше, когда к каждому «военспецу» приходилось приставлять комиссара с маузером, а за совесть. Даже заслуженный генерал Брусилов обратился со своим воззванием и сам предложил РВС свои услуги.

«Наше теперь офицерье, с потрохами», — самодовольно подумал Троцкий, задорно потряхнув узкой, клинышком, бородкой, которую все связывали с обликом Мефистофеля, что, положив руку на сердце, председателю РВС нравилось. Еще бы — а то некоторые товарищи, что совсем не товарищи, а недруги, с козлиной даже сравнивали, что в корне реноме подрывало. А так приемлемо, и даже льстит...

— Товарищи! Мы разобьем гнилые оковы позорного и похабного Версальского мира!

Надрывая горло изо всех сил, Лев Давыдович выкрикнул очередной лозунг. Как раз для проходящих вдоль украшенной красными флагами трибуны стройных колонн солдат в серой униформе и характерных, легко узнаваемых стальных шлемах, что знала вся Европа.

Великое дело — интернационализм! Сейчас парадным чеканным шагом, в котором было

что-то от гусиного, перед ним торжественно шествовал 1-й стрелковый полк германского пролетариата, наименованный в честь Розы Люксембург, замученной два года назад кровавыми империалистическими палачами в самом Берлине.

Но, как у Экклезиаста сказано — есть время разбрасывать камни, а есть время собирать. И, наконец, настал момент свести счеты, сторицей отплатить за погибших «спартаковцев».

Спешно формируемая германская Красная армия уже представляла собой весьма серьезную силу. Лев Давыдович не ожидал, что в Берлине будет такой наплыв добровольцев, даже мобилизацию объявлять не пришлось. Русским бы крестьянам подобную сознательность в феврале 1918 года, когда перед одной ротой немцев драпали полностью разложившиеся дивизии, а добровольцев под красные знамена пришло не просто мало, а совершенно ничтожное число.

А тут прямо девятый вал — комиссары и писари не справлялись с записью всех желающих, и если бы не помощь дотошных немецких товарищей, то хоть «караул» кричи!

Но ничего, разобрались быстро, благо у тевтонов привычка к дисциплине впитана с материнским молоком. Стоит любому пруссаку в строй стать, так мигом солдатом становится. И с командными кадрами проблем не встало, так что специально отобранные еще в Москве русские офицеры со знанием немецкого языка оказались невостребованными. А это даже к лучшему — не будут контрреволюционную агитацию среди них проводить, принцип «разделяй и властвуй» не вчера придуман.

Многომиллионная ранее германская армия благодаря усилиям Версальских «миротворцев», до ужаса боявшихся возможного возрождения рейха, сократилась до ста тысяч — как раз на семь пехотных и три кавалерийских дивизии с минимумом артиллерии и боеприпасов. Союзники бы еще подсократили, но тевтоны на переговорах уперлись намертво.

Их можно было понять и оправдать — загребущие соседи, особенно чехи и поляки, хорошо поживившиеся за счет побежденной Германии, останавливаться на достигнутом отнюдь не желали. Они принялись изыскивать новые возможности для дальнейшего приращения своих территорий, благо армии имели куда более многочисленные и всякими мирными договорами не стесненные.

Из огромного офицерского корпуса оставили на службе лишь четыре тысячи немцев, еще столько же защищали рубежи в рядах «черного рейхсвера», насквозь незаконного, но нужного. И все!

Подавляющее большинство служивых было выброшено на улицу без средств к существованию, лишь немногих наделили мизерными пенсиями. И к власти нищенствующие вояки испытывали отнюдь не симпатии, недаром все эти два года говорили о «красном рейхсвере».

Потому стоило Красной армии вломиться в Германию, как озверелому кабану в камыши, перешагнув через поверженную панскую Польшу, как все рассказы приобрели весьма осязаемые и насквозь неприятные для Веймарских заправил черты...

— Да здравствует социалистическая Германия! Смело вперед, товарищи! Даешь Париж!

Выкрикнув, Троцкий победно вскинул правую руку, ибо надетая под легкое пальто стальная кираса, которую он носил в последнее время под одеждой, обоснованно опасаясь покушения, не позволяла ему погрозить небу одновременно двумя кулаками.

Сейчас, с этой трибуны, он впервые ощутил себя вождем мировой революции!

Ведь Ленин, скрюченный страшной болезнью, уже не мог не то чтобы раздувать мировой пожар, но даже толком завершить переустройство России. Сдал Ильич, переложив все дела на него. А сколько стоило нервов убедить «Старика» и Дзержинского приложить все силы на мировую революцию, без которой существование диктатуры пролетариата в одной стране,

пусть даже огромной, бессмыслица?!

К счастью, столь опасные «белые» сами пошли на перемирие, дав ему этот единственный шанс, который, как в рулетку, уже принес невыносимый выигрыш!

«А ведь „Старик“ все прекрасно понимает и уже начал ревновать меня к славе. Ведь недаром своего верного „Квазимодо“ ко мне соглядатаем приставил», — Троцкий скосил взгляд на молодого грузина в потрепанной шинели, что стоял рядом с ним.

Лицо в оспинках по-азиатски бесстрастно, левая рука, немного искривленная, плотно прижата. Нарком по делам национальностей и одновременно председатель РВС Юго-Западного фронта Джугашвили, сменивший фамилию, как и многие другие большевики, на звонкую партийную кличку Сталин. Этот бывший боевик, поднаторевший в лихолетье первой революции на «эксах», явно чувствовал себя скованно на фоне блестящего оратора Троцкого, купавшегося в лучах славы.

Еще бы — ленинский протеже прекрасно видел и слышал, как реагировали тысячи собравшихся на площади людей на триумфальные выкрики Льва Давыдовича.

— Даешь!

— Ура!

Красноармейцы громко, хотя несколько вразнобой, поддержали призыв. Тут Троцкий машинально отметил, что ранее «на Варшаву или Берлин» кричали куда как задорнее. Видимо, русским мужикам, которые составляли большинство в полках, перспектива дойти победным маршем до Парижа стала несколько если не пугать, то напрягать изрядно.

— Хох!!!

— Хайль!!!

Зато на его искренний выкрик яростно и хрипло, на одном вздохе грянули немецкие колонны. Лица солдат, одетых в «фельдграу» внушали нешуточную надежду. Такие обязательно дойдут до Парижа, как и шесть лет назад. И не только — сейчас даже на зубах доползут, желая взять реванш за все унижения и нищету.

— Да здравствует мировая революция...

Договорить Троцкий не смог — страшный удар в живот не только перехватил дыхание до потемнения в глазах, но и отбросил председателя РВС на стоящих за спиной адъютантов.

Впервые в жизни он почувствовал себя так странно.словно среди белого дня смотрит синемаатограф, в аппарате заело пленку, которая стала медленно тянуться, чуть ли не по кадрам. Полностью пропал слух, установилась давящая, мертвящая сердце тишина.

Стоявший рядом с ним главком Каменев медленно, очень медленно повернулся ко Льву Давыдовичу — тот, будто впервые в жизни, с отчетливой пронзительностью видел каждую черточку на его лице, чуть ли не любой волосок в пышных и длинных, истинно шляхетских усах. И тут лоб главкома словно взорвался, как переспелый арбуз, выбросив массу красной и теплой мякоти прямо в лицо Троцкого.

— А-а!

От собственного крика, пропитанного болью и ужасом, председатель РВС очнулся, время снова убистрило свой ход, на разум и все чувства обрушились звуки.

— Что такое, товарищи?!

— Главкома убили!!!

— Твою мать!!!

Адъютант с искаженным лицом прыгнул вперед и прикрыл Троцкого собственным телом, а его неожиданно крепкие и сильные ладони буквально пригнули к дощатому помосту. Лев Давыдович хотел возмутиться, но тут же к нему вернулась способность размышлять.

«В меня целили! Но панцирь выдержал. А вторым выстрелом Каменеву голову

разнесли». — Троцкий сжался в тугой комочек, представив, как неведомый стрелок ищет его в прицеле.

Захотелось жить как никогда, до боли каждой клеточки тела. Он чуть ли не заскулил, стараясь сделаться как можно меньше и вжимаясь всей грудью в начищенный до блеска сапог.

— Товарища Сталина ранило!!!

— Да не ори ты, и так вижу! Руку выше перетягивай, напрочь ведь снесло!!!

— Дайте бинта!

— Ремень снимай, стягивай туго! Врачей сюда!

«Вот оно как?! Кроме Каменева еще и в грузина попали», — от мысли, что неизвестный злоумышленник подстрелил ленинского соглядатая, Троцкий повеселел, к нему вернулось привычное хладнокровие. Но вскакивать на ноги не стал, к чему изображать героя, и продолжил вслушиваться в царящий кругом кавардак, сопровождаемый криками, стонами и руганью, которые, однако, не помешали председателю РВС расслышать еле слышный звук далекого выстрела.

— Из того дома бьет, сучий потрох!

— Пять выпалил, магазин пуст!

— Сволота!

Суматоха на трибуне продолжалась, но уже принимая упорядоченный характер. Да и суতোлка на площади прекратилась, лишь раздавались звонкие и строгие команды на немецком и русском языках. Лев Давыдович так ничего и не видел, да и не собирался, но зато все прекрасно слышал. Чей-то властный и знакомый голос громко приказал:

— Живьем брать, суку!!! Быстрее, мать вашу! Весь парад мне испортил, поганец!

«Тухачевский! В наполеоны метит, выкормыш, парад ему испортили. Ничего, я ему это припомню». — Троцкий мысленно сделал зарубку в памяти, и только сейчас решился встать, благо сильные руки адъютанта сами стали приподнимать его на ноги...

Тирасполь

(2 октября 1920 года)

— Какие дикари! Я видел их в Сирии. Наши зуавы в сравнении с этими варварами вполне цивилизованные и приличные люди! У них воинственный вид, у всех этих мусульман, но они плохие воины. Я дал очередь из пулемета по курдам, и те сразу же разбежались, как крысы!

— Хм... Позвольте с вами не согласиться, месье Морис...

Капитан чуть хмыкнул, искоса глянув на жизнерадостного французского майора, что неделю назад прибыл в Констанцу и вчера был назначен советником в полк.

Морис Пишон совершенно не знал румынского языка, впрочем, как и других, но совершенно искренне считал, что все люди на земле должны понимать французскую речь. Вот только таких среди румынских офицеров в пехотном полку оказалось всего трое, более или менее говорящих на нем свободно. Лучшим среди них был Григулеску, которого и назначили персональным гидом.

— Вы считаете этих грязных и вонючих дикарей, что моются раз в год, хорошими воинами, мон шер ами?

Майор искренне изумился, продолжая с нескрываемым интересом разглядывать стоящих на том берегу на удивление рыжеволосых бородатых горцев в потрепанных и грязных черкесках.

Чеченцы игнорировали колодцы, не желая работать воротом или «журавлем», и гоняли своих коней на водопой прямо к реке, не обращая ни малейшего внимания на пушечные и пулеметные стволы, которыми щетинился противоположный берег.

Да еще громко орали при этом, презрительно поглядывая на румын, которым такая наглость очень не нравилась. Но поневоле приходилось терпеть столь вызывающее поведение, так как на этот счет имелось весьма строгое указание из военного министерства.

— Я думаю, русские просто испытывают острую нужду в настоящих солдатах, оттого и набрали эти типажи. Их даже обмундировывать не стали, ходят как оборванцы! И никакого понятия о культуре! Сопли пальцами вытирают, фи, какая мерзость и мерде... О! Мой дорогой друг, они снова делают нам неприличные жесты!

— Такие у них нравы, месье майор! Очень опасные враги. Я видел в бою «Дикую дивизию», эти туземцы боготворят русского царя. — Григулеску, хотя и ненавидел русских, но относился к ним с опаскою и не стеснялся выказывать, как офицеру надлежит, уважение к врагу. За что подвергался насмешкам со стороны сослуживцев.

И осторожно добавил:

— Мы должны с этим считаться...

— Да бросьте вы, мой дорогой друг, — бравый майор покровительственно хлопнул Константина по плечу, которого несколько покорило от такой бесцеремонности.

— Никто с ними сейчас не считается. Это ж азиаты, так про...ть собственную победу могли только русские! Так что нынче в Версале с ними никто не считается, я это повторю еще раз! Несерьезно!

Григулеску не стал возражать, хотя его и подмывало это сделать. Политики из Антанты могут не считаться с Россией, но он здесь, на берегу Днестра, не может такого позволить. Как и генералы, которые презрительно хмыкают, но почему-то держат против трех русских дивизий девять. Увеличили бы армию еще, желательно вдвое, но очень подозрительно завозились венгры с болгарам, передвигая свои куцые войска поближе к румынской границе. А это наводило на грустные мысли...

— Я же говорю — у них нет хороших солдат! Смотрите на этих вояк, капитан! Нагими ходят! Наверное, пропили свое обмундирование?! Мне говорили, что русские весьма склонны к пьянству!

Чуть в стороне от чеченцев на берег реки вышла странная троица — один был в черной униформе с черно-красными погонами корниловской дивизии, судя по широкому желтому галуну — фельдфебель, а двое других щеголяли в одних только синих, до колен, трусах.

Новоявленные нудисты бросили на бережок мешок и живо залегли за бугорки. То же самое сделал и заслуженный унтер, но предварительно бросил в воду некий черный предмет, похожий на бутылку, сделав перед этим с ним какие-то манипуляции.

Григулеску сразу догадался, что произойдет, благо три года назад видел подобное на Пруте — русские неисправимы. А потому голосом всезнающего знатока произнес:

— Они ловят рыбу, мой майор!

— Ловят?!

— Не удивляйтесь, они ее глушат!

— Как это глушат?!

Граната негромко ухнула, и на синей речной глади подлетел вверх небольшой столбик взбаламученной воды, и всплыли несколько крупных серебристых тушек, за которыми ринулись два нагих солдата.

Вояки шустро хватили оглушенную взрывом рыбу и выкидывали ее на берег. Фельдфебель спокойно скидывал улов в мешок, покуривая при этом папиросу. Чеченцы стали одобрительно размахивать руками и снова принялись делать крайне непочтительные жесты.

— Какие милые варвары! Я говорю не о детях гор, капитан, а о солдатах! И вы говорите, что нужно считаться со страной, где солдаты вынуждены добывать себе пропитание столь

неприглядными способами! Да у нас бы любой ажан мигом бы запретил подобные развлечения, вздумай кто-нибудь добывать вот таким способом рыбу в Луаре, Сене или Роне. Нет, какие милые варвары! А знаете что, капитан?! Давайте им немного поможем, а заодно заключим с вами пари!

— Я что-то не пойму вас, мой майор! — Григулеску посмотрел на француза, совершенно искренне недоумевая, что тот ему сказал. — Кому мы поможем? И какое заключим с вами пари?

— Это все просто, мой дорогой друг, — быстро затараторил Пишон, энергично жестикулируя. — У вас в окопе бомбомет — выпалим ровно на середину реки, напротив туземцев. Пусть русские собирают свою рыбу — бомба ведь мощнее ручной гранаты, там ведь килограмм десять шнейдерита. А кавказцы будут нашим пари.

— Они-то при чем, мой майор? И как, позвольте узнать, я объясню генералу выстрел?

— Вы сказали, что эти туземцы хорошие воины, а я считаю, что они разбегутся после взрыва, — майор хищно улыбнулся. — А вашему генералу я сам скажу, что бомбомет был заряжен, но выстрел произошел произвольно, совершенно случайно, такое сплошь и рядом происходит. Это всего лишь милая шутка, чисто в парижском духе, капитан, и ничего больше. А пари мы заключим на две бутылки коньяка. Согласны вы на это небольшое развлечение, капитан?

— Принимаю, — после недолгой паузы отозвался Григулеску. Действительно — оправдание есть, да и сами русские только что гранатой рыбу глушили. Им и такое будет в развлечение. Совершенно невинная шутка в истинно французском стиле, никак не больше.

И, повернувшись к окопу, капитан негромко отдал приказ фейерверкеру, продолжая стоять рядом с майором, и с растущим нетерпением ожидая выстрела.

Шва-х!!!

Бомбомет оглушительно рыкнул, и большой оперенный заряд взлетел в воздух. К великому изумлению Григулеску, бомба пошла по совершенно пологой, а не крутой траектории, как он ожидал.

«Фейерверкер ошибся, или порохового заряда засыпали много», — машинально отметил капитан, и тут же с ужасом, от которого волосы встали дыбом, осознал, что сейчас произойдет. Оттого продолжал стоять молча, без звука разевая рот, словно вынутая на берег рыба.

Швам-с!

Посредине коней и гогочущих горцев взметнулся султан черного дыма и багрового пламени, взлетели на воздух комья земли, разорванная лошадиная требуха и людские ошметки.

— Прах подери!

Капитан не обратил внимания на веселое ругательство жизнерадостного француза только потому, что остолбенел от увиденного, проклиная ту секунду, в которую он отдал столь необдуманный приказ.

— Я выиграл пари, мон шер ами, — как ни в чем не бывало произнес майор, указывая рукой на противоположный берег. — Никчемные вояки, ничем не лучше курдов, которых мы стреляли в Сирии. Они бегут за лошадьми следом и кричат от страха!

— Они бегут за винтовками, остолоп, — впервые капитан дал волю своим истинным чувствам, с ужасом глядя на обезумевших от гнева горцев, — и орут в ярости. Ой, что сейчас начнется... что начнется...

Последнюю фразу Григулеску уже не выкрикнул, а прошептал, бросаясь в окоп и стремясь поплотнее прижаться к земляной стенке. А сверху донесся раздраженный, полный негодования голос Пишона:

— Вы кого осмелились назвать остол...

Слово оборвалось на первом выстреле, а затем стрельба началась просто бешеная, но пока из винтовок. И тут сверху в окоп на румынского капитана свалилось тело легкомысленного француза с разmozженной головой. Светлая ткань кителя была окрашена густыми кровавыми пятнами.

— Идиот! И я... Какой же я болван!

Попрощавшись с союзником напутственным словом, а заодно выругав себя, капитан стал вслушиваться в разгорающуюся не на шутку перестрелку.

Вот с румынской стороны стали ответно палить из винтовок, солдаты что-то орали, затем захлопали бомбометы и несерьезно твякнула, как собачка в руках пожилой графини, известной во всем Букарешти, что пережила уже двух королей, полуторадюймовая траншейная пушка.

С русской стороны басовитую трель начал пулемет, выпустив без паузы всю ленту. И тут же в смертельный хор включились другие, гоня свинцовый ветер на правый берег.

В ответ немедленно рявкнули 75-мм французские пушки. «Скорострелки» посылали снаряд за снарядом, желая задавить огнем поставленной на удар шрапнели многочисленные пулеметные гнезда русских. И им это удалось!

Капитан, слушая их хриплое смертоносное дыхание, с удовлетворением выдохнул воздух. Огонь корниловцев стал затихать, и это понятно — против пушек стрелковое вооружение как-то не тянет.

Шкун-с!

Но тут земля под Григулеску содрогнулась, и он, подкинутый на дне траншеи, прикусил язык. Затем мощные взрывы последовали один за другим, а шелестящий и знакомый до ужаса звук тяжелых «чемоданов», казалось, заполнил весь воздух и, ломая барабанные перепонки, стал безжалостно вламываться в застывший от ужаса ожидания смерти мозг.

«Шестидюймовые мортиры?! Когда же их поставили? Осталось только молиться!»

Капитан в диком страхе цепко припал к земле, как дите к материнской груди, при этом постоянно поминая молитвы и ругаясь самыми черными словами в адрес французского недотепы-майора, чья идиотская шутка в исполнении еще большего неумехи румынского фейерверкера привела к самой настоящей войне...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОТ ХОЗЯИН ГАСИТ СВЕЧИ...

(3 октября 1920 года)

Одесса

— Ваше величество, мы сделали все, что было в наших силах, но такие раны очень тяжелые, зачастую с жизнью несовместимые...

Тихий, с толикой равнодушного профессионального сочувствия, голос лейб-медика стопудовой тяжестью обрушился на Михаила Александровича, и он чуть ли не рухнул на мягкий диван.

Император не раз видел смерть, командуя на фронте знаменитой «Дикой дивизией», и потому, хоть яростно надеялся на чудесное исцеление генерала Арчегова усилиями самых лучших врачей, которых только смогли собрать в городе, умом прекрасно понимал, что ранение сразу двумя пулями в голову почти всегда смертельно.

«Были друзья, честные, искренние, за два месяца обоих одним махом лишился. Вначале Семена потерял, теперь Костю следом! Словно самому две руки отрубили!»

От пронзительного приступа отчаяния Михаил Александрович заскрипел зубами и чуть слышно простонал.

Два его генерал-адъютанта были людьми абсолютно разными и по характеру, и по взглядам, но их судьбу объединяло мистическое, почти сказочное прошлое, вернее будущее. По какому-то невероятному или безумному, что зачастую одно и то же, стечению чудесных обстоятельств оба были «выдернуты» из своего времени.

Семен Федотович Фомин, ровесник века и, как ни странно, крестный сын самого царя, с того времени, когда тот был еще великим князем и получил в удел от своего старшего брата императора Николая II поместье Брасово, что на Брянщине.

В далеком 1943 году, спрятавшись в пещере под Поганкиным Камнем, что стоял посередине непроходимого болота, месте насквозь колдовском еще со времен седых волхвов, он очутился с друзьями в июне 1918 года в Перми. И спас там Михаила Александровича от расстрела, который уготовили последнему российскому императору местные чекисты. В последнюю минуту увез от расправы, хотя потерял в схватках всех своих людей, за исключением Шмайсера.

Последний, которому так безоглядно верили и Фомин, и сам Михаил, на самом деле оказался агентом германской разведки Абвера, изрядной сволочью и мерзавцем, но ставший флигель-адъютантом.

Воспользовавшись абсолютным доверием царя, он попытался устроить в мае военный переворот в Иркутске, с взятием под арест Сибирского правительства.

Именно за участие в этой совершенно ненужной, безумной затее заплатил самой страшной ценой, своей жизнью, Семен Федотович, которого второй генерал-адъютант монарха, Константин Иванович Арчегов, сибирский военный министр, прямо-таки заставил совершить жуткое самоубийство самосожжением.

Понятно, что огласки столь неприятное дело не получило, замаяли самым тщательным образом. Во всех газетах поместили хвалебные некрологи в память погибшего от рук эсеровских боевиков генерала, благо на террористов, убивших в январе министра внутренних дел Яковлева, можно было списать многое, если не все.

На похоронах Фомина Михаил Александрович не мог присутствовать, он вместе с Арчевым выехал в Омск. Да и сам премьер-министр Петр Васильевич Вологодский, прекрасно зная истинную подоплеку событий, настоял на их немедленном отъезде из Иркутска.

Константин Иванович Ермаков родился через шестьдесят один год после Фомина. Отставной подполковник спецназа, прошедший многие «горячие точки» 1980–1990 годов, от Афганистана до Чечни, разбитый ранами и болезнями инвалид, он тоже оказался не в своем времени, в декабре 1919 года на Кругобайкальской железной дороге.

В отличие от Фомина, который «перенесся» телесно, душа и разум Ермакова в результате шаманского камлания в священном для бурят месте на берегу озера Байкал оказались в теле спившегося ротмистра Арчева, его полного тезки, что командовал дивизионом бронепоездов в войсках «забайкальского властелина» атамана Семенова.

Время было крайне тяжелым — Белое движение в Сибири агонизировало, а Верховный правитель адмирал Колчак с золотым запасом фактически был взят чехами под арест.

Армия волжского героя генерала Каппеля медленно продвигалась к Красноярску, оставляя в пути сотни замерзших эшелонов, тысячи умерших и больных, а в Иркутске, в довершение трагедии, подняли восстание эсеры, организовав Политцентр.

Все могло произойти как в реальной истории!

Чешские интервенты тогда отдали золото большевикам за беспрепятственный пропуск своих многочисленных эшелонов, набитых под завязку награбленным в России добром, длинной лентой обожравшегося удава вытянувшихся на Транссибе.

Остатки армии генерала Каппеля с невероятными трудностями добрались до Читы, потеряв в ледяном походе своего командующего. Адмирала Колчака красные расстреляли прямо на льду в устье реки Ушаковки, что впадает в Ангару, и скинули труп в прорубь.

Так бы все и произошло, если бы ни одно но...

В теле ротмистра Арчева оказался другой человек, офицер с боевым опытом не начала, а конца XX века, а ведь это совсем иное дело.

Бронепоезда вместо бесцельного стояния на путях стремительно рванулись на Иркутск, захватив стратегически важные туннели Кругобайкальской железной дороги, а затем прорвались к Иркутску, нанеся поражение чехам и разгромив воинство Политцентра.

И тут маховик истории, бешено раскрутившийся, пошел в противоположную сторону, меняя картину привычной истории.

К власти было возвращено Сибирское правительство Петра Васильевича Вологодского, распущенное годом ранее в угоду формирования Всероссийской Директории, в которой заседали эсеры, отодвинутые потом от власти военным переворотом, приведшим на пост Верховного Правителя адмирала Колчака.

Произведенный в полковники Арчев был назначен командующим спешно формируемой Сибирской армии, которая немедленно начала наступление на Красноярск, соединившись там с отступавшими войсками генерал-лейтенанта Каппеля.

Зарвавшиеся в безостановочном наступлении дивизии 5-й Красной армии латыша Эйхе были по частям, одна за другой, безжалостно разгромлены перешедшими в контратаку белыми и сибиряками, которые одним рывком дошли до самого Омска.

И эта победа тут же аукнулась и на юге России. Войска генерала Деникина, с донскими и кубанскими казаками, откатившиеся от Тулы до Черного моря, получив известие о чудесном воцарении Михаила Александровича и о победном марше сибиряков обратно к уральским горам, воспрянули духом. И стали искать спасения не в панической эвакуации из Новороссийска в Крым или Турцию, а в яростном отстаивании оборонительных позиций по Дону и Маныче. А там удержались, кое-где перейдя в решительное контрнаступление против

зарвавшихся красных.

История изменилась — большевики рано начали праздновать победу, тем горше для них стали поражения. Власть СНК зашаталась, и, чтобы выиграть время для собирания свежих сил, Ленин и Троцкий пошли на заключение перемирия, тем самым боевые действия были остановлены, и армия Деникина удержалась на юге России.

История несчастной страны приняла совсем иной характер, чем тот, о котором Арчegov-Ермаков рассказывал воскресшему от смерти последнему российскому императору.

Все обернулось как нельзя к лучшему, словно в чудесной сказке со счастливым концом. Михаил Александрович искренне надеялся, что энергичный военный министр Сибирского правительства и инспектор ВСЮР продолжит свою кипучую деятельность, а тут раздались эти предательские выстрелы, оборвавшие его жизнь.

В такой момент!

Информацию о покушении пока удалось если не замять, то локализовать. Сдерживая порыв немедленно бежать к смертельно раненному генералу, Михаил Александрович продолжал спокойно восседать в ложе рядом с греческим королем, переговоры с которым и без того потрепали нервы и отняли много сил, со свитой и высокопоставленным окружением.

Он даже натянуто улыбался ставшими резиновыми губами, с деланным весельем шутил, продолжал вести беседу со своим венценосным кузеном. И кое-как дождался конца оперы, но даже и тогда сдержал в себе растущую снежным комом в душе тревогу.

Чинно попрощавшись с греческим королем и его свитой, он бросился на автомобиле в госпиталь, получив по пути известие о вспыхнувшей по Днестру перестрелке между русскими и румынскими войсками...

«Господи милостивый! Что же я скажу Нине Юрьевне?! Что я ей смогу сказать?!»

Вспомнив о жене Арчегова, что, по сути, спасла ему жизнь, император похолодел, чувствуя, как волосы встают дыбом. Женщина должна была родить на днях, а столь жестокое известие ни в коем случае не должно быть получено в Иркутске.

Михаил Александрович стряхнул с себя отупение, вызванное столь тяжелой утратой, собрал в кулак душевные силы и решил немедленно отдать нужные распоряжения.

— Удивительно крепкий и живучий организм, я такого еще не видел, ваше величество...

Голос лейб-медика чуточку дрожал, и именно эта интонация встряхнула изумленного монарха, и он мгновенно потерял хваленую, вбитую за годы жизни в Англии, где великий князь оказался в ссылке за морганатический брак с Натальей Шереметьевской, выдержку.

— Так Костя жив?!

Голос на высокой ноте сорвался в петушиный клекот, а цепкие пальцы монарха, мертвой хваткой вцепившись в сюртук, крепко трянули изумленного таким поведением врача.

— Так он жив?!

Михаил Александрович чуть ли не кричал и в волнении перешел на «ты», чего он никогда не делал.

— Да не молчи ты, Алексей Владимирович, не молчи, ради бога! Генерал жив, я тебя спрашиваю?!

— Вы сильно переживали, задумались, государь, а потому совершенно не слушали меня, — доктор плавным, но сильным нажатием ладоней освободился от крепкого захвата.

— Я же говорил вам, что состояние раненого крайне тяжелое, но стабильное. И если в течение трех дней не последует летального исхода, то мы можем, государь, надеяться на лучшее.

— Слава Господи!

Михаил Александрович истово перекрестился на икону и тут же насел на врача, спрашивая

того с прорвавшейся в голосе, и безумной в своей горячности, надеждою.

— Он может поправиться?!

— Вероятно, но об этом говорить преждевременно. Константин Иванович сейчас без сознания, возможно, это и к лучшему... Но если он впадет в кому, то последствия могут быть самыми печальными, — глаза врача сверкнули и в нем неожиданно прорезался обычный человек. — Хотя куда же хуже, и так за жизнь, почитай, одним только мизинцем уцепился, даже ногтем, если говорить честно. Удивительно живучий организм, другой бы давно прекратил функционирование...

— Я хочу немедленно взглянуть...

— Пойдемте, государь, я проведу вас к нему! Пойдемте!

Доктор ответил без промедления, стало ясно, что именно с этим предложением он сюда и пришел.

Михаил Александрович тяжело вздохнул и решительно пошел к двери — страшных слов не было произнесено, но вот то, что ему, пусть косвенно, предложили посмотреть на тяжело раненного друга, более походило на прощание...

Бендеры

— Господа! Этого часа наш незабвенный Михаил Гордеевич, царствие ему небесное, давно ждал!

Командующий знаменитой Дроздовской ударной дивизии, что вместе с Корниловской, Марковской и Алексеевской составляла главную силу белой армии, генерал-майор Антон Васильевич Туркул размашисто, по православному истово перекрестился.

Собравшиеся рядом с комдивом, которому исполнилось только 28 лет, столь же молодые и энергичные командиры полков и штабные офицеры также осенили себя крестным знаменiem и тут же надели фуражки с малиновой тульей и белым околышем, единственные по своему цвету во всей возрожденной русской императорской армии.

Специфическую, отличную от других форму, имели только эти четыре дивизии, получившие уважительное наименование «цветных». Яростный напор «добровольцев», кроме лютой ненависти, всегда вызывал у красных нешуточный страх и почтение.

И было от чего...

Начало формированию добровольческих частей в русской армии положил революционный 1917 год, приведший к всеобщему разложению пятимиллионной русской армии — мужики в солдатских шинелях отказывались воевать, митинговали и дезертировали.

Первым из оставшихся верными присяге офицеров и солдат по приказу главнокомандующего Лавра Георгиевича Корнилова был сформирован 1-й ударный полк, получивший вскоре имя генерала, а также черную униформу с черно-красными погонами и такими же фуражками. На рукавах корниловцы носили эмблему «Адамовой головы», символа бессмертия.

Во всей русской армии подобного знака чести и воинской доблести за всю более чем двухвековую историю было удостоено только две части — знаменитые Александрийские «гусары бессмертия» и прославившийся в Кавказской войне против легендарного имама Шамиля 17-й Донской генерала Бакланова казачий полк.

Первые три добровольческих офицерских полка новоявленной белой армии, развернутые в 1919 году в дивизии, получили имена генералов «первопроходников», то есть отправившихся в «Ледяной поход» добровольцев из Ростова на Кубань.

Кроме корниловцев там отличился 2-й офицерский полк генерала Маркова, получивший

его имя после совершенно нелепой гибели своего командира, убитого разрывом последнего снаряда, выпущенным красным бронепоездом. Марковцы имели точно такую же униформу, что и корниловцы, только погоны и околыш фуражки были чисто черными, а тулья белой.

Из студентов, кадетов, реалистов и прочей молодежи был сформирован в 1918 году генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым, бывшим почти всю мировую войну начальником штаба Верховного Главнокомандующего императора Николая II, еще один полк, также получивший имя своего шефа, вскоре умершего от тягот «ледового похода», но дождавшегося полного освобождения Кубани от большевиков.

Алексеевцы носили обычную защитную форму (как и корниловцы с марковцами в боях, ибо черное обмундирование сильно демаскировало, да и обходилось оно намного дороже) с синими погонами, символизировавшими именно учащих, из которых и был собственно сформирован полк, да цветных фуражек с белой тульей и синим околышем.

В начале 1918 года полковник Дроздовский, жаждая отомстить за позорный мир в Бресте и начать войну с большевиками, которых обоснованно считал предателями и германскими наймитами, собрал на Румынском фронте две тысячи офицеров, пожелавших принять участие в белой борьбе.

Однако румыны, страшась раздражить надвигающиеся по Украине германские войска, решили разоружить немногочисленный белогвардейский отряд, подкрепив свои действия сразу двумя дивизиями. Впрочем, такая угроза могла напугать разложенные революцией толпы бесчинствующих солдат, но не спянных общим желанием и присягой, прошедших через горнило боев русских офицеров.

Вооруженное столкновение между бывшими союзниками даже толком не началось, как румыны, имевшие удивительное чувство предвидеть возможные неприятности и почувствовав запах жареного, немедленно пропустили добровольцев за Днестр.

Отряд стремительно прошел по территории охваченной пламенем всеобщей войны всех против всех Украины, наполненной всякими «батьками» и бандами.

Пару раз добровольцы сцепились с наступавшими германцами и неоднократно громили красногвардейские отряды. Так с боями 3-й офицерский полк дошел до Кубани, где получил малиновые погоны — цвет стрелковых частей русской армии, и славное имя шефа, умершего от случайной раны, вроде и не опасной, но заражение крови оказалось для молодого генерала фатальным.

Во все добровольческие дивизии стекался цвет русского офицерства, а потому, несмотря на потери, ударные качества и боеспособность, оставались на высоком уровне. Да и солдаты служили в них охотнее — одно дело чувствовать себя пулеметчиком или связистом офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, или служить в обычном номерном Белостокском пехотном полку.

В последнем даже полного батальона за все время гражданской войны не набиралось, несмотря на все отчаянные старания немногих уцелевших «патриотов», стремящихся возродить свою часть.

Генерал Туркул, всем сердцем любя свою дивизию, пройдя с ней огонь и воду, прекрасно понимал, что только одними «цветными» дивизиями победить красных невозможно. Потому в последнее время сам отбирал и отправлял лучших дроздовцев в спешно формируемые части новой русской армии, снова ставшей императорской, хотя официально Михаил Александрович еще не короновался на престол.

Полгода мирной службы преобразили его дивизию, как и другие — времени оказалось более чем достаточно, чтобы спаять подразделения, достичь высокой выучки солдат и офицеров.

Хотя в результате реорганизации один полк был переформирован в запасной, а другие

сокращены не просто на четверть, но и на четвертые роты в каждом из трех оставшихся батальонов. Потому численность нынешней дивизии стала намного меньше, чем было солдат в довоенных бригадах по штату, но вот в боевых качествах своих подчиненных генерал нисколько не сомневался.

Более того, сейчас Туркул, как и все его офицеры, жаждал, чтобы дивизия поскорее вступила в бой и полностью оплатила бы сторицей румынам старые счета...

Новороссийск

— Знаешь, мое сердечко, я очень рада, что ты, наконец, не только получил свои танки, но и выгрузил их на берег.

Маша немного повозилась, удобнее устраивая свою голову на его плече. Семен тут же уткнул свой нос в ее пышные, пахнувшие ромашкой волосы, вздыхая будоражащий запах любимой жены.

Та, словно почувствовав кипение его не остуженной прожитыми годами крови, шаловливо поцарапала ноготком грудь мужа, но тут же хлопнула теплой ладошкой, как бы показывая, что всему свое время.

— Плохо, конечно, получилось, что мы сразу к батюшке в Новочеркасск не поехали.

— Но я должен был принять танки. Маша. Ведь это...

— Да понимаю я, — жена крепко придержала ладонью плечо вскинувшегося на кровати Семена. — Что такое воинская служба, я сама прекрасно знаю, забыл, чай, что казачку взял. Мы через три дня все равно поедем на Дон, с танками твоими. Ты же в Ростове с ними будешь на расквартировании, а оттуда до Новочеркасска рукою подать — погостим у батюшки, слава богу, там сейчас мирно. Зато ты под свое начало целый отряд этих бронированных монстров получил, пусть три дня тебя в супружеской постели не видела, днем и ночью на причале пропадал, горе ты мое!

Семен вздохнул с облегчением, вспомнив эти кошмарные дни и ночи, когда прибывший в порт английский транспорт спешно освобождали от тяжелой бронетехники.

Это ведь не шутка, за столь короткий срок вытащить из трюма плавучим краном многотонный танк, поставить его на железнодорожную платформу да еще качественно там укрепить. Заодно выгрузить и снова погрузить запасные части, автоцистерны, вооружение, боеприпасы, гусеничные ленты и множество других комплектующих, без которых танковый отряд просто воевать не сможет.

— Я за тебя теперь полностью спокойна, суженый мой...

Маша нежно погладила его по животу, крепче прижалась горячей щекою к предплечью.

— Это какой-то гремющий ужас на гусеницах. Настоящая, стальная крепость. Большая, страшная. Мой папа раньше и помыслить не мог, что на смену казачьим коням придут такие монстры!

— Броня крепка и танки наши быстры...

Семен промурлыкал в нежное ушко слова неизвестной пока здесь песни. Разубеждать жену не стал, только поддакивал, пусть у нее сердечко за него не беспокоится.

Вот только мысли, настоящие, потаенные, что про действительную неомощность танков ведали, держал в голове. Незачем знать девчушке, что броня этих «крепостей» обычной пулей может пробиваться с борта, правда, в упор, и даже шрапнель, поставленная на удар, броню в полдюйма проламывает с легкостью.

А там все — хана!

В этих допотопных танках баки расположены неудачно, горючего много, и пары бензина

постоянно просачиваются. Это ж не дизельный Т-34, тут сравнивать нечего!

— Ты ведь раньше на них воевал, Сеня?

— Воевать не приходилось, Машенька. Я с двадцать пятого года был в автотанковый полк переведен. Те же «Риккардо» были, «Тейлоры», да потом на наши МС-1 пересел, эти с французских «Рено» были скопированы, только в башне дополнительно пулемет установили к пушке.

— С двадцать пятого, — протянула жена и прижалась еще теснее, хотя и так обнимала крепко. — Не могу привыкнуть, что ты побывал уже в будущем и обратно вернулся. Интересно ведь...

— Ничего интересного, — резче, чем хотелось бы, отрезал Фомин, ставший по собственному желанию Ермаковым, когда его, обезображенного, держали взаперти в госпитале.

И надо же такому случиться, что в поезде он встретил будущую жену, оказавшуюся не просто однофамильцем, но и бабушкой настоящего Ермакова, что стал в этом времени генералом Арчegovым.

Бабушкой, которая еще первого ребенка под сердцем не носила — вот такая гримаса истории и временного перелома.

— Ты свой танк выбрал?

Маша, как истовая дочь и жена офицера, всегда старалась быть в курсе военного дела. Потому все эти дни с пристани не уходила, при молчаливом попустительстве офицеров отряда, что с нескрываемым обожанием смотрели на третью полковую даму и сочувственно поглядывали на ее сильно обгоревшего мужа. Вот о таких бедах, что несла на себе служба в броневых частях, все дружно помалкивали, дабы уберечь нервы любимых женщин.

— МК-5 «Композит», — сразу ответил Фомин. — Я на нем прошлый раз служил, только мы его только «Риккардо» по марке двигателя называли. А МК-В тот же ромб, только несколько меньше, и вооружен одними пулеметами. И броня у него тоньше, да и не знаю я его толком. Служить раньше не приходилось на таком.

— А почему ты его «комполитом» назвал?

— Англичане свои танки либо пушками вооружали, либо пулеметами. Первые именовали «самцами», а вторые «самками», — совершил экскурс в историю танка Семен Федотович, окончивший в свое время военную академию имени Фрунзе.

— Вот только весной 1918 года «женщины» на германские танки, а те вообще сараи на гусеницах, напоролась и были расстреляны из пушек. С того боя британцы и стали тасовать вооружение, с «самцов» по одной пушке снимая, чтоб у всех танков хотя бы по одной пушке было, дабы в случае схватки с «панцером» за себя постоять.

— «Самцы» и «самки», — медленно протянула Маша, как бы пробуя языком слова. — А ведь удивительно точно подмечено. Орудия бьют редко, но сильно, а пулеметы часто молотят, тараторят, как крестьянки у «журавля». А вот с «комполитом» как-то не так вышло, нехорошо. Мудреное такое название, язык сломаешь.

— Танкисты термин сей не используют, — усмехнулся Фомин. — Я твой слух берег. А так эти танки иначе называют, по-простому. Даже присказка такая у нас есть, прости за бранное слово — «пятый марк» гермафродит, сам е...ся и родит!

— Остряки вы, право слово, — Маша хмыкнула, а потом, не в силах сдерживаться, жизнерадостно засмеялась. Затем ударила его кулачком по груди. — Ложись спать! Старый ты развратник... гусеничных траков! Придумали же от безделья!

— Ложусь, — покорно согласился Фомин, поглаживая плечо жены. — Но про твою остроту офицерам расскажу, они будут довольны такой характеристикой, особенно мехводы. Коротко, емко и сугубо по-нашему! Даже в ругани танкистом становишься, лада моя. По ученому

выражаясь, сие есть профессиональная деформация. Налицо-с!

— С кем поведешься, — огрызнулась Маша, но Фомин остановил женушку, несколько извратив известное изречение, нагло позаимствованное у того же Арчегова:

— От того и забеременеешь...

— Охальник!

Жена потянулась к его губам, но тут же шлепнула по мужским ладоням, что сжали ее горячее тело и стали ласкать с все возрастающей теплотой, от которой возбуждение струями стало разливаться по молодому женскому телу.

— Нет, в наказание вам, милостивый государь, за неучтивые речи, будет положено послушание. А потому лечь смирно, и руки по швам... А то смотрю распустили не только... язык... Ах...

Одесса

— Ваше величество, предлагаю назначить генерал-майора Слащева командующим 1-м ударным корпусом, вместо погибшего генерала Казановича. На нем он принесет больше пользы!

— Даже так? Почему вы так считаете, Александр Павлович, позвольте осведомиться? — С наигранным удивлением произнес Михаил Александрович, задумчиво глядя на жесткое волевое лицо военного министра.

Кутепов специально холил и лелеял пышную бородку, которая умышленно старила еще молодого, не перешагнувшего сорокалетний рубеж мужчину.

— Он превосходный тактик, государь, но военный администратор никудышный. Я считаю, что ваш генерал-адъютант, как инспектор вооруженных сил, совершил ошибку, свойственную его... гхм... возрасту, добившись данного назначения. Может быть, это и принесло плоды, но сейчас мы стоим перед выбором — или вести боевые действия, или дипломатическими мерами урегулировать Бессарабский конфликт.

— Судя по вашему настойчивому предложению, вы сторонник первого решения?

— Я считаю, что Россия должна быть едина и неделима, государь. Только в этом будет ее величие. И скажу честно — не разделяю некоторых новых, скажем так, веяний в нашей политике!

— Вы имеете в виду Сибирь?

— Не только, ваше величество, — генерал смотрел твердым неуклонным взглядом человека, решившего идти до конца. — Есть еще и казачьи образования, и какая-то буферная «Уральская республика». Я не возражаю против независимости Финляндии и Польши, но «союзники» нам навязали признание прибалтийских лимитрофов, стали раздирать Россию на куски. Хорошо, что с Закавказьем удалось все решить жестко и за достаточно короткий срок. Но главное — большевики до сих пор сидят в Москве, заняли Варшаву и уже в Берлине. И любое промедление приведет к тому, что вся Европа попадет под власть красных. Государь, мы рискуем оказаться в гибельном положении...

— Вы военный министр, Александр Павлович, или политик?! — в голосе монарха звякнула сталь. — Вы вторгаетесь в область, принадлежащую не вашей компетенции!

— Я готов немедленно подать в отставку, ваше императорское величество! Могу командовать корпусом, дивизией, бригадой. Приму даже полк или батальон!

— Вашу отставку не принимаю, ибо началась война, — уже мягче произнес Михаил Александрович, очень довольный началом разговора. Жесткий, но «недалекий», как сказал о нем Арчегов, военный министр как нельзя более подходил для своего поста.

Происхождения Кутепов самого захудалого, первое образование хотел получить чуть ли не

в межевом институте и работать по землеустройству, но одумался и поступил в военное училище, а война с Японией окончательно сделала из него кадрового военного.

Образцовый служака, абсолютно без связей, что пронизывали весь аппарат прогнившей империи и царский двор, он честно прошагал через все ступени военной службы, закончив войну с германцами командиром самого старейшего и уважаемого полка русской армии, сформированного еще Петром Великим в качестве «потешного» — лейб-гвардии Преображенского.

Снимать Александра Павловича со своего поста было крайне неразумно, хотя приносило лично Михаилу Александровичу массу неудобств — приходилось отбиваться от массированных атак различных ходатаев, ибо очистку новых «авгиевых конюшен», в которые окончательно превратилась генеральская среда, мог провести только этот генерал — решительно, безжалостно и бескомпромиссно.

Вот только выполняя с Арчegovым, по сути, одну работу для будущего оздоровления России и ее армии, генералы не сошлись характерами. А потому именно сейчас было необходимо немного осветить ситуацию, раскрыть частицу давно вынашиваемых планов.

«Нет, не политик Александр Павлович, но тем лучше. Не заметит того, о чем мне придется умолчать!»

Михаил Александрович вытащил из цветной коробки душистую турецкую папиросу и неторопливо закурил ее, краем глаза продолжая наблюдать за генералом. Тот стоял молча, по-уставному прижав ладони к красным двурядным лампасам.

— Война с большевиками абсолютна не нужна, генерал. Незачем вести, ибо мы ее уже выиграли! Да-да, победили, милейший Александр Павлович, не сделав с марта месяца ни одного выстрела и не пролив даже капли крови наших солдат. Я имею в виду совместную с Совдепией условную демаркационную линию.

Михаил Александрович мысленно хмыкнул, глядя на оторопелое лицо военного министра. Тот только часто моргал глазами и чуть потряс головою, будто не поверил тому, что только сейчас услышал.

— Генерал Арчegov абсолютно прав, когда заметил, что большевики сами себя погубят! Нужно только дать им возможность устроить мировую революцию, которая окончательно обессилит Красную армию, обескровит экономику, которая и так пребывает в разрухе, и окончательно восстановит против них все население. У нас задача простая — ждать и терпеть, обустривать как можно лучше мирную жизнь народа, не ввязываясь в военные авантюры. И тем самым выиграть время и сохранить при этом армию полностью готовой к будущему освободительному походу.

— Вы хотите сказать, ваше величество, — лицо Кутепова покраснелось за секунду, голос чуть дрогнул, — что все эти соглашения с большевиками, которые заключил...

— Фарс, не больше, чем клочок бумажки, который сами большевики могут порвать в любое время. Так же как и я, впрочем. Но сейчас мы и так все получили — четыре пятых России собраны под моим скипетром. Уже имеем дело с почти единой и неделимой страной, которая станет великой, поверьте мне на слово, генерал, и очень скоро. Раньше, чем можно было бы рассчитывать. И притом что нового собирания русских земель пока никто не заметил. Ни Антанта, ни заклятые враги большевики, ни наши другие явные или тайные недруги.

— А Сибирь, а Закавказье?! Казачьи войска?

Кутепов с оскорбленным недоумением посмотрел на монарха, как бы спрашивая того — «что вы обманываете, ваше величество, зачем вы мне пыль в глаза пускаете».

— Россия стала другой, генерал, совсем другой! И к прошлому возврата нет, никогда уже не будет! Сейчас мы должны самым решительным образом освободиться от всего того, что

может привести гниль в государственный организм, каленым железом отсечь все ненужное и вредное. Мы уже оздоровили армию и флот, избавившись от сановитых бездельников и интриганов. Разве не так, Александр Павлович?

— Не совсем, ваше величество. Но я как военный министр доведу реформирование самыми жесткими методами, как вы мне и повелели! — голос генерала звучал твердо, но глаза продолжали смотреть с немым требованием — «вы так и не ответили на мой вопрос, ваше величество».

— Сейчас правила игры несколько изменились, самодержавия больше не будет. Мы должны учитывать изменения, принесенные революцией и сложившейся политической ситуацией. Австралия и Канада имеют статус доминионов, но это не мешает состоять им в Британской империи. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Так точно, ваше величество!

Лицо генерала прояснилось, и Михаил Александрович уже мягче добавил, с лукавой улыбкой:

— Туркестанские властители давно находятся под протекторатом России, но нам разве мешал их статус? Так что, генерал, можете поверить мне на слово, что нашу державу ждет несравненно лучшее будущее. Так что занимайтесь своим делом, за политику и дипломатию есть кому отвечать. Тем более что у нас война, а мы тут с вами о каких-то отдаленных перспективах рассуждаем!

— Так точно, ваше величество! Виноват!

— Войну с Румынией мы ожидали и заблаговременно приняли меры. К сожалению, нам просто не хватило времени. Не успели начать переброску войск, — император тяжело вздохнул и насупился, сведя у переносицы брови. Ему сейчас очень не хватало своего язвительного, но чрезвычайно предусмотрительного генерал-адъютанта.

— Займемся нашим прямым делом, Александр Павлович! И поверьте, всем скоро будет не до сна! И не только этой ночью...

Бендеры

Над городом властвовала не прежняя, привычная ночная тишина, нет, дыхание войны уже явственно чувствовалось, и от слитных ударов солдатских сапог дребезжали оконные стекла, норовя выпасть из рам.

— Спокойно, Пальма, спокойно...

Генерал Туркул потрепал свою любимицу по холке и тут же отнял руку. Тигровый бульдог глянул на него умными понимающими глазами и застыл. Собака крепко привязалась к Антону Васильевичу, что выкормил ее щенком, и совершенно не боялась стрельбы и взрывов, всегда сопровождая своего хозяина даже в самое горячее пекло.

— Это ведь наш звездный час, милая, — тихо промолвил генерал и резким движением бросил ладонь к козырьку фуражки, приветствуя проходивших мимо него солдат. Собака, словно почувствовав значимость и торжество момента, застыла столбиком рядом.

Об этом генерал мечтал почти три года, и вот в первый освобожденный от румын город вошла его дивизия. Причем, проводя этот импровизированный парад, ясно показывавший жителям, что русская армия теперь не та разложившаяся толпа, бесчинствовавшая здесь в последние смутные дни 1917 года.

Только ради этого стоило жить и воевать...

На просторной улице, что протянулась чуть ли не через весь город, освещенной заревом пожара нескольких горящих зданий, вокруг которых копошились добровольные пожарные в

окружении многочисленных обывателей, уже успокоившихся от пережитого страха, размашистым шагом проходили густые колонны стрелков его дивизии, над головами которых тускло отсвечивали жала граненых штыков.

— Шли дроздовцы мерным шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом,
Славу полк свою стяжал.

Впереди колонны, осененной боевым знаменем дивизии, чеканя шаг, шел молодой полковник, пустой рукав гимнастерки которого был пристегнут булавкой.

Владимир Владимирович Манштейн потерял руку в бою, но остался в строю, пройдя все ступени, от командира роты до командира полка, которым храбро и умело руководил. А неделю назад стал и помощником комдива, причем Туркул два дня назад сам направил военному министру представление на генеральский чин.

— Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы,
Занимали города.

За спиной Туркула всхлипнул старик в потрепанной шинели, прижав платок к повлажневшим глазам. Он был живой легендой дивизии, и тем торжественней была эта минута.

Владимир Карлович Манштейн получил пустые двухпросветные погоны еще в то время, когда его сын был кадетом. По дряхлости в мировой войне не участвовал, но в гражданскую добровольно встал рядом с сыном, взвалив на себя хозяйственную службу в тех подразделениях и частях, которыми командовал Манштейн-младший.

Редкостной честности человек и с обостренным чувством чести, отец показывал всем офицерам дивизии образцы мужества и дисциплинированности, первым вставая перед собственным сыном. И ни разу прилюдно не показывал истинных отцовских чувств, хотя все знали, что Манштейны друг в друге души не чают.

— И останутся как в сказке,
Как манящие огни...

Дроздовцы торопились вперед, туда, где ночное небо расцвечивалось огненными сполохами и откуда доносилась еле слышимая, но частая стрельба, да глухо хлопали разрывы снарядов.

Там корниловцы расчищали дорогу на Кишинев, вместе с горцами из 1-й Кавказской конной дивизии обрушившись всей силой на румын, не привыкших и не ожидавших стремительного ночного боя. А потому панически бежавших из Бендер в первые часы развернувшегося мощного наступления русских полков.

— Валахи опомнились, господа, не нужно им давать времени, — Туркул негромко обратился к застывшим командирам полков и штабным офицерам, показывая рукою на далекое зарево. — А потому будем брать врага на штык! Вперед, дроздовцы!

— Нужно руководствоваться токмо пользой Отечеству — ведь так говаривал император Петр Великий?! Я говорил со Слащевым — он прав! Потому генералы, думающие лишь о собственных амбициях или о старшинстве в чине, что походит на боярские склоки о местничестве, — подлежат немедленному увольнению от службы! Незамедлительно! Хватит, нам генеральские раздоры на той войне принесли вреда больше, чем неприятель!

Михаил Александрович хрипло дышал, карандаш в его руках с сухим хрустом щелкнул. Немного пройдясь по кабинету, император успокоился и смягчил голос:

— Идет война, Александр Павлович, пусть она даже не объявлена. А потому все наши чувства, симпатии или антипатии вторичны, а в первую очередь мы должны честно исполнять свой долг. Приказы отданы, их нужно исполнить!

— Есть, ваше величество! Разрешите идти!

— Идите, генерал. Сейчас многое зависит не только от нас. Я надеюсь на вас, Александр Павлович!

Военный министр вытянулся, как юнкер на плацу, и, четко развернувшись через левое плечо, пошел к двери. Однако та растворилась прежде, чем генерал сделал несколько шагов.

— Разрешите, государь!

В кабинет вошел командующий Черноморским флотом адмирал Колчак с побледневшим лицом. К груди он прижимал толстую черную папку, в которых обычно держат документы.

— Что у вас, Александр Васильевич?

— Это мне отдал ординарец Константина Ивановича. Тут, правда, есть его личное указание вскрыть после смерти, но вышло совершенно случайно. Это касается больше вас, государь, чем меня! Я, признаться, могу лишь догадываться, о чем здесь идет речь...

Адмирал протянул императору несколько листов бумаги, и тот быстро, чуть дрожащей рукою схватил их. Пробежав глазами, Михаил смертельно побледнел, но глаза засверкали радостным огнем.

«Так он не умер от ожогов — Костя меня обманул. Нет, нет — я поторопился, ведь тут написано, что так захотел сам Семен. И как же мне его найти, не зная ни нового имени, ни чина, ни должности, которую он исправляет. Это же иголку в стоге сена искать!»

Михаил Александрович утер платком лоб, продолжая лихорадочно думать.

«Хотя... Так найти его просто, очень просто, чего я мучаюсь?! В Сибири его быть не может по определению, и вряд ли на севере. Только здесь, и никак иначе!»

— Александр Павлович, прошу вас задержаться!

Кутепов тут же остановился, развернулся и внимательно посмотрел на царя. Тот, взволнованный выше всякой меры, подошел к нему вплотную и дружеским жестом положил тому ладонь на погон, держа краешком взгляда лицо адмирала.

Уж слишком своевременно тот принес драгоценную бумагу, что означало только одно — Александр Васильевич знает намного больше, чем сказал, а это внушало подозрения.

— Александр Павлович, у меня к вам просьба. Из Сибири сюда переведен офицер, необходимо его разыскать...

— Нет ничего проще, государь. Все сведения из окружных канцелярий уже обработаны в министерстве. Мне нужна фамилия, чин и должность, и я немедленно поговорю по телефону...

— Я не знаю...

Император развел руками, а генерал Кутепов с нескрываемым изумлением посмотрел на него.

— Он может быть капитаном или майором, но не более подполковника, — Михаил Александрович мучительно размышлял, говоря коротко и осторожно. — Служить в бронечастях, сам танкист. Да... Вот еще — все лицо покрыто сплошным ожогом, он горел...

— Я знаю его, — после короткой паузы Кутепов улыбнулся, глаза сверкнули. — Я запомнил капитана Ермакова с представления мне, как военному министру. Это было во второй половине сентября, числа двадцатого или чуть позже на два или три дня. Он единственный из офицеров тогда был в форме сибирских бронечастей, кожаной куртке с Анненским кортиком, да еще со столь... запоминающимся лицом.

— Капитан Ермаков? — для надежности спросил император, заметив, как вздрогнул от этой фамилии Колчак.

«Вы, Александр Васильевич, явно имели откровенный разговор с Арчegovым и знаете его настоящую фамилию. Недаром вас закадычными если не приятелями, то друзьями считают. Да и Сеня, взяв такую фамилию в отместку Косте так поступил. Grimаса судьбы, право слово».

— Да, капитан Ермаков, — Кутепов наморщил лоб, припоминая. — Семен Федотович вроде бы. Его жена, прелестная девушка, с которой я имел честь разговаривать...

— Жена? Он женат?!

Теперь настала очередь совершенно искренне удивиться императору, который вздрогнул, когда Кутепов произнес имя с отчеством. Да и Колчака, судя по всему, новость изумила.

«Темнишь ты, Александр Васильевич, темнишь. Знаешь, кто такой генерал-адъютант Фомин, пусть по разговору, на словах, но ведом он тебе. Хорошо знаком. Но откуда у Семена появилась жена?! Когда он успел? Не может быть! Что-то здесь не так?!»

— Романтическая история, государь, с ними случилась. Познакомились в Иркутске, где капитан лечился от ожогов — бронеплощадка взорвалась, возник пожар...

— «Безупречный»?!

— Так точно, ваше величество.

«Арчegov, бестия еще та, даже этот нелепый взрыв к своей пользе использовал. Нет, столько совпадений быть не может!» — Михаил Александрович снова вытер пот.

— Они познакомились в купе, а в Омске уже поженились. У Семена Федотовича прекрасный послужной список, я его мельком глянул — из нижних чинов нашей Особой бригады во Франции охотником переведен в Английский танковый корпус, награжден двумя солдатскими «Георгиями». При Керенском произведен в поручики, но от чина отказался...

«Это он, и никто другой. Английским и французским языком я с ним занимался, так что эта „легенда“ легко подкрепляется. Именно похожую они тогда в Перми придумали. Ничем не лучше, но и не хуже биография — кому придет в голову нижнего чина проверять», — Михаил Александрович улыбнулся. Теперь осталось выяснить, где служит новоявленный Ермаков, но военный министр сам ответил на этот вопрос.

— Вообще-то, я был обязан предоставить капитану отпуск по случаю женитьбы, ведь у них медовый месяц, и для поправки здоровья. Но в Новороссийск пришли на транспорте из Англии танки, и он сам попросил направить его туда, а отпуск предоставить в декабре. Весьма похвальное рвение! Да, на аттестации генерал Арчegov наложил свою резолюцию, что Ермакова следует использовать исключительно в танковых частях, на должностях от командира отряда и выше.

— Немедленно радируйте в Новороссийск...

— Государь, три часа назад из генштаба отправили телеграмму о погрузке танков обратно на транспорты и о направлении их в Одессу. Танковый дивизион будет передан дроздовцам — те отбросили румын от Тирасполя и заняли Бендеры.

— Я не о том, генерал. Транспорт плывет долго, да еще нужно время на погрузку. А

капитан должен быть завтра. Иначе будет поздно, ибо он единственный, кто может помочь...

Михаил Александрович сознательно замолчал и многозначительно посмотрел на адмирала. Тот за какую-то секунду посерел лицом, осунулся, и тут император окончательно уверился в том, что Колчак знает, какими способностями может обладать «Ермаков». И сообщить это ему мог только Арчegov, и никто другой.

Вот только для чего?

— Ваше величество, — Колчак сделал шаг вперед, — в Новороссийске сейчас «Беспокойный» в порту, топлива в достатке. Эсминец за сутки дойдет до Одессы на полном ходу!

— Немедленно радируйте командиру от моего имени приказ...

Новороссийск

— Господа, позвольте мне высказать мнение, надеюсь, что вы его разделяете, — молодой поручик Микеладзе, с неистребимым грузинским акцентом в голосе и с потеками грязи на смуглом горбоносом лице, поднял черную от масла ладонь. — Я думал, что в России дурные приказы всегда смягчаются не менее дурным их исполнением нижестоящими. Но впервые я жестоко ошибся, господа...

Дружный, но не совсем искренний смех уставших и чумазных офицеров послужил ему ответом. Танкисты засмеялись натянуто, от усталости многие не смогли даже приподняться с постеленного прямо на пирсе брезента. Еще бы — утром подняли по тревоге и заставили грузить все обратно, почти до самого вечера, без передыха. Причем подгоняемые свирепым рыком обычно спокойного командира отряда подполковника Мироновича, никаких объяснений не дававшего. Но к шуткам и розыгрышам, как все знали, отношения никогда не имевшего. Так что пришлось танкистам снова превратиться в докеров, и лишь сейчас им разрешили длительный перекур.

— Да, господа, я полностью согласен с князем, сие есть удивительное дело, — командир танка «Генерал Скобелев», капитан Трембовельский закурил папиросу, с наслаждением затянулся и продолжил, лукаво поглядывая в сторону Фомина: — Если бы три дня назад наш любезный Семен Федотович не стал бы торопиться с выгрузкой танков, то сегодня мы бы уже плыли в Одессу, вдыхали свежий морской воздух и грелись на солнышке. Вот что с русскими офицерами дисциплинированный запад делает, теперь нас не спасет наше исконное отечественное разгильдяйство...

Вот тут-то и грянул гомерический, идущий от души хохот, да такой, что Фомин почувствовал себя не в своей тарелке. Он был таким же командиром танка, как и Трембовельский, а потому на подначки равных по должности и званию в танковых войсках внимания не обращают, а ищут адекватный и остроумный ответ.

От усталости голова, как говорится, «не варила», тело ломило от боли, и Семен Федотович промолчал, лежа на нагретом солнцем брезентовом чехле, и не было сил, чтобы закурить спасительную папиросу.

— Да, полноте, господа, зубоскалить над своим товарищем! Нет-нет, лежите, у вас есть еще целый час отдыха. Через двадцать минут вас покормят обедом. Пусть и с некоторым опозданием.

Фомин со стоном дернулся, стараясь встать согласно уставу, но отказался от этой попытки. Раз уж сам командир отряда приказал лежать и набираться сил, то стоит выполнять распоряжение.

Но разговоры мгновенно прекратились, словно по мановению волшебной палочки, и

офицеры с немим вопросом уставились на молодого, 27-летнего, но достаточно опытного и знающего командира, в чем Фомин уже успел убедиться.

С таким можно идти в бой...

— Господа, я сам не знал, чем вызвана радиограмма из Генштаба о погрузке. Только сейчас все прояснилось. И у меня для вас есть две новости из разряда хороших, ибо плохих не бывает по определению... Бывают только хреновые и очень хреновые, — подполковник сам закурил, вытянув длинную «турчанку» из серебряного портсигара, усмехнулся, заметив, что в глазах подчиненных промелькнули веселые искорки.

Все тут были очень молоды, полны энергии, как этому возрасту и свойственно. И только Фомин в их глазах был «стариком», если судить по его 37 годам, согласно послужному формуляру. Если бы узнали его настоящий возраст, что на десять лет превышал данный, то, наверное, все искренне изумились, ибо он им в отцы годился.

— Вчера вечером румыны обстреляли корниловцев у Тирасполя. В ночь наши перешли в наступление. Бои идут тяжелые, но валахов выбили из Бендер, они начали отступать к Кишиневу.

Офицеры моментально уселись, внимательные глаза, устремленные на отца-командира (а возраст тут ни при чем), моментально стали строгими — на слово «война» любой служивый реагирует только таким образом.

— А теперь вторая новость, господа! Все танки идут в Одессу, а, значит, дня через три или четыре мы пойдем в бой. Не все, конечно, у нас только шесть подготовленных экипажей, кто раньше служил на «Марках». А потому к утру все должно быть загружено, отоспитесь в плавании. У меня все, господа. А теперь отдыхайте!

Командир легко поднялся и быстро пошел к стоящему у въезда автомобилю. Фомин сразу подумал, что Павел Игнатьевич решил съездить к военному губернатору Новороссийска, чтобы у него узнать последние новости, а как окончится обед, то подполковник опять начнет руководить погрузкой.

— Чего-то наши морячки засуетились, как наскипидаренные, — поручик Бекич, инженер-механик «Генерала Скобелева», показал рукою на середину Цемесской бухты, где стоял длинный эсминец.

На нем действительно началась суматоха — забежали по палубе матросы, из труб повалил дым, на мачту быстро подняли какие-то разноцветные флажки. Вскоре от борта корабля отвалил катер, шустро устремившийся прямо к их причалу.

— К походу изготавились, вот и засуетились. В Одессу, наверное — флот румынские порты обстреливать будет, — вскользь бросил кто-то из танкистов, но дискуссии не вышло. Своих проблем было выше крыши, танки предстояло грузить до утра, а потому размышлять о чужих сложностях никто не желал, тем паче о морях.

Однако катер пришвартовался рядом с транспортом, на причал вступил офицер в черном морском кителе и решительно направился к отдыхающим танкистам. Тем пришлось подняться, соблюдая вежливость и воинскую субординацию.

— Командир эскадренного миноносца «Беспокойный» капитан второго ранга Остолопов, — с ходу представился выдавший виды моряк с жестким, словно просмоленным лицом, чисто выбритым подбородком и короткими, на английский манер подстриженными усами. — Господа, могу ли я увидеть капитана Ермакова?

Ялта

— Молодой, да ранний, — однако в голосе бывшего главнокомандующего ВСЮР не

слышалось раздражения, как прежде.

— Все сделал руками монарха, милого Александра Павловича, да адмирала, а сам в тени остался. Политик, право слово, не зря о нем старик Келлер так отозвался.

Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин погладил пальцами седую бородку, которая его старила на добрый десяток лет, хотя и до пятидесяти ему было еще далеко. А взгляд снова прикипел к расстеленной на столе карте Бессарабии, расцвеченной синими и красными кружками. Причем первых, служивших обозначениями русских войск, было гораздо меньше, чем вторых — румынских дивизий короля Фердинанда.

Отпуск, который чета Деникиных проводила в Греции, прервался неделю назад — в полученной от военного министра телеграмме приказывалось немедленно прибыть в Ялту.

Проглотив очередную обиду, Антон Иванович повиновался, и три дня назад прибыл в порт на первом же пароходе. Там его встретил капитан генерального штаба, вручил под расписку толстый пакет и сопроводительное письмо, подписанное генерал-адъютантом Арчegovым.

В письме тот, выражая в словах всяческое уважение, фактически приказал ждать его до вечера 3 октября на отведенной для отдыха роскошной даче великого князя Александра Михайловича.

Деникиных встретили с чрезвычайной почтительностью, прислуга была чрезвычайно предупредительна, да еще выставлен полицейский пост и почтил визитом градоначальник. Первые часы Антон Иванович пребывал в полной растерянности — в отставку, как он думал раньше, таким образом не отправляют.

Тут что-то другое, но вот что?!

Пересмотрев списки назначений и увольнений по «Русскому инвалиду», генерал только усмехнулся в бороду — «сычем» ему стать никак не грозило. Впрочем, здесь в ходу был уже иной термин — «кутеповщина». Единственное, о чем пожалел генерал, так о том, что в свою бытность главнокомандующим он не нашел в себе такую безжалостную решимость очистить вооруженные силы от прорвы приспособленцев и тыловых бездельников...

— Антон Иванович, ты чем-то встревожен?! Ты не ложился спать и все продолжаешь сидеть над картами. Побереги здоровье, родной, приляг хоть на часок. Солнце давно в зените.

Мягкий голос жены отвлек его от мыслей, и генерал улыбнулся. Долгие годы он переписывался с юной Ксенией Васильевной Чиж, но, имея на иждивении больную мать, не мог сделать ей предложения руки и сердца. Но девушка ждала всю войну... И дождалась...

— Я поспал ночью немного. Ты знаешь, любовь моя, — устало произнес Деникин, — мне нужно еще поработать. Я себя хорошо чувствую. А вот вечером лягу пораньше.

— Ты что-то знаешь о назначении?

— Нет, генерал Арчegov в письме обещал прибыть на днях. Вот и побеседуем с молодым человеком тет-а-тет. Но сейчас мне ясно одно — скоро начнется война.

— Война?! Боже мой, опять будем убивать друг друга, — простонала Ксения. Она, как и все женщины на земле, за исключением ущербных на голову, войну недолюбливала, ибо какой жене и матери понравится отправлять на смерть мужей и сыновей.

— Не с большевиками, успокойся — они заняты мировой революцией, им сейчас не до нас, в Берлине парад проводят!

Губы Деникина сжались в злую гримасу. Только недавно он понял, что все перемены, прошедшие с марта, оказались наилучшим выходом из положения. И хотя сердце многого не принимало потому, что перемирие с большевиками он рассматривал как сделку с бесами, но разум постоянно говорил, что, перед тем как начать войну снова, нужна передышка.

«А ведь мы Россию заново собирать начали, потихоньку. И даже больше», — быстро пронеслась в голове мысль, и тут Антон Иванович, углубившийся в размышления, почувствовал,

что ладонь жены теревит его за плечо, требовательно и настойчиво.

— Антон, ты задумался. С кем война-то будет?

— Я думаю с Румынией, — тихо произнес Деникин, и Ксения понятливо кивнула — секреты своего мужа она тщательно хранила, но и генерал редко разговаривал о служебных делах дома.

— И очень скоро...

Новороссийск

— Я капитан Ермаков, — Фомин сделал шаг вперед, — позвольте осведомиться, чему обязан, господин капитан второго ранга?

— Мне приказано немедленно доставить вас в Одессу...

— Кем приказано?

Слова непроизвольно вырвались у оторопевшего от такого удивительного заявления танкиста.

— Адмиралом Колчаком, — резанул моряк с высокомерной снисходительностью во взоре, протянув плотный картонный пакет. — И вручить вам лично в руки радиogramму, господин капитан.

— От кого?! — изумился Фомин, и от растерянности совсем глупо спросил: — От адмирала? А там что...

— От его величества, — выделяя каждое слово, произнес моряк, смотря на Фомина как на умалишенного. — Адмиралы танками не командуют. А шифровальщики обязаны всегда запечатывать повеления его императорского величества! Мне приказано лишь вручить вам в руки лично. Прошу расписаться, господин капитан!

Семен Федотович надорвал запечатанный конверт, машинально расписался на нем и вытащил тонкий листок. Руки затряслись, когда он его развернул. Твердым почерком шифровальщика были тщательно выведены буквы — «Генерал Арчegov тяжело ранен в голову. МИХАИЛ».

Далее шло привычное «с подлинным верно», но вот подпись под ним несказанно удивила — «адмирал Колчак». Он прочитал послание еще раз и прикусил губу.

«Случайно он меня нашел или... Нет, если бы знал, что моя смерть от ожогов мистификация, то разыскал раньше. Похоже, с Константином Ивановичем совсем скверно, раз врачи помочь не могут. Только я, вот почему так коротко написано. Тогда нельзя терять ни минуты».

Фомин поднял глаза и увидел, как возле него образовалась почтительная пустота. Танкисты смотрели с почтительностью, хотя глаза прямо пылали жгучим интересом. И тут он понял, что если ему предстоит вернуться в отряд, то эти парни уже никогда не будут обращаться к нему с прежней искренностью. Между ними будто пропасть образовалась. Наверное, так бывает, когда веселящиеся офицеры внезапно узнают, что один из них имеет к званию лейтенанта приставку «генерал».

— Мне необходимо доложить командиру, предупредить жену, чтоб собрала вещи и немедленно отправлялась на корабль... И помыться, я весь грязный. — Фомин обернулся, увидел подошедшего сзади подполковника Мироновича и машинально протянул тому бумагу. Но тот быстро сделал шаг назад, отводя руку с приказом.

— Повеление его величества предназначено только для вас, Семен Федотович. Князь, я прошу вас...

— Я сейчас же предупрежу Марию Александровну, помогу собраться и доставлю!

Если такое поручение Миронов дал бы кому-нибудь из других офицеров, то Микеладзе, рыцарственно влюбленный в жену Фомина, смертельно обиделся на него. С самым радостным видом молодой грузин стремглав метнулся к автомобилю, через минуту только пыль клубилась за ним следом, увозя счастливого поручика.

— Господин капитан, на «Беспокойном» имеется корабельная баня, — Остолопов снисходительно, но уже без флотского высокомерия обратился к Фомину, — к вашим услугам. Я буду ожидать вас на катере.

— Искренне признателен вам, господин капитан второго ранга. — Семен Федотович подумал, что если бы он захотел взять с собою жирафа, сославшись на высочайшее повеление, то моряк, не моргнув глазом, тут же приказал упаковать животное.

Фомин посмотрел на давший малый ход эсминец, на выдубленное солеными ветрами лицо Гутана, затем глянул на высившиеся над Новороссийском горы. Именно с них, как ему успели рассказать местные рыбаки, срывалась «борея» — сильный северный ветер, устраивавший в бухте ужасную «толчею».

Зимой корабли могли обледенеть за считанные минуты и заваливались на борт под сильными ударами. Недаром Цемесская бухта считалась кладбищем погибших кораблей.

«Нет, опытный моряк, другого просто не отправят сюда», — решил про себя Фомин и вздохнул. Ведь для Гутана, как ни крути, место службы тягостное. На дне бухты лежала целая эскадра, затопленная летом 1918 года. Тогда в Новороссийск из Севастополя, к которому подступили германские войска, Черноморский флот пришел.

Вот только тут их никто не ждал, да и казаки против большевиков восстали. Матросы помитинговали — часть решила обратно возвратиться, а другая, из сторонников большевиков, свои корабли затопила. На дно ушли новейший линкор «Свободная Россия» (бывший «Императрица Екатерина Великая»), с десятков нефтяных и угольных эсминцев, транспорты и вспомогательные суда. А ведь если бы не это, то сейчас на Черном море под Андреевским флагом имелась внушительная сила...

Вечерело.

— Семен Федотович, можно вас на минуту, — подполковник Миронович сделал шаг вперед. — Не знаю, встретимся мы или нет, но я искренне признателен вам за выгрузку танков... и их погрузку обратно. Кто ж знал, что начнется война с румынами...

— Не стоит благодарности, Павел Игнатьевич, служба! Но я скажу вам честно — в наш отряд я вернусь в любом случае... — Он помедлил. — Ибо быть здесь повелевает мне долг!

— Не знаю, Семен Федотович, не знаю. Скорее всего, ваши представления дошли до государя-императора. Вы, наверное, единственный в русской армии офицер, что воевали на танках с первого дня их появления. Такой огромный опыт достоин более лучшего применения. Сочту за честь служить под вашим командованием...

— Ну что вы, Павел Игнатьевич, вы сильно преувеличиваете мои заслуги. Надеюсь, что вновь окажусь в вашем отряде, что для нас с Машей вторым домом стал. Не прощаюсь, мон коронель!

— Тогда до скорого свидания, Семен Федотович, мы будем ждать вашего возвращения!

Офицеры обменялись крепким рукопожатием, Фомин коротко поклонился танкистам и направился к катеру, возле которого невозмутимо прохаживался капитан эсминца.

— Что ж, Машенька, надеюсь, поторопится, она у меня дисциплинированная девушка, с характером... Нужно успеть, ибо долг платежом красен...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСЕНЬ, ЧТО Я ЗНАЛ О ТЕБЕ...

(4 октября 1920 года)

Черное море

Семену Федотовичу впервые приходилось завтракать в таких условиях, когда в любую секунду тарелка норовила оказаться то выше его груди, то ниже живота.

Да и вообще, на военных кораблях ему как-то не пришлось бывать до вчерашнего дня. Даже через Каспийское море, что, по сути, большое озеро, они с Машей плыли на транспорте, да и волн тогда не имелось, одно удовольствие любоваться спокойными лазурно-синими водами.

Сейчас качка была порядочной, эсминец бросало из стороны в сторону, и пока они шли в кают-компанию, куда их пригласили позавтракать, в сопровождение старшего офицера весьма зрелых лет с погонами капитана 2 ранга, Фомин ухитрился трижды пересчитать переборки.

Но вот у Маши оказался собственный ангел-хранитель в лице улыбчивого старшего лейтенанта — тот так ловко придерживал девушку за локоть, что та ни разу не ударилась.

Путешествие в беспокойном море удовольствие не из приятных. Узкий и хищный эскадренный миноносец далеко не лайнер, небольшой по размерам корабль болтает изрядно. Однако флотское гостеприимство порядком скрасило причиненные водной стихией неудобства.

Фомин ожидал, что поместят их в каком-нибудь железном ящике, похожем на собачью конуру, но командир великодушно уступил им свою собственную каюту, размером чуточку больше вагонного купе, но чрезвычайно уютную.

Поначалу Семен Федотович заподозрил, что полученная им от царя телеграмма сыграла здесь свою роль, но потом понял, что ошибся — матерый моряк всеми силами пытался устроить Машу поудобнее и относился к ней с чисто отцовской заботливостью.

Утром «Ермаковых» пригласили позавтракать в кают-компанию, причем, к великому удивлению танкиста, с ними пригласили и Остолопова, и тот не скрывал своего удовлетворения.

Как потом понял Фомин из разговоров, на флоте царил удивительный порядок — командир корабля не имел права без приглашения приходить в кают-компанию, дабы не смущать своим присутствием господ офицеров в высказываниях, порой могущих быть нелицеприятными.

За все происходящее здесь, как и за порядок на корабле, отвечал исключительно старший офицер, на которого сыпались все огрехи — да и сами моряки называли эту хлопотливую должность «собачьей».

Удивительные порядки!

Сама офицерская кают-компания на «Беспокойном» оказалась маленькой — два кожаных дивана, между ними длинный стол, прикрепленный к палубе, да втиснутое к переборке пианино. Вообще, на эсминце совершенно не оказалось предметов, которые не были бы намертво к чему-либо прихвачены болтами или приклепаны, да оно и понятно.

Не имелось также и роскоши в виде ковров, занавесок, каких-либо безделушек или деревянных предметов — все предельно прочное, из железа или стали, практичное, функциональное, к ремонту пригодное и, главное, не ломающееся.

Почти как в танке...

— Господа, минутку внимания!

Старший офицер говорил громко, как и все — мощный рев турбин идущего полным ходом миноносца изрядно давил на уши, вызывая глухоту, так что приходилось повышать голос, дабы

быть услышанным.

— Позвольте от лица кают-компания выразить восхищение нашей очаровательной гостье. Мария Александровна, мы просто счастливы познакомиться с вами на борту нашего «Беспокойного» и искренне надеемся, что и у вас останутся самые хорошие и теплые воспоминания от этого небольшого путешествия.

Восхищенные взгляды, которыми молодые моряки смотрели на жену, неожиданно пробудили в душе Семена Федотовича ревнивые нотки, но тут же погасли — положив руку на сердце, он и сам восхищался своей второй половинкой.

Маша надела традиционный для казачек наряд, простой, но чрезвычайно эффектный — длинная юбка с вышитой кофточкой, толстая, с руку, коса переброшена на плечо — спасибо тем медикам, что не остригли ее наголо на той заснеженной станции.

Сейчас он как никогда осознал, откуда идет у казачек эта хищная степная привлекательность, статность, понимание собственной красоты. Кровь поколений здесь перемешана, ведь возвращаясь из походов, казаки зачастую привозили своих жен — наиболее привлекательных восточных полонянок, взятых на саблю.

— Благодарю вас, господа! — Маша горделиво подняла подбородок. — Я, признаться, не ожидала, что вы встретите так радушно. Ведь к присутствию женщины на корабле, как я знаю, моряки относятся неодобрительно, согласно давним неписаным традициям?

— Напрасно, Мария Александровна, нас в этом упрекать. Сии предубеждения идут с тех времен, когда по морю ходили на парусах!

— Ваш корабль мне очень понравился, господа. Правда-правда. Норовистый и быстрый, я думаю, он полностью достоин своего имени. И гордится вами так же, как и вы им! Думаю, что мой муж, имеющий под командой свой боевой «корабль», точнее выразит наши общие ощущения.

Взгляды всех собравшихся дружно скрестились на Семене Федотовиче, и под ними он почувствовал себя несколько неуютно. Если на жену смотрели с нескрываемым восхищением, то на его изувеченное, багровое от ожогов лицо с участливой жалостью, сквозь которую проступал страх самим стать такими же.

Да и подспудно думали, наверное, что «уроду» несказанно повезло жениться на красавице — «И что это она в нем нашла?»

Зато на широкую грудь Фомина, увешенную двумя десятками орденов, крестов, знаков и медалей, взирали с нескрываемым интересом, ибо награды на кителях у моряков были гораздо скромнее — два-три ордена, в лучшем случае. Лишь у командира эсминца знаков доблести было чуть больше, включая редчайший среди офицеров Георгиевский крест, да на шее пламенел орден святого Владимира 3-й степени с мечами.

Выглядели моряки импозантно — все в черном, кителя с брюками отглажены, при кортиках. Вот только вместо старых золотых погон, оставленных лишь для особо торжественных дней по императорскому повелению (это было политическое решение, учитывая ненависть, прививавшуюся большевиками к «золотопогонникам»), на плечах были черные с желтыми просветами плавсостава. Да на обшлагах появились ряды узких и широких полосок, как на британском флоте.

Сам Фомин выглядел не менее импозантно в форме бронечастей Сибирской армии. Танкистская повседневная тужурка темно-стального цвета с сибирским бело-зеленым угольником на левом рукаве хорошо гармонировала с ослепительно белой рубашкой и галстуком.

Черные технические погоны с красным просветом броневых частей, как и само обмундирование (образцом послужила форма танковых частей РККА), включая комбинезоны,

были введены самим Фоминым в бытность генерал-адъютантом.

Дополнял облачение кортик с Анненским темляком, до того полагавшийся только морякам и авиаторам — именно на него и посматривали офицеры «Беспокойного» с явственным неодобрением.

В такой униформе он был единственным среди танкистов белой армии на юге России. Дело заключалось в сохранении той практики, что появилась еще в годы мировой войны.

Офицеры, служившие в броневых отрядах, считались откомандированными от своих полков, но как продолжавшие числиться по штату в них, носили соответствующее обмундирование. А потому царила чрезвычайная пестрота мундиров, нарушавшая один из армейских принципов — «пусть безобразно, зато единообразно».

Берлин

— Нет, каков мерзавец, ну каков подлец...

Лев Давыдович со стариковским кряхтением наклонил голову и в который раз посмотрел на сизо-багровое пятно, ужасной кляксою расплывшееся чуть выше пупка.

Доктор привычно сделал примочку, не обращая внимания на стенания наркомвоенмора советской республики, ловко наложил тампон.

— Полежите немного, Лев Давыдович, через три дня будет уже лучше. Вас панцирь спас, иначе бы вы приняли мучительную смерть!

От слов врача Троцкого бросило в холодный пот. Вчера он ни о чем не думал, ему казалось, что живот скоро превратится в раскрытую жаровню. Но доктор поставил ему укол морфия, боль сразу же ушла, и он благополучно проспал сутки. Но теперь сон не шел, а от такого обезболивающего Лев Давыдович сам отказался, зная, что к нему можно привыкнуть.

Обладая красочным воображением публициста, Троцкий представил, как пуля, снабженная разрывным зарядом, пробивает его плоть и взрывается внутри живота.

— У-й!

Льва Давыдовича прямо скрючило в кровати, он схватился двумя руками за живот. Воображение сыграло над ним злую шутку — председатель РВС словно наяву увидел, как из разорванного живота вывалился комок растерзанных и дымящихся кишок, и ему стало дурно.

Кое-как наклонив голову вниз, его вырвало прямо на пол. Спазмы мешали дышать, а затем чудовищная резь пронзила весь живот, будто полосую раскаленной иглой.

Двери немедленно распахнулись, влетевший охранник крикнул в коридор, а миловидная сестра милосердия стала тут же убирать с пола полотенцем, нисколько не брезгуя. Вбежавший обратно в палату обеспокоенный врач пощупал пульс, затем через трубочку внимательно послушал сердце, и его лицо прояснилось.

— Контузия серьезная, Лев Давыдович. Гематома обширная от ушиба тканей. Ничего, дня три-четыре пройдет и все наладится, на поправку пойдете, это вам я обещаю. Но диету соблюдать вам придется строго, сегодня ничего, куриный бульончик только, хотя понимаю, что трудно. При вашей язве такие ушибы не рекомендуются!

— Хорошо, — буркнул в ответ Троцкий и смежил глаза, его порядком мутило: и от переживаний, и от повреждений. К горлу снова подкатила тошнота, но на этот раз он сдержал ее.

— Хорошо, что панцирь надел, — облегченно вздохнул Лев Давыдович, погладив пострадавшее место. И тут же нахлынула злобная волна — нет, каков подлец!

Специально стрелял в живот, мерзавец, чтобы он помучился перед смертью. Главкому Каменеву разнес голову, как гнилой арбуз, мозги во все стороны полетели.

Наркому по делам национальностей Сталину вообще послужил хирургом, отстрелив искалеченную в детстве «сухую» руку. Тут Лев Давыдович повеселел — избавился он от ленинского шпиона, и хорошо, всегда в плохом чуть что-то хорошее имеется.

Командующему Западным фронтом Тухачевскому вообще откровенно повезло — ни одна пуля не попала.

Неведомый стрелок не промахнулся, нет — оба адъютанта, прикрывшие бывшего поручика своими телами, были застрелены насмерть. Пули разворотили грудь так, что смотреть без тошноты было невозможно.

— Умелец, сукин сын!

Лев Давыдович облегчился самыми черными словами, которые и еврейский сапожник произнести не сможет. Нет, ну каков подлец! А если бы целил в голову...

— У-й...

Троцкого опять стошнило, и качественно. Отчетливое видение своей собственной головы, расколотой как репа, с дымящимися мозгами его самого — вождя мировой революции, — настолько потрясло председателя РВС, что потребовался нашатырный спирт, ватку с которым ему сунул под нос заботливый доктор.

— Уберите эту дрянь!

Троцкий чуть ли не кричал во весь голос, балансируя на грани срыва в дикую истерику.

— Дайте мне чего-нибудь успокоительного! Валерьянки хотя бы! И оставьте меня в покое!

Повинуясь приказу, врач дал ему выпить валерианы, пока медсестры прибирались, а потом медики тихо, чуть ли не на цыпочках удалились из палаты, тщательно прикрыв за собою дверь.

Троцкому потребовалась лошадиная доза успокоительного снадобья и полчаса времени, чтобы нервы перестали шалить, а воображение немного успокоилось.

— Как хорошо жить, — пробормотал Лев Давыдович и повеселел. Боль куда-то ушла, тело стало легким, он остро захотел порадоваться жизни. Вызвать, что ли, сговорчивую машинистку и познать с ней, как говорится, «любовь пчел трудовых».

Троцкий собрался было крикнуть, дабы воплотить в жизнь свое желание. Но тут очнувшееся воображение показала ему дрогнувшую руку стрелка, и пуля устремилась не к животу Льва Давыдовича, а чуть ниже, к мужскому «достоянию».

И попала...

— А-а! Ой-я!!!

Визгливо закричал Троцкий, схватившись двумя руками за пах. Воображаемая боль была такова, что ему на секунду показалось, что над ним совершили некую операцию тупым ножом, готовя к исполнению обязанностей евнуха в восточном гареме.

Когда очередная суматоха эскулапов у его постели схлынула, он уже не помышлял о женщинах, чувствуя себя полным импотентом. Но именно такое состояние бесило его больше всего — потеряв вкус к жизненным удовольствиям, Троцкий почувствовал в себе жажду крови, которую захотелось пролить столько, чтобы все ужаснулись.

Дабы больше ни у кого даже мысли не возникло снова поднять на него руку. И он прошипел с такой угрозой в голосе, что у любого, кто услышал бы эти слова, поджилки от ужаса затряслись.

— Они мне дорого заплатят...

Черное море

В кают-компанию набилось, а другого слова Фомин не находил, почти два десятка офицеров, молодые лейтенанты сидели даже на широких подлокотниках диванов. И это только

одна половина командного состава эсминца, ведь другая находилась на вахте либо отдыхала от нее.

Типичная примета гражданской войны, на русском флоте проявившаяся особенно выпукло. Морские офицеры в подавляющем большинстве свою революцию не восприняли в силу именно своей сословной кастовости. В отличие от армейских офицеров военного времени, на флоте служило много кадровых, которые предпочли остаться на кораблях, имевшихся у белых, а не отсиживаться по домам, выжидая, кто же возьмет верх в затянувшемся противостоянии.

Вот только самих кораблей в Российском императорском флоте раньше было не в пример больше, чем сейчас.

Балтийский флот целиком перешел к красным, Черноморскому флоту жуткое кровопускание сделали как большевики, так и интервенты, оставив в строю жалкие остатки.

В Сибири и на Мурмане флотилии и в мировую войну были совсем маленькими и значимой роли не играли.

Так что и флот поразила точно такая «болезнь», известная в армии под названием «рядового офицерства», когда заслуженные полковники и капитаны принимали роты и взводы, а офицеры от прапорщика до поручика, а то и «штабса», брали в руки винтовки со штыками. Дело доходило даже до отдельных офицерских рот!

Моряки пошли своим «путем», но очень похожим — либо списывались на берег, с переизбытком заполняя все вакансии, что заставляло адмиралов все время увеличивать штаты береговых служб, и так безобразно раздутых сверх всяких меры.

Либо те, кто желал продолжать дышать морским воздухом и был согласен на все, лишь бы остаться на корабле, так же как и в армии, занимали уже не офицерские должности. Ни к чему хорошему ни тот, ни другой вариант не приводили — расходы на содержание крайне избыточного числа офицерства резко увеличивались, а казна не бездонная...

На груди Фомина размещался целый наградной «иконостас», так как другое слово здесь просто не подходило. После «провала» первой «легенды», им лично разработанной, Семен Федотович уже в Омске принял предложение Маши воспользоваться запасным вариантом, который, как он считал не без основания, для него подготовил сам Арчegov.

Вот эта легенда оказалась «железобетонной», такой же неуязвимой, как броня КВ. И теперь предстояло пройти не просто очередную проверку, нет — Фомин собирался совершить совершенно иное...

— Господа, я двадцать лет отсутствовал в нашей стране, и, признаюсь честно, был сильно ошарашен, когда прибыл летом прошлого года во Владивосток. Революция привела к безумию, к страшной разрухе — мы потеряли прежнюю Россию!

Фомин остановился, сделал вид, что задумался, но при этом исподлобья посмотрел на притихших моряков. Те молча ждали продолжения монолога, никто не улыбался, многие хмурились, ибо прекрасно понимали, что он сказал им правду.

— В шестнадцатом году я охотником зачислился в 1-ю особую пехотную бригаду русских войск во Франции, которыми командовал генерал Лохвицкий. Я хороший механик, работал на тракторах, а потому был направлен в Английский танковый корпус, как только его стали создавать и набирать туда добровольцев...

— И вас, русского, британцы вот так просто приняли? — с некоторым удивлением хмыкнул пожилой лейтенант с одиноким крестом «Стаса», к тому же без мечей. Типичная награда за выслугу в чине — «на и отвяжись», как именовали ее в армии.

— Нет, конечно, русского они бы не приняли. Но я прибыл во Францию из Австралии, страны, где много больших кенгуру и растут эвкалипты и которая, как вы знаете, британский доминион. Да и имя с фамилией у меня были совершенно другие. Просто танки тогда являлись

совершенно новым оружием, и про них требовалось все хорошо вызнать, — Фомин пожал плечами, поймав теперь на себе совершенно иные взгляды моряков, заинтересованные или странные, если можно так сказать.

— Я принял участие в боях на Сомме, мой танк был подбит, экипаж погиб. Меня, раненого, вынес английский капрал...

— Господа, — Маша неожиданно поднялась с дивана, — у моего мужа с собою фотографические карточки, оставшиеся с тех дней. Многие к жалости, правда, сгорели в мае этого года, когда Семен находился на «Безупречном» — взрыв разрушил бронеплощадку, почти весь экипаж погиб. Их можно принести — на полке черный кожаный несессер. Я бы сама сходила, да боюсь, что меня об стенку ударит. Здесь сильная качка и мне страшно...

Разве русские моряки могут отказать прелестной женщине в такой милой просьбе — сразу три молодых офицера поднялись, и, после короткого переглядывания, выиграл старший по чину лейтенант, а остальные дружно уверили жену, что качки почти нет, кораблю ничего не угрожает. Так что страхи женщины сильно преувеличены. Бокал легкого вина их легко изгонит, хотя сами моряки предпочитают херес.

— А каковы из себя танки? — молодой лейтенант с горящими глазами не выдержал первым и задал вопрос.

— Мой «Марк» пятый полным весом, с фашинами, с боекомплектom и экипажем чуть-чуть не достигает тридцати тонн. Вооружен двумя морскими шестифунтовыми пушками в спонсонах, выносных казематах, как вы знаете, а также четырьмя пулеметами. Экипаж восемь человек, почти все офицеры, в отряде очень мало нижних чинов, унтер и под — офицеров, что имеют технические навыки. Двигатель «Риккардо», разработанный англичанами специальный танковый вариант, мощностью свыше двухсот лошадиных сил. Так что восемь километров в час даем спокойно. Но если дать полный газ, то и двенадцать...

Фомин мысленно усмехнулся, глядя, как некоторые из моряков с нескрываемой иронией переглянулись. Однако тут явился лейтенант и вручил Маше несессер, которая в ответ чмокнула его в щечку, чем вызвала завистливые взгляды молодежи.

Жена тут же вытащила стопку фотографий, протянула их Остолопову, который принялся внимательно их рассматривать по одной, передавая тут же сидящему рядом старшему офицеру.

Тот, в свою очередь, пожилому капитану 2-го ранга с красными просветами механика и далее, уже молодым офицерам. Фомин же в это время спокойно продолжал повествование.

— В январе семнадцатого года государь-император Николай Александрович произвел меня в прапорщики, в феврале пожаловал «клюкву». При Керенском меня несколько раз производили до штабс-капитана, представили к «Стасу», Анненскому кресту третьей степени, но я не стал их получать, как и чины, оставшись при одной звездочке...

— Отказник! — прошелестело слово осенним листом, теперь моряки стали поглядывать на него с уважением.

Но Фомин почувствовал себя намного горше — какой там капитанский чин, он на самом деле от генеральского совсем недавно отказался. Знали бы они, какие на самом деле от такого добровольного разжалования чувства и какие мысли в голову приходят?!

— Прибыв в Сибирь, я попросил меня не награждать и представлять к чинам, так и воевал, пока в январе государь Михаил Александрович царем Сибирским не стал. При переаттестации получил первый офицерский чин подпоручика, так как прапорщик стал подофицером. У вас на флоте сейчас в младшие лейтенанты, как я знаю, производят будут только в военное время, наподобие прежнего прапорщика. А мичманские чины так вообще подофицерскими стали, с «ореликами» на погонах. Так ведь, господа?!

— Так!

Со скорбным видом дружно ответили офицеры, и Фомин понял, что новая унификация званий не вызвала здесь восторга, потому быстро вернулся к изложению своей новой биографии.

— Наградили меня крестом «За освобождение Сибири» второй степени, пожаловали знак «За Сибирский ледяной поход», а государь присвоил мне, с учетом прошлых заслуг, внеочередной чин капитана. И союзные японцы мне свой знак пожаловали, вот он, — Фомин коснулся трех наград, они, как и два георгиевских солдатских креста, были его собственными, потому он ими гордился по праву.

С нацепленной на кортик «клюквою» и «иконостасом» было гораздо сложнее!

— У вас, Семен Федотович, как я вижу английских и французских знаков много? — старший офицер, держа в руках фотографию, с интересом посмотрел на танкиста.

— Так я на Западном фронте до самой капитуляции немцев сражался. Прошел Сомму, Камбре, был в прорыве у Амьена. В последний год большую часть получил, щедро награждали, чуть ли не за каждую атаку или ранение! — Фомин пожал плечами.

Наград действительно было много, но из разряда тех, что союзники раздавали своим солдатам и сержантам не то что бы горстями, целыми мешками. Многие даже без номеров были, а потому попробуй докажи, что их самозванец носит. Тем паче если человек под чужим именем сражался и открывать его не вправе.

То же и с фотографиями — отобрали те, где лица разобрать трудно, или большие групповые снимки союзников на фоне танков. Поди найди или определи, кто из танкистов в английской форме есть Фомин, с его-то изуродованным «фасадом».

Тут и маститый следователь опустит руки!

«Что же сейчас будет?» — Фомин собрался, продолжая сохранять самый безмятежный вид — капитан 2-го ранга Остолопов добрался до двух последних фотографий, взяв их в руки...

Северная Таврия

Мотор мощно рокотал, с натугой держа тяжелый «Де Хевиленд» в воздухе. Еще бы — почти двадцать пудов бомб нес аэроплан целых полчаса, пролетая над раздольной степью.

Вот только не миром дышало «Дикое поле», а именно так называли эти равнины во времена набегов крымских татар на московское царство трехвековой давности.

Нет, здесь три года уже шло кровавое безумие, перед которым меркли все набег в прошлые века. Прямо в центре степного района воцарилось самое настоящее мужицкое владычество под внушающим страх анархистским черным знаменем.

Его столицей стал городок Гуляй-поле, а новоявленным ханом разбойник и каторжанин в прошлом, а ныне атаман вольницы Нестор Махно, которого все именовали батькой.

Собрав мужицкие отряды, Махно взбесившимся чертом носился по степи, воюя со всеми, кто сюда приходил — с австрийцами и германцами в 1918 году, на следующий год попеременно ожесточенно хлестался и с красными, и с петлюровцами, доставалось и белым с донскими казаками.

С первыми он, впрочем, мирился время от времени, тогда его воинство почтительно называлось бригадой РККА, а сам атаман был даже награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Именно коварный удар отрядов Махно в сентябре прошлого года и пресечение железнодорожных перевозок по всему Приазовью сорвали наступление войск генерала Деникина на Москву.

В этом году батька уже всю воевал с красными, выступая под лозунгом «вольных

мужицких советов без комиссаров и чрезвычайек». Истребление советских работников и продотрядов носило повсеместный характер и полностью сорвало вывоз хлеба.

Несмотря на все усилия, Красной армии не удалось подавить мужицкое движение. Местное население, находясь под опекой Нестора Махно все эти годы, чрезвычайно разбогатело на грабеже городов и проезжающих поездов, а потому батьку боготворило, всегда укрывало, кормило его воинство и предупреждало о любых действиях карателей, благодаря чему махновцы оказались неуловимы.

Собственно «армии» у Махно не имелось, только сотня его самых преданных головорезов, однако по первому его сигналу все села немедленно выставляли хорошо вооруженные отряды, обильно обеспеченные патронами. И неслись по степи пулеметные тачанки, запряженные сильными, сытыми и резвыми конями.

Махновское воинство, ощерившееся во все стороны пулеметами, представляло собою грозную, по местным меркам, силищу в два пулеметных полка, справиться с которой так и не смогли до недавнего времени ни белые, ни красные. Да и как их поймашь, если степь большая, пехота на своих двоих лошадей не догонит!

С кавалерией, включая казаков, махновцы легко справлялись, выкашивая атакующие лавы массированным пулеметным огнем. Такая тактика всегда приносила успех, добившись которого, батька распускал свою «армию» по домам. И стояли у своих хат довольные крестьяне, недоуменно пожимая плечами на вопросы красных и белых всадников, что продолжали безуспешно гоняться по степи за неуловимым Махно.

Хорошо отдохнув, упившись самогоном, мужики снова выкатывали свои повозки из сараев, запрягали коней, выкапывали пулеметы и растягивали длинные черные транспаранты, где большими белыми буквами были написаны весьма доходчивые слова — спереди «Х... уйдешь», а сзади «х... догонишь».

Такая незамысловатая агитация действовала на их оппонентов просто убийственно! Перефразируя одно американское изречение, Махно мог бы сказать, что доброе слово в сочетании с пулеметом «максим» действует более доходчиво, чем просто слово.

В сентябре красные ушли из степи и им на смену пришли белые. Анархистские отряды снова повели войну, не давая жизни недобитым «золотопогонникам». Недаром махновцы всегда говорили, что красных нужно бить пока не побелеют, а белых — пока не покраснеют.

Царский манифест был сразу же отклонен привыкшими к вольнице мужиками. Попытки переговоров не только не принесли результата, а хуже того — по приказу батьки зверски замучили офицеров, посланных под белым флагом в качестве парламентариев.

Однако на этот раз Махно сильно заблуждался, как и его повстанцы, в своем убеждении, что на них никто не найдет управу, сильно понадеявшись на свою отработанную тактику. Недаром говорят, что может найтись на всякую хитрую задницу...

Тирасполь

— С чего начал, на то и вернулся!

Генерал-майор Яков Александрович Слащев задумчиво хмурил брови, искоса поглядывая на генерал-лейтенанта Витковского. Тот в своей черной форме Марковской дивизии задумчиво похаживал чуть в стороне, о чем-то напряженно размышляя.

Слащев мысленно усмехнулся — мысли командующего 2-м ударным корпусом Русской армии ему были видны и как никогда понятны. Принять корпус погибшего Казановича, сраженного первым же снарядом еще позавчера, влить туда свою единственную дивизию и бросить вперед кулак из трех ударных дивизий, полностью оголив всю границу по Днестру.

Сам Яков Александрович поступил точно так же и не иначе — растягивать три «цветных» дивизии тонким кордоном по левому берегу, с надеждой прикрыть всю границу — или безумие, или непроходимая тупость. Против девяти румынских дивизий не устоять, хотя те вояки из себя худые. Но трехкратный перевес при обилии артиллерии и снарядов при позиционной войне для русских мог оказаться фатальным. Такое уже проходили годами ранее, и ввязываться в окопное сидение никто не желал.

Потому генерал Витковский и ударил первым, захватил стратегически важный мост у Тирасполя и рванул на Бендеры. Стремительность действий позволила русским войскам добиться ошеломительного успеха, с ходу разгромить одну и основательно потрепать другую румынскую дивизии и освободить Бендеры.

Удивил всех Владимир Константинович, сильно поразил. Сам Слащев, равнодушный к чужой славе, посчитал, что такое решительное и умелое руководство войсками достойно награждения орденом святого Георгия 3-й степени, никак не меньше.

Однако в военном министерстве и генштабе интриги так и остались главным средством разрешения всех проблем. Вчера ночью Якова Александровича вызвал генерал Кутепов и самым безапелляционным тоном, с привычным для него потаенным хамством, предложил сдать округ генералу Драгомирову и принять под командование 1-й ударный корпус вместо погибшего генерала Казановича.

Слащев округ сдал с превеликим удовольствием. К административной деятельности сам испытывал стойкое отвращение, и принял Одессу только по просьбе генерала Арчегова, да и то временно, на один или два месяца. После чего генерал-адъютант заверил его, что он получит под командование любой из армейских корпусов вместе с производством в следующий чин. Благо задачу ему поставили простую — самыми решительными и жестокими мерами освободить территорию округа от распоясавшихся шаек.

Саму Одессу нужно было быстро и основательно очистить от обнаглевшего криминалитета. Последний всегда чувствовал себя в ней не второй, а даже первой властью, и плевать хотел на того, кто приходил со штыком в город — белые или красные, петлюровцы или Григорьев со своими бандами, немцы, румыны, греки, французы и прочие.

Сами одесситы сбились со счета, считая временных властителей!

Слащев смог выполнить поручение генерала Арчегова всего за три недели столь свирепыми мерами, что получил прозвище «вешателя», утвердив свыше семи сотен смертных приговоров военно-полевых судов. А заодно пережил пять покушений.

Зато добился своего — даже на Молдаванке, разбойничьем вертепе столицы Новороссии, сейчас было уже относительно тихо, полицейские спокойно похаживали по улицам, не опасаясь стрельбы.

— Мавр сделал свое дело, и мавр может уйти! — Слащев криво улыбнулся. Он прекрасно понимал, что его использовали для «грязного дела» — другие не хотели замарать своих ручинок.

Но чтобы вот так нагло, через колено ломая гордость, наплевав на заслуги, поступить с ним?!

Вчера рано утром военный министр Кутепов предложил принять ему 1-й ударный корпус из Корниловской, Дроздовской и 1-й «Дикой» дивизий. Вроде крайне почетное назначение, но от такого «троянского коня» Слащев отказался наотрез.

«Цветные» его сильно недолюбливали, не за глаза, уже открыто называя «генералом Яшкой», да и он относился к ним соответственно. Нет, сражаются великолепно, тут претензий к ним нет, но грабят, своевольничают, возомнили себя элитой русской армии.

Да и сами между собой не ладят, марковцы и дроздовцы друг друга на дух не переваривают.

Первые ходят расхлябанные, манеры нарочито простонародные, республиканцами себя считают, что вызывает крайнее неодобрение у вторых — монархистов, крайне дисциплинированных. В честь покойного шефа дроздовцы любили носить очки и столь же яростно ненавидели тех, кто не разделял их взгляды.

У корниловцев и алексеевцев та же история — как и их шефы, что оспаривали между собою первенство в белом движении, так и они живут друг с другом хуже, чем кошка с собакою.

Да еще сознательное пренебрежительного отношения, которое было и до войны, у кадрового офицерства, а таких среди корниловцев было много, к «шпакам» — всяким там штатским интеллигентам, студентам, реалистам и гимназистам, что составляли цвет Алексеевской дивизии. Так что пришлось разводить дивизии по разным корпусам, ибо если на войне различия сглаживались, то в тылу они нарастали как снежный ком.

Великолепный образец местничества на новый лад. И оно надо такой вольницей, что на манер шляхетского сейма меж собою насмерть может сцепиться, командовать?

Покорно благодарим!

Кутепов продолжал настаивать, чем привел Слащева в тихое бешенство. Яков Александрович напрямую обратился к монарху, разъяснив тому ситуацию с назначением, и сослался на генерал-адъютанта Арчегова, что был тяжело ранен офицером царской же свиты, что наводило на определенные подозрения.

Уж слишком удачным было выбрано время и место покушения, именно в тот самый вечер, всего через несколько минут после разговора с ним по телефону!

К великому удивлению Слащева, ждавшего отставки и даже увольнения, Михаил Александрович его доводы принял и одобрил. Как главнокомандующий он приказал принять прежний 1-й армейский Крымский корпус, которым генерал и командовал.

— Все вернулось на круги своя!

Черное море

С командиром Остолоповым происходил процесс, который в свое время генерал Арчегов назвал полным охреновением, хотя это было сказано по несколько иному поводу.

Вначале у моряка несколько выкатились глаза, и он, не в силах поверить, уставился на портрет Михаила Александровича, что висел на стене переборки, на самом почетном месте.

Две другие стенки украшали картины с морской тематикой, изображавшие парусники в шторм. Что это за корабли, фрегаты, корветы или бриг, Семен Федотович не мог определить — в морском деле он был полным профаном.

Командир эсминца снова посмотрел на снимок ошарашенными глазами, затем перевел взгляд опять на парадный портрет и только сейчас поверил собственным глазам — на карточке, что он держал в руках, был изображен именно государь Михаил II Александрович в генеральской форме с Георгиевским белым крестом на груди.

Фотография была сделана в январе этого года в Красноярске, а орден одолжил генерал Войцеховский, ибо награды последнего российского императора изъяли в свое время чекисты.

Надпись, что была нанесена сверху, несомненно, оставила его собственная высочайшая рука — «Моему верному другу и спасителю Семену Федотовичу. Михаил».

— Скажите, Мария Александровна, вам ведь приходилось бывать в танке мужа? — кто-то из молодых моряков задал интересующий его вопрос, и тут же получил ответ, правда, голосом не гордой казачки, а недавней гимназистки, чуточку восторженным.

— Меня мой муж недавно по причалу провез. Внутри там тесно, трясет, кругом железки — я локоть больно ушибла. Еще пахнет отвратно, бензином и маслом, даже в глазах резь и дышать

плохо. И от двигателя теплом несет, как от печки...

«Милая моя, тебя прокатили по удивительно ровному бетону, и все равно танк трясло, потому что на „Марках“ подвеска хуже не бывает — ее как таковой нет. И со скоростью „манежного черепашьего галопа“, две версты в час. Везли бережно, как фарфоровую китайскую вазу немыслимой ценности. И всего две минуты, иначе дышать было бы не просто отвратно, а вообще затруднительно. Так что извини, но правду, моя дорогая женушка, как и все наши милые отрядные женщины, ты знать не будешь. Ибо нас война с румынами ждет, а вы тогда изведетесь».

Семен Федотович почти не прислушивался к голосу жены, взирая искоса на Остолопова. У моряка оказалось железное хладнокровие, когда он рассматривал второй снимок, на котором был заснят американский «Рено» в четко видимых пулевых отметинах, будто лицо человека, переболевшего оспой, и их с царем, в танкистских куртках — обнявшись, они стояли у люковых створок механика-водителя.

На обороте было написано той же высочайшей рукою — «Сеня, твоя атака произвела впечатление, ты настоящий герой. Такие „кони“ нам нужны. Твой Мики».

Правда, тогда на лицо Семена попал солнечный «зайчик», поэтому черты вышли смазанными. Именно потому эту фотографию ему оставил Арчegov в обоснование «легенды».

Снимок был сделан в феврале, когда под Омск прибыли в эшелоне 10 американских легких танков, изготовленных по образцу французского «Рено». Вот только экипажей для них не имелось, и тогда Семен Федотович решил рискнуть и потрянуть молодостью — вместе с инструктором американцем, лихим вторым лейтенантом, согласившимся повести танк, они атаковали по подтаявшему насту, поддержав наступление «волжан» генерала Каппеля.

Из 37-мм пушки Фомин сбил три пулемета, и, несмотря на то, что танк даже пытались подбить гранатами, обратил красноармейцев в бегство, нагнав на них жуткого страха. После боя на броне насчитали почти полторы сотни пулевых и осколочных отметин — на Михаила это произвело сильное впечатление, и он, несмотря на возражения Семена, наградил своего генерал-адъютанта орденом святого Георгия 4-й степени.

Но в печати подробностей подвига не приводилось, как и упоминания об американце, который настоятельно просил этого не делать, а вместо награды выдать ему тысячу долларов и ящик виски, чему заокеанский гость был очень доволен...

— Скажите, Семен Федотович, а воевать в танке страшно? Говорят, потери большие?!

— Нет, воевать не страшно! — Семен ответил как можно безмятежнее, поймав настороженный взгляд Маши.

Моряки переглянулись между собою, некоторые высокомерно улыбнулись, решив, что на море намного хуже, и воевать на каких-то там танках одно сплошное удовольствие. Нехорошие были у них улыбочки, и именно это взбесило Фомина.

Заметив, что Маша заговорила о чем-то с капитаном эсминца, он решил рискнуть поведать морякам то, что испытал на собственной шкуре. И сбить спесь с этих водоплавающих, которые и войны-то зачастую не видели, пройдясь по ней бочком — пару раз постреляли с противником без потерь, разошлись в стороны и герои.

Вояки, мать их, задницы в ракушках!

— На танках воевать не страшно, — тем же безмятежным голосом произнес Семен Федотович, но перешел с русского языка на английский. Благодаря усилиям Михаила Александровича за два прошедших года произношение стало весьма сносным. Это и легло основанием в новую биографию, что была разработана без его участия.

— На танках воевать очень страшно, редко кто не пачкает подштанники в первом же бою!

Маша с удивлением подняла глаза на него, а он, прекрасно зная, что жена владеет только

французским, говорил на английском с той же безмятежностью. Потому жена снова заговорила о чем-то с Остолоповым, не обращая внимания на монолог излучавшего спокойствие мужа.

— Жутко страшно. Когда двигатель набирает обороты, мощь две с лишним сотни лошадиных сил, шум такой, что ничего не слышно, разговариваем на пальцах. У многих из ушей кровь течет, глухота наша обычная болезнь. Через четверть часа двигатель нагоняет температуру внутри танка до парилки в бане. Жара такая стоит, что после часа тело истекает потом так, что обезвоживается. В глазах темнота, многие сознание теряют. Баки сконструированы плохо, двигатели отрегулированы скверно — мы постоянно дышим парами бензина, идем в бой с открытыми люками и бойницами, ибо вентиляция не справляется. Электропроводка искрит, пары могут воспламениться в любую секунду, а там или взрыв, или пожар. А он страшен — ибо здесь за борт можно выпрыгнуть, а в танке как в печке, одни головешки остаются от парней!

Фомин остановился, обвел взглядом моряков — все молчали, улыбки с их лиц стерлись, взоры напряженные...

Северная Таврия

— Неужто нашли? Так вон они...

Майор Михаил Воцилло не мог поверить собственным глазам, вглядываясь до рези в расстилавшуюся под ним, чуть тронутую осенней желтизной, ровную, как стол, степь.

Происходившее внизу напомнило ему одну картинку из детства, когда они с другом разворошили в старом доме угол за печкою, и оттуда хлынули черными толпами тараканы и тут же стали разбегаться по сторонам.

Вот только не безобидные насекомые были внизу — то десятки махновских тачанок, оцетинившихся пулеметными стволами во все стороны, уже уходили в глубокий прорыв, основательно потрепав и разогнав 7-й Донской казачий полк.

Не думал и не гадал сибиряк, что жизнь выкинет очередной фортель. После польской кампании, в которой он принимал самое деятельное участие в качестве красного военного летчика и командира авиаотряда, его наградили орденом Боевого Красного Знамени, который пришлось тут же спрятать в качестве диковинного курьеза. Дабы потом, в кругу друзей, посмеяться над очередным поворотом судьбы.

Но вместо благополучной Карелии, занятой белыми, сибиряков перебросили на юг, и в сентябре они оказались в северной Таврии, только что уступленной большевиками белым.

Здесь получили новехонькие аэропланы «ДХ-9а», только что прибывшие из далекой Америки, и приготовились их неспешно осваивать, предвкушая длительный отдых.

Однако не мир и спокойствие царили в этой части южной России — три года здешние земли трясла жестокая анархистская вольница, стекавшаяся со всех сторон под черные знамена Нестора Махно.

Терять времени белое командование не могло себе позволить — война с румынами настоятельно требовала привлечения всех средств и сил. Оставлять в тылу такую вооруженную вольницу было смертельно опасно, прошлогодний пример как нельзя наглядно это показывал.

Было решено задействовать против махновцев, снова собравшихся в степи и смерчем промчавшихся по опустевшим городам Мелитополю и Александровску, почти все подвижные силы, собранные в единый кулак — три донские казачьи и две кавалерийские дивизии, усиленные бронеавтомобилями и конной артиллерией.

Также было задействовано несколько батальонов егерей и немецких колонистов, девять бронепоездов и семь отрядов аэропланов, одним из которых являлся Сибирский, бывший

экспедиционный, под командованием ставшего майором Воцилло.

Махновские банды казаки генерала Писарева обложили по всем правилам военного искусства, при постоянной воздушной разведке. Более того, именно сегодня командующий авиацией генерал Ткачев, тоже казак по происхождению, решил нанести массированный штурмовой удар, задействовав сразу три авиаотряда, в которых числилось два десятка новеньких «ДХ-9а», только что прибывших из САСШ, собранных и облетанных...

— Вон они, твари!

Михаил сжал зубы до боли, глядя на снующие внизу повозки. Из них по приближающимся самолетам начали палить из винтовок. Такую глупость делают или совсем неопытные бойцы, или дурости с патронами много — разве можно с версты попасть в летящие на высоте в три сотни метров воздушные машины?!

Ведущий аэроплан, на котором летел сам генерал-майор Ткачев, сделал боевой разворот и с резким снижением устремился, в атаку. За генералом пошли летчики 2-го отряда. А 1-й стал заходить правее, атакуя вторую крупную группу повстанцев.

Сибирякам же досталась самая почетная задача атаковать центр бандитской вольницы, пройдя его наискосок. Тактические маневры были отработаны еще на земле, так что все «ДХ-9а», соблюдая журавлиный клин, пошли на бомбежку.

— Получите...

Михаил рванул рукоять троса, и ящики, наполненные десятифунтовыми бомбами, вывалили свой смертоносный груз на обезумевших внизу людей и лошадей. Следом осуществили яростную бомбежку и другие самолеты отряда. Грохот сотен разрывов на земле заглушил даже радостный рев мотора, освободившегося от нагрузки.

Воцилло вошел в вираж и с нехорошей улыбкой посмотрел на результаты совершенного аэропланами дела. Степь было не узнать — черные столбы дыма от взрывов, кое-где веселым пламенем занялась высохшая за лето трава. Пространство буквально завалено десятками разломанных и перевернутых повозок и усеяно сотнями тел лошадей, многие из которых бились в мучениях.

На войне не до слезливых сантиментов, особенно с таким врагом, который пленным пощаду никогда не дает, а сам занимается вульгарным грабежом и бандитизмом, без всякой жалости ни к мирным обывателям, ни к их имуществу. Такое нужно выжигать каленым железом, и, свирепо рыкая моторами, аэропланы пошли уже на штурмовку.

Дружно застрекотали синхронные пулеметы «виккерс» и «льюисы» на турелях летчиков-наблюдателей. Свинцовый дождь выкашивал своими смертоносными струями махновцев.

Какой уж тут бой, самая настоящая бойня!

Мало кому из махновцев удалось вырваться из-под смертельного воздушного «зонтика», настолько яростно гонялись аэропланы даже за одиноким повстанцем...

— Кажись, наши идут.

Воцилло разглядел в степи длинные линии всадников, в руках которых виднелись тонкие, со спичку, пики. Такие могли быть только у донских казаков, брошенных на облаву.

Летчик бросил взгляд на часы, вделанные в полетную доску, рядом с указателем топлива. С момента прекращения штурмовки прошло только пять минут, вполне достаточное время, чтобы казачьи лавы стянули фланги, создали уже на земле второе кольцо, из которого уцелевшим махновцам будет вырваться намного труднее...

Тирасполь

Паровоз, тащивший за собой несколько классных желтых и синих вагонов, медленно

заползал на станцию, выпуская из трубы клубы черного дыма. И словно сказочный дракон разразился пронзительным свистом, выпустив густую струю пара.

Пары и сцепки громко лязгнули, поезд застыл на месте — конечная станция для вновь назначенного командующего Румынским фронтом генерала от инфантерии Деникина.

Встречающие на перроне молодые генералы непроизвольно подтянулись, хотя оба прекрасно понимали, что встреча происходит не по уставу, но приказы для того и существуют, чтобы их выполняли.

Дверь второго тамбура головного вагона раскрылась, и на перрон выпорхнул адъютант, на плече которого, словно птица крылом, качнулись золотые аксельбанты. И следом, степенно, спустился сам Антон Иванович — генералы дружно сделали ему шаг навстречу.

— Командующий 2-м ударным корпусом генерал-лейтенант Витковский, ваше высокопревосходительство!

— Командующий 1-м армейским корпусом генерал-майор Слащев, ваше высокопревосходительство!

Яков Александрович четко, словно в свои славные гвардейские времена, когда он командовал лейб-гвардии Московским полком, четко отдал воинское приветствие командующему фронтом, бросив прямую ладонь к краешку козырька фуражки.

— Генерал-лейтенант!

Нехотя, как-то сквозь зубы негромко бросил Деникин, задрав бородку. Слащев застыл в недоумении, а Витковский непроизвольно сделал шаг вперед и громко выпалил:

— Я...

— Да не вы, любезный Владимир Константинович, — улыбнулся Деникин, но глаза его оставались строгими. — Я хотел поправить Якова Александровича — с сего дня он произведен его величеством в чин генерал-лейтенанта. Приказ я сегодня вручу.

— Служу России! — громко произнес Слащев, согласно новому уставу, и добавил звенящим от радостного волнения голосом: — Спасибо вам от всего сердца, Антон Иванович.

— Вам за Бендерскую победу, Владимир Константинович, государь выражает свое благоволение.

— Служу России! — громко отозвался несколько разочарованным голосом Витковский. Видно, комкор 2-го ударного рассчитывал на нечто более весомое, чем простая благодарность монарха.

— Разрешите вам представить, господа, вновь назначенного командующего 1-м ударным корпусом генерал-лейтенанта Владимира Зеноновича Май-Маевского...

Слащев не верил собственным глазам, испытывая острое желание протереть их. Искося глянул на генерала Витковского — тот сам пребывал в состоянии полного изумления, потеряв, судя по всему, дар речи и растерянно хлопая ресницами.

И было от чего — ибо тот человек, повернувшийся к ним сейчас спиной, которого они узрели перед собою, ни при каком раскладе не мог быть назначен командиром корпуса. Даже в это сумасшедшее время.

«Все, хана, пропьет всех!»

Обреченно вздохнул Слащев, с нарастающей в горле горечью понимая, что все его надежды разбились тысячью осколков. И старое не просто сохранилось при новом монархе, оно вновь начинает навязывать всем свои отжившие порядки!

Май-Маевского, бывшего командующего Добровольческим корпусом, созданного из «цветных» соединений, летом прошлого года назначенного и командующим всей Добровольческой армией, генералы знали слишком хорошо, да и вообще все служившие во ВСЮР. К полководческому таланту, знаниям и умениям этого пожилого, старше их всех, даже

самого Деникина, генерала, недавно перешагнувшего за пятидесятилетний рубеж, претензий не имелось. Еще два года назад все восхищались славными победами Май-Маевского, и находиться ему на месте главнокомандующего, если бы не одно обстоятельство, весьма прискорбное для всякого русского человека.

Владимир Зенонович был не просто пьющим человеком, этим в стране родных берез и осин никого не удивишь, хуже — генерал часто уходил в глубокие запой, теряя человеческий облик.

И этой его слабостью, вернее, жутким пороком, пользовались все, кто имел на него хоть какое-то влияние. В том числе и всякие проходимцы и авантюристы, один из которых, адъютант его превосходительства штабс-капитан Макаров оказался красным агентом.

Именно большие потери, понесенные «цветными» дивизиями в период прошлого года летнего наступления, связывали со шпионской деятельностью сего адъютанта, сбежавшего от расплаты из тюрьмы в Крыму прямо в горы, где властвовали партизаны.

Сам Май-Маевский так и не вышел из запоя и осенью прошлого года был отрешен от командования и отправлен в домик в Крыму. Последний раз, когда его видел Слащев весной, генерал превратился в полную развалину — рыхлый, с испитым землистым лицом, хриплым от перепоя голосом, нетвердой походкой и огромными мешками под глазами. А ниже их висел потертый баклажаном сизый от постоянных возлияний нос...

— Здравствуйте, Яков Владимирович, рад вас видеть!

Слащев снова захотел себя ущипнуть как можно больнее, не веря собственным глазам. Май-Маевский будто десять лет жизни, причем самых плохих, скинул.

Бодр, свеж, румян — куда пропали следы, как казалось, вплавленные навечно в его лицо, многодневных запоев. Даже цвет носа стал нормальным, и вроде в размерах уменьшился. А глаза светятся молодым блеском, задорным, боевитым.

И алкогольного перегара, да что там его, даже легкого запашка Слащев уловить не мог, хотя принюхивался, только терпкий аромат французского одеколona.

Чудеса, да и только!

— Что с вами, Яков Владимирович? — спросил Май-Маевский, крепко пожимая машинально протянутую ему ладонь. И усмехнулся краешками полных губ, давая понять, что знает истинную причину удивления. — Вы меня узнаете с трудом?

— Вы совершенно неузнаваемы, Владимир Зенонович! — пересохшими от волнения губами произнес Слащев, разглядывая полную, но энергичную фигуру бывшего командарма в корниловской форме и с черно-красной фуражкой на голове.

«Ну, ежели он пить бросил и в запой больше не уйдет, то наворотит дел! Ведь корниловцы его боготворят, он с ними хоть до Бухареста дойдет, тем более до него ближе, чем до Тулы, а румыны не большевики. С последними драться намного хуже!»

Яков Александрович тяжело вздохнул. Ответ напрашивался само собою — ведь коммунисты те же русские...

Черное море

— Жестокая тряска, от которой не только зубы крошатся, но и ноги-руки ломает как спички, ибо швыряет внутри, как в шторм, и так, что палуба под ногами уходит, голова в потолок постоянно ударяется. Калеками в каждой атаке от нее становятся. Оттого и «морская болезнь» свирепствует. Один раз англичане попытались солдат в танках перевезти, так за полчаса они все «затравили», угорели и плашмя на земле лежали чуть ли не три часа — какая уж там атака?!

Из добровольцев, а ими поначалу англичане танковые части комплектовали, каждого

десятого до первого боя списывали из-за травм, или сами уходили, убоявшись. А в бою еще хуже — пушки и пулеметы стреляют постоянно, дым такой стоит, что ничего не видно, глаза разъедает. От него иной раз и до смерти угорают...

Фомин продолжал говорить в полной тишине, если не считать рокот турбин. К его удивлению, не все моряки знали английский язык, некоторые часто переспрашивали своих соседей, а те тихо, сквозь зубы отвечали, показывая осторожным взглядом на Машу. Та сидела молча, но глаза были как у испуганной лани.

— На поле боя танки грозное оружие, правы англичане, когда их «сухопутными линкорами» называли. Пули от брони отскакивают, одна только беда, если только в смотровые щели поражают. Моему механику-водителю глаза вышибло, бедняга криком извелся!

Фомин сказал правду, вот только случилось это во время конфликта с китайцами на КВЖД.

— Самое страшное для танка — это пушки. Граната трехдюймовки броню прошибает, и тогда как повезет. Если в топливный бак, то хана всему экипажу — бензин либо взрывается, либо воспламеняется. Даже если кто и выжил при взрыве, один черт, даже хуже — живьем человек сгорает. Редко кто успевает дверь открыть и выпрыгнуть. Если фугасом в корпус залепят, то осколки внутри все в колбасный фарш превращают, конечности отрубают, животы вскрывают. Один раз у меня весь экипаж таким снарядом искромсало, но меня не задело. Выбрался кое-как, весь в крови, с головы до ног, кишки на комбинезоне дымятся...

Фомина передернуло от воспоминаний забытой зимней войны с финнами. Тогда ему трижды пришлось покинуть подбитые Т-26, что само по себе говорит о невероятном везении!

— А потому танка всего на три атаки хватает, если враг пушки свои задействует. Горим, как спичечные коробки, от снарядов. Всего три атаки... Вот так-то, господа! Пушку, если стрельбу открыла, давить нужно немедленно. Вот только стрелять из танка то еще удовольствие. Поди прицелься, когда трясет немилосердно, а дым глаза разъедает. Палуба спонсона под ногами ходит, то небо, то земля в прицеле. Это морякам такая ситуация привычна, а вот армейским артиллеристам долгая практика нужна, да кто ж ее позволит в бою?! Стреляем с коротких остановок, ибо вставший танк очень большая и удобная мишень. Недаром англичане на первых порах танки моряками укомплектовывали, да и флот выступил инициатором их появления. Надеюсь, что и у нас такое будет, не может не быть. И скоро...

— Вы об этом так уверенно говорите? — вскинулся Остолопов. — И кто интересно... Ах, да... Как же я забыл! Простите, Семен Федотович.

— Да что вы, Алексей Алексеевич, — с горестной гримасой на лице улыбнулся Фомин. — Мы два десятка новых «Марков» от англичан получили, вот только экипажей едва наполовину хватает. Беда в том, что нет времени из добровольцев экипажи подготовить — они храбрецы, вот только учить их долго нужно. Вести в бой необученных танкистов — только приводить к напрасным потерям в людях и технике. Несчастье в том, что танки у нас есть, а вот времени для обучения новобранцев нет! А те, кто может быстро овладеть танком, предпочитают...

— Ты почему скрывал от меня этот ужас?!

Звонящий голос Маши предотвратил взрыв со стороны побагровевших от стыда и гнева моряков, ибо нет ничего худшего для русского офицера, чем обвинение в трусости, пусть даже и завуалированное.

— Три атаки до смерти, всего три атаки — и все! Либо факелом вспыхнуть, либо в мясной фарш! Всего три атаки!!! — жену буквально трясло, девушка балансировала на грани истерики. — Скажи мне правду — сколько у тебя было таких атак?!

— Не считал, — хмуро отозвался Фомин, — но всяко больше полусотни. Четыре раза горел — два раза сам выбрался и своих вынес, дважды парни меня вынесли, раненого...

— Вот видите, Мария Александровна, ваш муж же жив, — кто-то из молодых моряков

попытался успокоить девушку, но та резанула в ответ, да так, что моряки побледнели.

— Это значит, что кто-то из них, из этих молодых мальчишек, сгорел в своем первом бою. Ведь так, Сеня? И ты через две недели снова в бой пойдешь?! Не пущу...

— Пойду. И отпустишь! — голос Фомина затвердел. — Ради тех сотен молодых солдат и офицеров, что могут лечь под пулеметами. Да, смерть танкиста жутка, но она спасает десятки других жизней! Это наш долг, Маша. Я мог бы устроиться в тылу, мои раны и ожоги позволяют это, и никто не упрекнет меня в трусости. Но я поведу своих танкистов в бой, поведу потому, что они должны выжить, и мой опыт им поможет. А смерть... Так в нашей смерти и крови, Маша, бессмертие России...

Жена не могла ничего сказать ему в ответ — рот беззвучно открывался, руки ее сами по себе жили беспокойной жизнью, смахнув на палубу бокал с вилкою и отбросив салфетку.

— Салфеточки, вилочки... Там люди гибнуть будут!

Девушка громко зарыдала, и смертельно побледневший, хмурый, как поздняя осень, Остолопов, бережно обняв Машу за плечи, осторожно вывел из кают-компаний.

— Простите, господа, — Фомин резко поднялся, одернул тужурку и чуть наклонил голову.

Моряки, кто побледневший, кто с багровым румянцем на всю щеку, мрачно смотрели на него. Нужно было немедленно уходить, и дело за благовидным предлогом не задержалось.

— Я не знал, что моя жена понимает английский. Я пойду ее успокою, господа. Мы в отряде никогда не говорили нашим женам, каково воевать нам на танках.

Фомин резко повернулся и шагнул к переборке, искоса глядя на старшего офицера. Судя по тому, что тот жестом предложил офицерам оставаться на местах, то разговор среди моряков ожидался серьезный, тем более что капитан «Беспокойного» вышел.

И можно было не гадать, о чем он пойдет...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДО ЧЕГО ПОРОЙ ОБИДНО...

(5 октября 1920 года)

Одесса

— Государь сейчас в Тирасполе, господин капитан. Нам приказано устроить вас в гостинице.

Молодой офицер в униформе сибирских стрелковых полков обменялся рукопожатием с Фоминым и несколько неуклюже, что говорило об отсутствии у него светского лоска, поклонился Маше.

— Я рад познакомиться с вашей очаровательной супругой. Надеюсь, путешествие по морю вам понравилось, Мария Александровна.

Несмотря на ночь, «Ермаковых» встречали в Одесском порту сразу два царских флигель-адъютанта, а на причал подали роскошные автомобили. И это не считая полдюжины солдат, что, радостно суетясь, изображали встречающих, живо перехвативших небольшой багаж, состоящий из трех чемоданов — супруги «Ермаковы» не торопились обзаводиться лишним имуществом, не всегда полезным при кочевой армейской жизни.

Первый офицер, с властным и зычным голосом, никак не меньше полковника по чину, с двумя просветами на погонах, накрытых золотой мишурой царского вензеля, обладал манерами и выправкой старого заслуженного гвардейца. Судя по высокому росту и шашке, он ранее служил в привилегированном полку «тяжелой» гвардейской кавалерии — кавалергард, конногвардеец либо лейб-кирасир.

Его имя и фамилия, придавленные весомым титулом, Фомину ни о чем не говорили. Да и в жизни, судя по всему, их обладатель, пользовался крайне редко, лишь в кругу родственников и близких друзей, ибо вышестоящие обращались к нему всегда не иначе как «князь», а для подчиненных он являлся «вашим сиятельством».

Старший из флигель-адъютантов произвел на Фомина самое неблагоприятное впечатление, хотя был нарочито любезен и приветлив. Но уж больно за маской радушия явственно проглядывало высокомерие, с которым этот аристократ из природных «Рюриковичей» общался с простым капитаном-танкистом. Арктический лед и то намного приятнее и теплее, по крайней мере, в нем нет фальши и лжи.

Только приколотый на широкую грудь кавалериста орден святого Георгия на колодке, знак за кубанский «Ледяной поход» генерала Корнилова да офицерская шашка, с белым крестиком в навершии рукояти и украшенная темляком из черно-оранжевой ленты, несколько сглаживали неприязнь Семена Федотовича. Две георгиевские награды прямо говорили о том, что их обладатель по тылам не отсиживался, пороха понюхал вволю и в царскую свиту был зачислен не только с помощью придворных связей.

Второй флигель-адъютант, вернее, «офицер свиты», судя по одинокому капитанскому просвету, был моложе чуть ли не вдвое, но тоже заслуженным боевым офицером — ордена Владимира IV и Анны III степени, с мечами и бантами, за красивые глазки на грудь не вешают. Да еще ленточка красная, с желтым ободком, нашита под второй пуговицей. Она была введена на германский манер «железного креста» и говорила о награждении «клюквой». Первая офицерская награда за личную храбрость теперь, за исключением кавалеристов, летчиков, танкистов и, само собой, моряков, «перекочевала» из холодного оружия на мундир.

Нарочитая приветливость «сибиряка» отнюдь не была полностью искренней — сразу же возникло стойкое ощущение, что тот просто подчеркивает братство по оружию в одной армии, что ходила по снегу в атаки под бело-зеленым знаменем.

Оба «свитских», в свою очередь, с интересом смотрели на танкистскую тужурку Фомина, с которой Маша заблаговременно сняла все иностранные «награды». Даже вполне заслуженную японскую — Семен Федотович хотел тем самым несколько компенсировать «самозванный» Анненский темляк.

Вот только гвардейский сноб посматривал с насмешливой снисходительностью, в которой так и читалось — «знаю, знаю, „птенец Керенского“, он тогда многих солдат в офицеры произвел».

Зато его молодой коллега, с посконным именем Митрофана Прохоровича Зверева, что говорило о купеческом, мещанском или казачьем происхождении, не скрывал своего искреннего восхищения, разглядывая бело-зеленый крест, крайне редкую награду, вожденную для офицеров Сибирской армии.

Нынешних офицеров свиты Фомин совершенно не знал и не сомневался, что, за исключением тех, кто остались в Иркутске, их состав кардинально обновился. А потому вряд ли кто признает в изувеченном танкисте, с тремя маленькими звездочками капитана, известного в прошлом царского друга, что прошел с ним путь от Перми до Енисея и первым получил императорские вензеля на свои генеральские погоны.

И дело тут в том, что Михаил Александрович при любой возможности отсылал своих свитских офицеров на строевые должности, прямиком в бой. Так что прихлебатели и приспособленцы, тыловые крысеныши в общем, в свиту попасть не могли, зато вот предатели водились, о чем свидетельствовала судьба единственного, едва оставшегося в живых после удачного покушения генерал-адъютанта Арчегова.

— Позвольте доставить вас в гостиницу...

— Нам немедленно нужно в госпиталь, к генералу Арчегову! — резче, чем следовало, оборвал «Рюриковича» Фомин, и у гвардейца изумленно выгнулись брови, и лишь затем гневный багрянец залил щеки.

— Это не отнимет много времени, господин полковник, а потом можно поехать и в гостиницу, — уже мягче произнес Семен Федотович, понимая, что сильно перегнул палку.

Он лихорадочно соображал над пристойным объяснением — ну никак не может же простой капитан вот так зарычать на флигель-адъютанта, их должности просто не сопоставимы.

— Моя жена родственница военного министра Арчегова, а потому прошу простить меня за настойчивость. — Фомину показалось, что он нашел предельно простое объяснение такого «наезда». — Это ненадолго, мало ли что... А потому прошу вас доставить нас в госпиталь.

— Известий от моего мужа с нетерпением ждет Петр Васильевич. В Иркутске очень беспокоятся, — с самой милой улыбкой произнесла Маша, а Фомин обомлел от столь дерзкой выходки жены.

Однако супруга мгновенно добилась цели — «аристократ» поглядел на бело-зеленый шеврон на рукаве танкистской куртки, коротко переглянулся с «сибиряком». Тот чуть заметно ему кивнул в ответ, а сам неуверенно посмотрел на Фомина.

«Они меня приняли за кого-то из близкого окружения Вологодского, судя по всему»

Семен Федотович повеселел, теперь он понял, что сможет из «флигелей» узлы вязать, те даже не пикнут, ибо Михаил, тем паче сейчас, крайне заинтересован в поддержке всесильного премьер-министра Сибирского правительства.

Да и «родственница» генерала Арчегова не столь простая фигура, от желания которой можно небрежно отмахнуться, ведь стоит военному министру оклематься от ран, то он такое

может устроить, что мало не покажется, ибо репутация еще та.

А если ему осветят действия его же подчиненных в крайне мрачных тонах, на что женщины всегда способны, будущие последствия могут быть самыми печальными для карьеры. Тем более что подобные прецеденты уже бывали, и виновные незамедлительно покидали «свиту Его Величества» без присвоения им очередного чина, что уже считалось нешуточной опалой и несмываемым позором.

— Да, конечно. Мы сейчас заедем в госпиталь, нам по дороге. Окажите мне честь, сударыня!

«Аристократ» с самой обаятельной улыбкой помог Маше забраться на заднее сиденье роскошного «Паккарда», а Фомину пришлось только недовольно зыркнуть на такое проявление галантности.

Затем флигель-адъютант устроился на переднем сиденье, шофер тут же поддал газу, и автомобиль, раскачиваясь на выщербленной мостовой, медленно поехал вперед. Следом двинулась и вторая такая же машина из царского гаража — там устроился «сибиряк», приставленный к ним денщик, и небольшой багаж семьи «Ермаковых».

— Ты чего им наплела в три короба, супруженница дорогая? — фыркнул Семен Федотович в нежное ушко. Маша еле слышно ответила ему, со сдержанным смешком.

— Ненавижу гвардейских снобов! Мнят себя пупами армии, а сами... От их вежливого высокомерия еще хуже, чем от прямого хамства. Противен, как лягушка, и ладонь потная.

— Наговариваешь. — Фомин с деланным равнодушием пожал плечами. — Офицер как офицер, не трус и опытен, у меня глаз наметан.

— Ну и что?

С яростным вызовом произнесла девушка чуть громче, чем следовало, а потому флигель-адъютант ее услышал и немедленно повернулся к молодым супругам боком, демонстрируя уважение. Вот только принял слова Маши за иное:

— Да, как раз за тем бульваром госпиталь, вы правы, Мария Александровна. Приходилось раньше бывать в Одессе?

— И не только здесь, — загадочно произнесла девушка, и Фомин с удивлением взглянул на жену...

Будапешт

— Пир во время чумы...

Статный и еще моложавый не по возрасту мужчина, в черном адмиральском мундире «императорского и королевского флота» несуществующей уже «двуединой» монархии, подошел к высокому стрельчатому окну, словно пытаясь через цветное стекло разглядеть темное свинцовое небо, нависшее над голубым Дунаем.

Миклош Хорти, регент Венгерского королевства, которое пока обходилось без монарха на троне, однако с милостью божьей его высочеством, чьи функции возложил на себя последний командующий австро-венгерским флотом, в задумчивости потер стекло пальцем.

Все последние дни, с того самого часа, когда было получено известие о начавшихся боях в Молдавии между румынами и русскими, он находился в полной собранности душевных и телесных сил.

В результате мировой войны могущественная австро-венгерская держава распалась на составные части, полностью оправдав данное когда-то наименование «лоскутной империи».

Но только одну Венгрию союзники в Версале сделали «козлом отпущения», навязав ультиматум Викса, по которому страну союзники должны были превратить в окровавленные

куски оторванных друг от друга территорий.

Всеобщее недовольство народа было таково, что пришедшее в результате октябрьской революции «хризантем» буржуазное правительство было сметено.

В марте 1919 года всю власть в свои руки взяли коммунисты, во главе с Белом Куном и Тибором Самуэлем, евреями-интернационалистами, что в одночасье ухитрились привлечь внимание националистов и возглавить борьбу против интервентов.

Союзник тоже нашелся, пусть один, но зато какой — Советская Россия! Однако помощь вовремя не пришла и «красные» венгры не устояли перед «белыми». Последних набралось вполне достаточно, ибо зажиточные люди поднялись поголовно, не захотев становиться жертвами чудовищного по своей сути социального эксперимента. Наподобие русского большевизма, но с национальным мадьярским уклоном.

Он, Миклош Хорти, одним из первых выступил против коммунистической власти и надеялся победить врага в гражданской войне. Да и у белой гвардии немедленно нашлись «союзники», вот только то хищные волки рядились в овечьи шкуры.

Под предлогом борьбы с красными румыны заняли своими войсками всю Трансильванию и Восточный Банат, где на два с половиной миллиона венгров приходилось едва миллион валахов.

Не осталось в стороне и новообразованное Королевство сербов, хорватов и словенцев, прибрав к своим рукам западную часть Баната, где триста тысяч венгров доминировали над славянским населением. Следом и Чехословацкая Республика заняла Закарпатье с примерно таким же составом населения.

По сути, это была интервенция трех держав, пожелавших хорошо поживиться за счет ослабевшего соседа.

Красных из Будапешта вскоре вышибли, и советская Венгрия осталась только кошмаром в людской памяти. Но тут «победители», ставшие из врагов Антанты самыми лучшими ее друзьями, принялись вершить собственные замыслы, в чем им охотно подыграли в Париже.

— Устроили пир во время чумы!

Хорти затрясся от еле сдерживаемого бешенства. Борьба с мадьярскими коммунистами, с этой чумой, угрожавшей всей южной Европе, устроившей поход в соседнюю Словакию с объявлением там советской республики, на проверку оказалась самым вульгарным грабежом.

И предлог подобрали как по заказу — в наказание за несостоявшуюся «советизацию» от Венгрии отобрали почти половину территории, а добрая треть венгров, три миллиона из девяти, в одночасье оказалась иностранцами, лишенными собственной родины и защиты.

Королевство СХС получило Западный Банат, отодвинув границу севернее Белграда на добрую сотню километров. Заодно в пользу сербов и хорватов отрезали удобные земли по рекам, отобрали железнодорожные станции, внеся тем самым полный разлад в экономику Венгрии, и без того опустошенную пятью годами непрерывных войн.

Хорошо поживились и чехи, в наказание за «советскую Словакию» потребовавшие от заправил Антанты передачи исторической «угорщины» — Закарпатской Руси.

Версальские политики, особенно французы, на это охотно пошли, ибо Париж старался везде устроить дела своих действительных и потенциальных союзников.

Больше всего получили румыны, в прошлую войну терпевшие одни поражения, метавшиеся из одного лагеря в другой и дважды предавшие. Их особенно «пожалели» в Трианонском дворце Версаля, где весной этого года и навязали обезоруженной и обессиленной стране грабительские условия мира. Бухарест не только заполучил всю Трансильванию, Буковину и восточную часть Баната, но ему выделили значительную часть контрибуции, которую союзники вознамерились содрать с Венгрии, загнав страну в нищенство.

Хорти скрежетал зубами от ярости, но был вынужден принять навязываемые Парижем

условия, ибо другой альтернативой могла быть только война с прекрасно вооруженными интервентами, исход которой предсказать было просто — полная потеря венгерской независимости с последующей оккупацией территории.

Но подписать такое под угрозой пушек еще не значит принять. Трианонский мир еще не вступил в силу, а значит, еще есть шанс. Именно он в Сегеде произнес слова, которые запомнились всем мадьярам — «Нет! Нет! Никогда! Урезанная Венгрия не может быть страной, вся Венгрия — это рай земной!»

Однако такая громкая декларация, сам адмирал это прекрасно понимал, для соседей была не больше пустого звука, ибо в политике решает сила, которую Венгрия просто не имела и не могла иметь в будущем. Союзники ведь не просто разоружили страну, они настрого запретили ей иметь еще и достаточную армию, способную защитить границы.

Такое унижительное положение могло бы тянуться годами, вот только случилось невероятное, и все должно измениться в самое ближайшее время. А как иначе, если вчерашний враг, тоже вдоволь натерпевшийся от «союзников», предлагает объединить усилия и отринуть навязанные двум странам унижительные условия.

— Время пришло, — прошептал адмирал, отходя от окна.

Потерянная была надежда снова вернулась в его сердце. Ведь именно сегодня, в эту самую ночь, стоит ему сказать «да», как Венгрия сможет вернуть утраченное, отринуть унижительный договор и снова занять достойное место посреди Европы.

Одесса

— Генерал не доживет до утра, — молодой врач говорил тихо, но убежденно, со спокойным цинизмом, свойственным этой профессии. — Зрачок на свет не реагирует, пульс не прощупывается. Мы сделали все, что могли, но... Медицина тут бессильна!

— Все настолько серьезно, доктор...

— Людвиг Карлович Краузе, — врач прекрасно понял паузу, сделанную Семеном Федотовичем, и представился. — Но я не доктор, а только ординатор. Больного осмотрел консилиум самых известных врачей, и все они единодушно пришли именно к такому неутешительному выводу. Но до последнего часа у нас оставалась надежда на удивительно крепкий организм генерала. Однако... Ранение слишком серьезное!

«То есть на чудо, в которое никто из вас не верит — вы же материалисты до самого кончика скальпеля. Потому рисковать репутацией из вас никто не хочет, а тебя, немец-перец-колбаса, сделают завтра козлом отпущения. За то, что не уследил и чудесных спасительных мер не предпринял. Хотя все прекрасно понимают, что сделать ничего нельзя, вот только огорчать Михаила Александровича ни один не пожелает».

Фомин пристально посмотрел на знакомое, но совершенно чужое лицо Арчегова — смертельно бледное даже на фоне белоснежных бинтов. Семен Федотович наклонился, прикоснувшись к руке — та была уже не просто холодной, ему показалось, что он сдавил пальцами каменный лед. Он в растерянности оглянулся, понимая, что все его умения и навыки здесь уже бесполезны — слишком поздно.

Оба флигель-адъютанта сделали приличествующий случаю скорбный вид, врач был деловито бесстрастным, вот только глаза жены неожиданно замерцали знакомым гневным огоньком.

Маша все правильно поняла, но вот только почему она так это восприняла?!

— Господа, поймите правильно, но я прошу вас выйти, — голос девушки ожесточился и в полной тишине палаты глухим громом. — Мне необходимо проститься с ним...

— Конечно, конечно...

Свитские офицеры разом поклонились, словно по команде, и с видимым удовольствием на лицах, которое даже они не смогли скрыть, тихо вышли из палаты. За ними неспешно удалился и доктор, пожав плечами в мнимом сочувствии.

— Ты сможешь сделать хоть что-нибудь?!

Голос жены прозвучал настолько взволнованно, что Фомин мгновенно оторопел. Он видел на ее глазах выступившие слезы, как и то, что нежные руки не могли найти себе места — то пальцы теребили полы наброшенного на плечи халата, то сплетались «замочком».

Семен Федотович не ожидал такой реакции Маши, прекрасно зная, как та заочно отнеслась к Арчегову, что когда-то вынуждал ее любимого мужа окончить жизнь самоубийством.

Именно это невольное самосожжение вызывало ее ярость и стойкую неприязнь к всесильному военному министру. Девушка не раз резко высказывалась по этому поводу со всем свойственным юному возрасту максимализмом.

— Я знаешь, о чем подумала... Боже, какая дура!

Машины щеки внезапно окрасились румянцем жгучего стыда — чего-чего, но вот такого Фомин никак не ожидал, а потому молчал, пытаясь осознать увиденное и услышанное.

— Сеня, ты позволишь ему вот так просто умереть?

— Я ничего не смогу, Машенька, — Фомин развел руки в сторону. — Нет, нет, тут не месть, я просто действительно ничего не смогу для него сделать! Не в моих силах выдернуть человека, шагнувшего за кромку. Как и оживить мертвого...

— Сеня, а ведь ты ему должен! — негромко выделяя голосом последнее слово, девушка резанула его таким взглядом, что тут и Фомина проняло, как говорится, до самого копчика.

«А ведь права женушка, ох как права — сейчас не Арчegov ему „задолжал по старым счетам“, а как раз наоборот. И даже случайная встреча с женой не могла бы состояться, если бы не он. Но что мне сделать — это не в моих силах».

— И я ему должна, — глухо произнесла Маша, сглотнув вставший в горле комок. Вот теперь Фомина окончательно пробрало — такой он жену еще ни разу не видел, и именно это стало для него той каплей, что переполнила чашу. Вот только слова вышли прежние, пустые.

— Я не смогу...

— Сможешь!

Маша сделала три шага и подошла к нему вплотную, взяв крепкими и сильными пальцами за крепкую ткань танкистской куртке, что выглядывала из-под накинутого халата.

— Ты сможешь, Сеня, сможешь! Нам с этим долгом жить, нам! И нашим детям...

Горячий выкрик жены сбился на торопливый шепот, словно девушка боялась, что муж ее остановит или уйдет. И она ничего не успеет ему сказать, и самые главные слова не прозвучат, пропадут втуне, канут как капли воды в раскаленном песке пустыни.

— Он мой внук, Сеня, спаси его! Я ведь даже не говорила с ним. — Машины руки начали трясти Фомина, как грушу. — Ты должен спасти, если не ради меня, то во благо России! Что бы между вами ни было... Ему мы должны за исход, столь благополучный для всех нас. И никому другому! Так верни же долг, Сенечка, сделай же что-нибудь!

— Хорошо, родная...

Семен Федотович как можно мягче освободился от цепкой хватки жены. Затем сделал шаг и присел на кровать, рядом с лежащим Арчegovым. Взял его ледяную руку в свои ладони, и, выдохнув воздух, сосредоточился, вытравив все мысли...

И с головою ахнул будто в ледяное крошево, без подготовки, с разбега. Тело обожгло словно кипятком. Сердце застучало в груди как лихорадочное, стараясь быстрее разогнать горячую кровь по жилам, не дать замерзнуть, самому превратиться в хлад. Смерть в теле

Арчегова потихоньку вступала в свои права, но Фомин чувствовал, что жизнь еще где-то теплится, найти бы эту искорку и раздуть ее!

Но где искать?

Семен Федотович, чувствуя, как его самого затрясло, поступил так, как учил дед — стал по капле передавать свою жизнь и силы, чтобы хоть так поддержать своего умирающего «заклятого друга». И этим выиграть хоть немного времени, поддержать ту крохотную искорку, не дать ее задуть. Ибо только она сможет превратиться в животворящий костер и выдернуть из-за кромки ушедшего туда человека.

Нить?! Нужна именно она, отыскать ее немедленно, иначе будет уже поздно!

Тирасполь

— Государь, нельзя терять ни дня, дожидаясь прибытия резервов, — голос командующего Румынским фронтом генерала от инфантерии Деникина был сух и деловит. Растопыренными пальцами Антон Иванович накрыл на карте район Кишинева.

— У нас всего три дивизии против десяти румынских, но мы наступаем. В коннице преимущество на нашей стороне, оно может стать подавляющим! Поэтому задержка, даже на один день для перегруппировки, позволит противнику усилить оборону.

— Хорошо, Антон Иванович, мне понятны ваши соображения. — Михаил Александрович задумчиво посмотрел на карту.

Красные и синие кружки выделялись на ней отчетливо, но как мало было последних. Зато первые на территории Молдавии напомнили ему лицо больного корью на критической стадии — ровно две пятых румынской армии находились сейчас перед русскими войсками, и «венценосный брат» Фердинанд имел большие возможности для их значительного увеличения. Император повернулся к военному министру генералу Кутепову с вопросом, ответ на который он сам и все присутствующие хорошо знали:

— Какие соединения в ближайшие дни мы сможем перебросить в Бессарабию, Александр Павлович?

— Алексеевская дивизия полностью сосредоточена в Тирасполе. Части 2-й стрелковой дивизии 1-го армейского корпуса перебрасываются из Николаева и Херсона в Одессу, а 1-я дивизия сосредоточивается у Севастополя. Прибытие 2-й Донской казачьей дивизии произойдет не раньше седьмого числа — иначе кони будут измотаны. Гвардейский корпус из одной стрелковой и кавалерийской дивизий будет высажен в Одессе в ближайшие дни. Что касается группы генерала Писарева и Гренадерской дивизии, то на переброску войск потребуется не менее десяти дней.

Генерал Деникин нахмурился, хотя хорошо представлял все трудности, связанные с массовой перевозкой войск. По сути, их можно было вести лишь Черным морем, используя транспорты.

Железные дороги Новороссии и Донецкого района находились в полуразрушенном состоянии. Эшелоны передвигались с трудом, к тому же терзаемые многочисленными бандами, что в невероятном множестве расплодилось в привольной степи за три года междоусобной брани.

В северной Таврии сейчас уже заканчивалась операция по уничтожению так называемой «армии батьки Махно», что терроризировала тылы белых год назад. Банды были не просто разгромлены, а уничтожены, и сейчас проводилась «зачистка» занятой территории от скрывающихся или бежавших повстанцев.

Это означало, что три кавалерийских и четыре казачьих дивизии, а также три пластунских

бригады — целых три конных корпуса — можно было задействовать против румын в самое ближайшее время. Однако переброска войск могла затянуться на неделю, если не больше. Ведь кавалерию придется гнать своим порядком, жалея силы лошадей, а значит, все строго по уставу — два перехода по полсотни верст с последующей дневкой.

Зато с прибытием значительной мобильной силы, а именно таковой является конница, появится возможность начать маневренные боевые действия за Прутом, ибо только сила вынудит Румынию отказаться от захваченного в России.

Только создание таких мощных и подвижных соединений, из конницы, бронемашин, моторизованной пехоты, обильно снабженных пулеметами, наподобие конных армий, сформированных большевиками и прекрасно проявивших себя в походе на Вислу, потребует не только времени, но и даровитых полководцев.

Да-да, именно в них заключается успех действий конницы, в умении и решительности ее начальников. Это Михаил Александрович хорошо знал по прошлой войне с германцам и австрийцами, которая, к сожалению, прекрасно показала всю неспособность начальствующего состава русской кавалерии...

— Господа!

Михаил Александрович оторвался от размышлений и посмотрел на собравшихся за столом генералов. Лица их дышали энергией, они горели закончить войну убедительной победой, а это внушало определенные надежды. Плохо, конечно, что война была не подготовлена заранее, а действия были сплошной импровизацией.

Впрочем, когда это матушка-Россия была хоть раз готова к войне, а в расчетах не присутствовала надежда на пресловутый, но знаменитый русский «авось»?

— План удара двумя крупными конными группировками, расположенными на флангах, предложенный Антоном Ивановичем, мне кажется достаточно перспективным!

Монарх ткнул пальцем в карту, по которой минуту назад ходил карандаш командующего фронтом, пояснявший предлагаемую идею решительного наступления.

— Вот только один вопрос меня тревожит. Кто из наших генералов способен возглавить такие конные группы и с должной решительностью произвести действия, сулящие успех?

Михаил Александрович прямо посмотрел на Деникина, требуя от того прямого и честного ответа. Генерал не стушевался, медленно приподнялся из кресла, его лицо ожесточилось.

— Таких генералов, способных провести это дело, у вашего императорского величества только два, — командующий чуть усмехнулся в бороду. — Оба они в Сибири. Первый граф Келлер, что в ту войну пользовался репутацией первого клинка империи...

— Он сейчас в Омске, — император задумался на секунду. — Хорошо, я немедленно отправлю Федору Артуровичу телеграмму, граф прибудет через семь дней. Даже раньше, ибо можно задействовать аэропланы. Что касается второй кандидатуры...

— Она хорошо известна вашему величеству. Это бывший командующий Кавказской армией при взятии Царицына, барон Врангель. Я отдаю должное его способностям... Несмотря на определенные сложности, имеющиеся быть в наших с ним отношениях. Но он где-то на Амуре, если мне не изменяет память, государь.

Лицо Деникина ожесточилось еще больше, на щеках даже проступили пятна багрянца. Такие слова старому служаке дались очень нелегко, ибо для мужчины всегда трудно признать заслуги своего главного и заклятого соперника.

— Он в Оренбурге, куда направлен две недели тому назад согласно приказу военного министра Сибири Арчегова, для формирования казачьих дивизий. Так что прибудет вместе с графом Келлером!

Михаил с немой благодарностью посмотрел в глаза Деникина, за столь прямую и

неподвластную личным чувствам честность...

Одесса

— Что вы делаете, господа?!

Маша стремительно обернулась на удивленный вскрик — дверь в палату была распахнута. В нее вошли оба флигель-адъютанта с удивленными донельзя лицами, за которыми маячило вытянувшееся от изумления лицо молодого врача с вытаращенными как у камбалы глазами.

— Что вы делаете, господа?!

«Аристократ» снова задал вопрос чуть дрогнувшим голосом — впервые гвардейское хладнокровие дало сбой и на его высокомерном лице проступило нечто человеческое.

Маша решительно шагнула вперед, отметив краем глаза, что муж совершенно не обратил внимания на вошедших и продолжал склоняться над неподвижно лежащим Арчegovым.

— Людвиг Карлович, немедленно прикройте дверь!

Девушка всем естеством осознала, насколько сейчас осложнилась ситуация. Она уже поняла, что отвлекать мужа нельзя ни в коем случае, а потому нельзя давать вошедшим ни одной секунды на раздумья. А муж ведь недаром однажды сказал, что при генеральском рычании нормальный офицер должен немедленно впадать в транс и быть готовым выполнить любое приказание. На том и держится армия, и никак иначе.

— Да прикройте же дверь!

Маша скомандовала резким голосом, да так, что доктор вздрогнул и машинально затворил за собою тяжелую створку. Девушка уже повернулась к «сибиряку».

— Митрофан Прохорович, прошу вас немедленно принести мой несессер, что в коричневом чемодане. И помолчите ради бога, не задавайте лишних вопросов, это государственная тайна и приказ его императорского величества! Выполнять!

Офицер выкатил глаза, но спрашивать ничего не стал — словно одереженевшей куклой он повернулся через левое плечо и чисто машинально бросился выполнять приказ.

— Принесите полотенца с полки и хорошо намочите водою!

Жесткий приказ вывел еще одного мужчину, на этот раз врача, из ступора. Медик очнулся, и, хотя продолжал бросать удивленные взгляды, но молча и споро начал выполнять отданное девушкой распоряжение. Хотя та приказала просто потому, что не знала, чем же ей занять эскулапа.

— А вас, ваше сиятельство, я очень попрошу встать на страже у двери в эту палату — никто сюда не должен входить, кроме вас, доктора и вашего товарища! Никто!

— Почему вы тут взялись мне отдавать приказы, Мария Александровна? По какому праву, позвольте осведомиться?!

С «аристократом» у девушки вышла «осечка», тот сразу же расставил все точки над «і». Однако тут, как нельзя кстати, вошел «сибиряк» и протянул ей знакомый несессер.

Маша быстро раскрыла его и достала две царские фотографии с высочайшими подписями, что вчера произвели на морских офицеров столь неизгладимое впечатление.

— Это право дано нам его императорским величеством!

Она властно протянула карточки офицерам, и на добрую минуту в палате воцарилась мертвая тишина, разрываемая иногда хриплым дыханием, и даже болезненными стонами Фомина.

— Господа, Михаил Александрович вам даст необходимые пояснения, если сочтет их нужными. Я не имею права, ибо эта тайна принадлежит только его императорскому величеству...

Маша почувствовала, что ситуация переломилась в ее пользу — свитские офицеры и врач явно растерялись, прочитав надписи, и теперь требовалось ковать железо пока оно горячо.

— Никто не должен войти сюда, господа!

Она с требовательным вызовом в глазах пристально посмотрела на флигель-адъютантов. Те, как иногда говаривал муж, уже «прониклись».

— Если его императорское величество сочтет ваши действия верными и надлежащими, то в его благоволении вы можете не сомневаться. Если же нет, то немедленно заменит вас другими офицерами, более дисциплинированными и способными к исполнению.

— Вам все ясно?!

От свирепого рычания Фомина Маша и мужчины подскочили на месте. Вид Фомина был страшен — лицо, покрытое прежде багровыми рубцами, смертельно побледнело, по нему текли крупные капли пота. Даже глаза почернели, будто из них вытянули Жизнь.

— Не обращайтесь внимания на погоны, господа, — глаза танкиста ожили и метнули молнии, — я повторяю вам приказ от имени императора! Вся ответственность лежит только на мне! Никто не должен войти сюда, кроме врача, а обо всем увиденном здесь я приказываю молчать и отвечать лишь государю. Это касается и вас, доктор. Будьте рядом поблизости, под страхом ареста я запрещаю вам отлучаться даже домой, пока не прибудет его императорское величество. Вам понятно, господа?

— Так точно!

В один голос отозвались офицеры и с самым мрачным видом переглянулись между собою. Выволочка, полученная от неизвестного, но явно влиятельного офицера, за которым император специально отправил эсминца, их несколько обескуражила.

Не по нраву пришлись и намеки молодой женщины по поводу несения службы, в которых не столь уж и пряталось прямое им оскорбление.

— Выполнять!

— Есть!

На приказ Фомина офицеры четко повернулись и вышли за дверь, закрыв за собою створки. Семен Федотович сумрачно посмотрел на врача, который застыл столпом.

— Идите, доктор, и приготовьте побольше перевязочных материалов. И прикажите подготовить два десятка горячих грелок, их нужно будет постоянно менять...

— Да что вы гово...

— Что нужно, доктор! Раз официальная медицина оказалась бессильной, то я попробую что-нибудь сделать. И не нужно вопросов, сами все увидите. Прошу вас приготовить все требуемое! Идите, доктор! И не мешать нам ни в коем случае, пока не позовем!

Доктор в ответ только кивнул головою и чуть ли не на цыпочках вышел из палаты, затворив за собою дверь.

— Твои и мои пассажи на них не произвели никакого впечатления. Теперь мы у них под арестом, — с кривой ухмылкой произнес Фомин. — И как ни крути, все в выигрыше, что бы ни случилось.

— Почему, Сеня?

— Если Арчegov умрет, то они тут ни при чем, даже врач, который укажет на наше шарлатанское лечение. Если нам удастся его выдернуть, то и тут у них губы в табаке — обеспечили, так сказать. Фотографии, конечно, хорошее дело, но мало ли — вдруг мы самозванцы?! А так под охраной надежнее, а там пусть его величество решает. Думаю, что они уже телеграмму в Тирасполь отправили, отрапортовали...

— Да бог с ними, меня другое беспокоит. Ты сможешь его спасти, Сеня? — Маша спросила чуть дрожащим голосом.

— Я не смогу. Не в моих силах!

— Тогда почему ты тут так рычал! — девушка топнула ножкой. — Зачем представление устроил...

— Успокойся, — Фомин поймал ее руку, сдавил запястье, словно оковами. — Я не устраивал цирка и сказал правду — не в моих силах его спасти в одиночку. Нить нашупал, она еще бьется. Очень тонкая, порвется, если я за нее сильно потяну. Понимаешь?!

— А что ты тогда делал? У тебя вид такой был... Будто устал зело от неподъемной ноши.

— Я частицу своей жизни отдал, больше не мог, там лед Марена сплошной устроила. Не растоплю его!

— Неужели ничего нельзя сделать?!

Машу бросило в жуткое отчаяние, которое обернулось болью. Девушка даже задрожала, словно стала желтым листочком на пронизывающем до костей холодном осеннем ветру. Фомин тут же обхватил ее руками за плечи, погладив по мягким волосам.

— Почему нельзя, родная. Можно...

— Ты же мне сказал, что ничего не сможешь! Солгал?! Сеня, скажи мне правду!

Девушка в одно мгновение вырвалась из крепких рук и требовательно посмотрела мужу в глаза. Тот свой взгляд не отвел в сторону, только на губы наползла странная улыбка.

— Я тебе никогда не буду врать, нет нужды. И я действительно не могу его спасти... — Семен Федотович говорил с той же загадочной улыбкой, только лицо его ожесточилось. Он тихо произнес слова, чуть ли не по слогам. — Зато ты можешь!

— Каким образом?

Удивление девушки было искренним, но муж ничего ей не пояснял, только смотрел с ласковой и печальной улыбкой. Маша прикусила губу, задумалась, но через пару секунд ее лицо прояснилось.

— Мне нужно достать свой оберег. Ведь так? Через него все?

— Да, так. Если ты ему действительно бабушка, а кое-какие сомнения меня до сих пор гнетут, то его можно спасти, если у вас разная кровь и дух, то нет. И его, и себя погубишь. Так что решать только тебе, родная, но я не хотел бы тебя потерять... У меня ведь тоже жизни уже не будет... — Фомин дрожащими пальцами кое-как расстегнул пуговицы воротника, у него перехватило дыхание. Сглотнул, но произнес уже тверже: — Я обещал тебе, а потому не могу соврать. Хотя желал бы...

— Не надо, — мягкая ладошка прикрыла ему рот. — Именно потому я и полюбила тебя, что, если необходимо, ты сможешь сделать. Ты мой мужчина, я тебя никому не отдам. Как я это должна сделать?

— Ляжешь с ним рядом, оберег положишь на лоб, прямо на рану, крепко прижмешь ладонью. Я разожму ему зубы, а ты дыши в него так, будто он утопленник. Это не поцелуй, так что ревновать тебя не буду, — шутка получилась вымученной. Однако Фомин совладал с нервами и продолжил сухо и деловито, как всегда в минуту смертельной опасности.

— Ни о чем не думай, только постарайся представить, что это твой ребенок и ты хочешь вдохнуть в него жизнь. Как дитя в чреве связано пуповиной с матерью, так и ты будешь питать его своей жизнью. Сколько это у тебя заберет лет жизни, я не знаю. Может, год, а то и все десять... Но вряд ли больше. Ты готова заплатить такую цену?

— Это же мой внук, — Маша пожала плечами, — а если нет, то умру рядом с генералом, это так романтично. — Она натянуто улыбнулась. — Так стоит ли беспокоиться о каких-то годах жизни...

— Ты права, вот только я успею переложить тебя на другую койку, дабы радости ему не доставить. И лягу рядом с тобою. Но кое о чем позабочусь заранее, — глаза Фомина замерцали

багровыми сполохами. Он вытащил из кобуры наган, взвел курок и положил на тумбочку. Затем прижал к щекам жены свои ладони, поцеловал ее в лоб.

— Все будет хорошо, только ни о чем не думай и дыши чаще. Тебе вскоре станет холодно, но ты уж держись, лада. Как только ты укрепишь нить, я потяну за нее...

Будапешт

— Ваше высочество! Так что мне передать его императорскому величеству?

Для тайной дипломатии русский царь подобрал, как водится, своего родственника, не только способного выполнить миссию, но еще имеющего связи в прежде враждебной стране.

Пасынок бывшего главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича, герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, еще относительно молодой человек с волевым подбородком и внимательными глазами, с мягкой улыбкой посмотрел на регента Венгерского королевства.

Хорти уже отложил письмо русского царя в сторону, внимательно перечитав его несколько раз. Адмирал задумчиво хмурил брови с абсолютно непроницаемым лицом, на котором во время чтения не проявилось ни одной эмоции.

На самом деле Миклош Хорти испытал такой яростный и ликующий взрыв в душе, что боялся даже заговорить, дабы не проявить предательскую дрожь в голосе.

Это было спасение для его Венгрии!

Если русские разгромят валахов в Молдавии, то ничто не помешает освободить от них Трансильванию. Там просто не будет румынских войск, все перебросят в Бессарабию.

Судя по намекам, в войну неизбежно вступят болгары — царю Борису тоже хочется вернуть обратно Южную Добруджу, оттяпанную после второй балканской войны.

«А как же Трианонские соглашения, что навязали в Версале?» — мелькнула в голове мысль, но Миклош Хорти ее отбросил.

Если бы Венгрия и Болгария начали эту справедливую для них войну в одиночестве, то союзники бы разом ополчились — изначально гибельное дело!

Но ведь воевать стала Россия, сама входившая в Антанту, и от которой союзники оттяпали в пользу соседа ее же земли. А потому получилась очень интересная коллизия — на чью сторону встанут французы? Поддержат румын открытой силою?

Сомнительно, ибо перебросить войска им затруднительно, да и немцы, принявшие большевизм, угроза не только страшная, но и близкая. И с англичанами не все так просто, судя по их заигрываниям с русскими. Кто еще может выступить против его Венгрии, кто решится, таким образом, при помощи возрожденной Российской империи, отменить некоторые, особо унижительные статьи «Трианонского мира»?

Только южный сосед, мнящий себя «Великой Сербией». Но там не все просто — с русскими «братушки» воевать не станут. Потому император и намекает, что новые границы Венгрии могут быть пересмотрены на востоке и севере, но никак не на юге.

«Выбор за тобою, Миклош!» — мысленно сказал самому себе адмирал и решился.

Пусть Западный Банат, переименованный в Воеводину, останется у сербов, ибо позже, когда будут силы, можно будет решить этот больной вопрос. Главное, вернуть Трансильванию при поддержке русских, тем более что за северные границы можно не бояться — чехи с трудом удерживали натиск большевистских полчищ.

«Ведь стоит Чехословакии ослабнуть, так и северные территории можно потребовать обратно за свой нейтралитет в чешско-советской войне. А если большевики все же победят чехов, то уже занять силою и там воевать с красными. При этом помощь русских гарантирована,

и серьезная. Ситуация для нас почти беспроигрышная, кроме одного варианта... А если красные победят и нас, и русских?! Нет, не может быть! Мы справились с ними здесь, и в Карпатах выстоим! Белые за это время сил поднаберут, и сами по большевикам ударят — война между ними неизбежна, вопрос только во времени».

Адмирал собрал всю волю в кулак, ибо принятое сейчас решение могло и возродить Венгрию, как феникс из пепла, но и могло привести к еще более оскорбительному для страны миру.

Хотя куда ж унижительнее нынешнего состояния!

— Ваше высочество, — Хорти заговорил тихим, но твердым голосом, которым когда-то командовал на палубе крейсера, — прошу вас передать его императорскому величеству мое согласие. Наша армия выступит немедленно, когда ваши войска перейдут Прут.

Хорти взял личное послание русского царя, порвал листок и бросил обрывки в пепельницу. Герцог Лейхтенбергский тут же чиркнул спичку, и по бумаге, к нескрываемому удовольствию регента и тайного посланника, заплясали веселые огоньки пламени.

Дело начиналось столь щекотливое, что тут никаких письменных свидетельств не должно было сохраниться. Но разве стоит уподобляться французским адвокатам и английским торгашам, составляя вульгарные бумажонки договоров? Разве нельзя регенту венгерского королевства поверить венценосному «старшему кузену» на благородное слово, которое тот, как известно, никогда не нарушал?

Тирасполь

— Яков Александрович, вы, наверное, сильно удивлены, что частям вверенного вам 1-го армейского корпуса, лучшему из всех благодаря вашим стараниям, не было поставлено боевой задачи?

— Не скрою, государь, это меня сильно волнует. Как я понимаю, моему корпусу вы отвели несколько иные задачи?

Слащев говорил осторожно, искоса поглядывая на генерала Деникина. Только они втроем сейчас находились в кабинете командующего фронтом.

— Вы совершенно правы, — Михаил Александрович улыбнулся. — Дело в том, что болгарский царь не прочь вернуть Южную Добруджу, но нам нужно подтолкнуть эту страну к боевым действиям, на нашей стороне, естественно. А потому с согласия командующего фронтом, здесь присутствующего, вам поручено высадить части корпуса в Варне и при поддержке Черноморского флота двигаться на Констанцу — это чуть ли не единственный у румын приличный порт, куда еще могут прийти транспорты с оружием из Франции. Вот посмотрите...

Слащев мысленно хмыкал, разглядывая карту, по которой монарх уверенно двигал свой карандаш, выполняющий функции указки.

Действительно, если нанести удар с юга, там, где румыны не ждут, да еще отсечь их от побережья, то страна будет фактически поставлена на колени — упорства знакомого противника в войне до последнего патрона и капли крови, данные супостаты никогда не проявляли.

— Против вас и болгар может быть выставлено до пяти пехотных дивизий и одна или две кавалерийские бригады, — воспользовавшись паузой, заговорил генерал Деникин и посмотрел на Слащева. — Ваши две дивизии будут усилены донской казачьей дивизией и бригадой кубанских пластунов. Кроме того, бригаду нашей морской пехоты предполагается высадить в самой Констанце и захватить транспорты с оружием и снаряжением, портовые сооружения и

склады.

— А каковы силы болгар, ваше высокопревосходительство?

— Согласно условиям мира вся их армия мирного времени едва составляет тридцать тысяч человек, то есть три неполные дивизии. Мы считаем, что они их выставят полностью.

— С учетом наших моряков мой корпус сильнее, — Слащев посмотрел на Деникина и спросил: — Антон Иванович, решен ли уже вопрос с единым командованием?

— Оно не нужно, — вместо генерала ответил император. — Болгары занимают только Южную Добруджу и не пойдут ни одним метром дальше. Воевать предстоит только вашим частям, Яков Александрович, а потому самому планировать и командовать.

— Так точно, ваше величество!

Слащев повеселел — находиться под началом кого-либо он не любил. А так все произошло как нельзя лучше — и от командования Деникина избавился, и самостоятельное направление получил.

О чем желать еще более?

А там можно будет посмотреть, кто раньше к Бухаресту выйдет — части Румынского фронта или его корпус.

— Яков Александрович, я понимаю, что румыны как вояки, далеко не австрийцы и тем более не немцы, но у них будет двукратный перевес в силах, а то и больше, если они перебросят резервы. Поэтому стоит отнестись к ним очень серьезно...

— Государь, здесь в Молдавии против наших трех «цветных» дивизий они двинули десять своих. И многих ли при этом успехов достигли? — с простецким лукавством спросил монарха Слащев. — Тем более ими командовать будет не Антон Иванович!

Император с улыбкой посмотрел на генерала Деникина — тот, хотя и оставался спокойным, но было видно, что комплимент от недавнего недоброжелателя пришелся ему явно по душе. Но Антон Иванович делано нахмурил брови и заговорил жестко:

— В резерве у румын только Трансильванская армия из семи или восьми дивизий. Не стоит ее недооценивать, генерал — для вашего корпуса это может обернуться катастрофой.

— Господа, я должен вам открыть один секрет, — мягко произнес император. — Возможно, данная армия не появится ни против вас, Антон Иванович, ни против вас, Яков Александрович, ибо у нее найдется противник, который обязательно вступит в эту войну на нашей стороне...

Генералы переглянулись, сдержав улыбки. Намек на Венгрию, что сама желала свести счеты со своим восточным соседом, не мог их не обрадовать. Одно дело война один на один, но совсем другое, когда против врага складывается сильная коалиция.

— Ваше величество, срочное известие из Одессы! Вы приказали немедленно вам сообщить! Дверь в комнату отворилась, на пороге появился флигель-адъютант с белым листком телеграммы в руке.

— Дайте!

Михаил Александрович посерел лицом, прочитав наклеенные поверх бумаги телеграфные строчки. И тяжело, будто на плечи ему взвалили десятипудовый мешок, встал с кресла.

— Антон Иванович, вы уж сами с Яковым Александровичем обсудите детали предстоящей операции. Я немедленно уезжаю в Одессу. — Михаил Александрович осекся, тяжело вздохнул. — Генерал Арчegov при смерти. Я должен успеть с ним проститься...

Иркутск

Атаман Иркутского казачьего войска генерал-майор Оглоблин закрыл папку с

документами, над которыми работал с самого утра, и тяжело поднялся с жесткого стула с гнутой венской спинкой. Подошел к окну, взглядом старого служаки окинул коновязи — казаки третьей сотни 1-го полка чистили лошадей, никто не слонялся без дела.

И правильно, казак ведь что ребенок — если последнего титькой не занять, то орать будет, а станичник водкой баловаться горазд. У себя дома не попьешь, там работать нужно с зари до заката, а на службе самое дело. Нет, осторожность блюдут, пьяным никого поймать не удалось, в меру потребляют, но глаза шальные да разговорчивы становятся. Не определишь с ходу пьян ли, тверез ли, запашка-то нет.

И он сам, когда на действительную тридцать лет тому назад уходил, уже знал, что чарка-другая казаку не помешает, да чесночком закусить, чтоб сивуху перешибло, а вот третья уже лишняя, недаром ее «окаянной» кличут, ибо редко кто удержаться потом может и не добавить.

Но если сотенный унюхает — либо на гауптвахту в «холодную», и потом на очистку выгребных ям, либо под суд, если что худое натворил. Оттуда только один путь — прямиком в казарму дисциплинарной роты, что рядом с казачьими бок о бок стояла на одной улице — и под приглядом казаков, им же в устрашение.

— Это хорошо, что до будущего лета у нас время имеется. Подготовиться получше к войне успеваем, — пробормотал атаман, продолжая разглядывать казармы.

Здесь, на 1-й казачьей улице нельзя разместить более трех конных сотен, но как раз столько же и входило в состав полка, вместе с пулеметной командой. Четвертую сотню разворачивали лишь в военное время из льготных казаков. В этом было отличие от прежнего порядка, когда каждый кадровый полк был полностью укомплектован и состоял из шести сотен. Вот и вся реорганизация — поделить прежний полк надвое, а из льготного полка 2-й очереди выдернуть две сотни.

Вроде шило на мыло поменяли — сотен столько же, но полков три вместо двух. Но дело в том, что льготу 3-й очереди упразднили, почти целиком переведя казаков в запасной разряд — такое облегчение от службы было встречено станичниками с ликованием.

Еще бы — или двадцать лет царскую службу нести, или пятнадцать — есть разница?!

В самом Иркутске, кроме 1-го полка, в «Красных казармах» неподалеку, расквартировали пластунский батальон с конно-артиллерийской батареей, вполне достаточная сила, чтобы больше не произошло всякого рода «случайностей, вроде „майских“».

Была еще гвардейская сотня, укомплектованная только «природными» казаками, но входила она в состав 1-го лейб-гвардии сводно-казачьего полка, что дислоцировался в Омске.

В мятежном ранее, но уже усмиренном шахтерском Черемхово разместили в новых казармах 2-й Иркутский казачий полк, набранный в большей массе из ангарских бурят — на них революционная агитация совершенно не действовала.

Свершилось то, о чем Оглоблин мечтал все годы — теперь в мирное время иркутское казачество выставляло не одну сотню, как ранее, а десять — семь конных, включая гвардейцев, и три пластунов. И, кроме того, свою артиллерию и четыре пулеметных команды. Целая бригада, если с новыми мерками подходить!

Да и войсковое население увеличилось также на порядок. Почти весь Иркутский уезд чисто казачьим стал, да 2-й отдел ИКВ занял порядочный кусок территории на стыке трех уездов — Нижнеудинского, Балаганского и Черемховского. Вполне приличное получилось войско, равное Амурскому и Уссурийскому, вместе взятым...

Оглоблин медленно шел по натопанной людьми дорожке на Ушаковку. Он взял за правило ходить каждый день на речку, делая и небольшую прогулку и заодно наблюдая за Ниной Юрьевной Арчеговой, что проводила на лавочке на берегу почти все время.

Жена военного министра в самые ближайшие дни должна была разрешиться от бремени, и

казаки, уважая и любя ее мужа, усилили пригляд за женщиной, правда, скрываясь при этом.

Атаман неспешным шагом прошел через кусты и тут же наткнулся на лавку с резной спинкой. А ниже, почти у самой воды, что журчала на покатых камешках, выпятив вперед живот и схватившись за него руками, стояла женщина с подурневшим лицом.

— Нина Юрьевна, что с вами?!

Оглоблин быстро подошел — супруга военного министра подняла на него глаза, полные слез.

— Сердце кольнуло, Прокопий Петрович, — женщина отвечала тихо, с затаенной болью. — Все дни маета, места себе не нахожу. А тут прямо без ножа режет. С Костей что-то случилось...

— Да полноте тебе волноваться, девонька, — Оглоблин по-отцовски погладил ее по плечу. — Если бы что и случилось, то я бы давно узнал — почитай через день с генералом Пепеляевым вижусь, да вчера с Петром Васильевичем долго разговаривали. Нет, ты напрасно тревожилась, на сердцу кручину злую насылая. Ты ведь дите носишь его, зачем попусту малого терзать. Как он там — не буянит?

— Пинает ножками, спать совсем не дает... — пожаловалась женщина с горделивой улыбкой. И тут же охнула, лицо исказила гримаса, и если бы не атаман, то уселась бы на землю — тот ее поддержал и тут же сообразил:

— Это у тебя схватки начались, доченька. Ничего страшного, мы уже давно комнату в околотке подготовили, сейчас мы тебя туда живо доставим, глазом не успеешь моргнуть. — Он повернулся к кустам: — Живо ко мне, казаки!

Комрат

— Нет, это уже не война, а избиение младенцев! — прошептал капитан Григулеску, поглаживая раненное осколком бедро.

Ему откровенно повезло — рана оказалось чистой, не воспалилась, повязку врачи наложили вовремя, и теперь везут в госпиталь на другую сторону Прута, ибо удержать Бессарабию упавшие духом валахи уже не надеялись.

Далеко за спиной еле слышно грохотала раскатами грома артиллерия, там шли ожесточенные бои, в которых русские перемалывали один за другим румынские батальоны.

Дивизия Григулеску была разгромлена самой первой, солдаты разбежались как зайцы, или толпами сдавались в плен.

— Как вы себя чувствуете, месье капитан?

— Довольно хорошо, мой майор, спасибо.

Нацепив на губы улыбку, самым любезным тоном ответил Григулеску, прикрыв глаза.

А сам подумал, что «везет» ему на французских майоров. Теперь с новым едет, месье Жоржем де Ривалем, но уже в тыл — советник при 6-й пехотной дивизии был ранен в плечо, и от греха подальше его отправили в Галац. Там находился офицерский госпиталь, в котором сам Григулеску надеялся отдохнуть от чудовищной усталости последних дней, через которые ожившим кошмаром прошла война.

— Я не понимаю, что происходит, капитан?! Мы прекрасно вооружили и снарядили вашу армию, у вас вдвое больше дивизий, но русские уже заняли половину Бессарабии.

— Никто из нас не представлял, мой майор, что русские окажутся настолько сильным врагом. — Григулеску почувствовал, что багряный румянец стыда коварно залил ему щеки. — Все перемешалось в кашу, не поймешь — где мы, где они. В окопах было намного проще.

Капитан не лукавил — к маневренной войне румыны совершенно не готовились, надеясь, что война будет окопной.

Вот только у русских на этот счет было свое мнение — они наступали дерзко, совершенно не обращая внимания на румынские части, что нависали на флангах.

Все происходило настолько быстро, что никто из начальников не успевал обдумать положение и принять правильные меры. Действительно, не война, а какая-то каша, дикий хаос, к которому русские больше привыкли за три года революций и гражданской войны.

— Хотите выпить, мой майор, — Григулеску вытянул из-за спины кожаный бурдюк, в котором громко булькнуло вино, столь желанное в эту морозящую вечернюю мерзость.

«Больше половины», — машинально отметил капитан, развязывая горловину. Хоть повозка, на которой везли его и француза, была снабжена рессорами, трясло неимоверно, да еще эта грязь, налипавшая на колеса и доведшая лошадей до изнеможения.

Офицерам и раненым было хорошо, они хоть так скверно, но ехали. А вот солдатам охраны приходилось плохо, они кое-как продвигались вперед, с трудом выдирая сапоги из раскисшей под дождем вязкой и маслянистой глины.

Так они и брели, в намокших шинелях, в надвинутых до шеи шапках, да еще навалившись всем телом, толкали телеги, на которых стонали их покалеченные собратья.

— У вас нет стакана? — ужаснулся француз.

— Так ведь трясет так, что любое стекло треснет, — пояснил Григулеску, протянув бурдюк. Жорж его взял двумя руками и осторожно припал к горлышку. Отпил немного, затем еще глотнул, цокнул языком и скривил лицо в брезгливой гримасе.

— У нас такое только клошары пьют, а здесь офицеры!

«Удивительно бестактные люди, которых почему-то самыми вежливыми считают», — подумал капитан, но промолчал. Взял бурдюк у француза обратно и с видимым удовольствием отпил терпкого красного вина, весьма полезного при потере крови.

Ругаться с союзником он не желал, но тот сам нарвался на ссору, вновь проявив, но уже не бестактность, а откровенное хамство, недостойное офицера.

— Этот кожаный мешок со скверным вином яркий пример вашего бескультурья. Потому ваши солдаты трусливы, они впадают в ужас при виде диких казаков и кавказских туземцев. Солдаты, которые бегут от всякого сброда, не могут считаться культурными и храбрыми воинами...

— Ваш Наполеон когда-то сам сходил на Москву, — Григулеску не выдержал и вспылil. — Но оттуда ушел, как говорят русские, «несолоно нахлебавши», бежавши перед этими самыми казаками. И погубил всю «Великую армию», от которой остались одни жалкие ошметки. Сами с ними воюйте, если хотите!

— Не вам нас учить! — недовольно буркнул майор и отвернулся, демонстративно накрыв голову полый шинели. А Григулеску стал рассматривать захолустное сельцо, в которое втягивалась транспортная колонна.

На ночлег в этих грязных и вонючих хатах, с прогнившими соломенными крышами, полных тараканов и зловредных клопов, останавливаться не собирались.

До полуночи было еще полчаса, как раз, чтобы добраться до более приличного ночлега в предместье богатого торгового города, что находился почти рядом с этим пристанищем бессарабских нищенствующих хлеборобов. Потому капитан тоже накрылся шинелью и попытался уснуть, мечтая о том, как прикажет себе зажарить целую курицу.

Однако накатившая было дремота слетела с него мгновенно — со всех сторон грянули выстрелы и раздались крики смертельно напуганных солдат, кричавших лишь одно слово, но такое, что бросило сразу в липкий ужас.

— Казаки!!!

РЕКВИЕМ БУДУЩЕМУ

*Кругобайкальская железная дорога
(23 декабря 1997 года)*

— И-е! Сан байну, однахо!

Трескучий голос раздался откуда-то извне черепной коробки.

Константин открыл глаза: перед ним в отблесках костра сидел Цыренджап, тот самый бурят, который подрядился лечить его истерзанное тело тогда, в далеком конце далекого двадцатого века.

— Ты откуда здесь? — еле прохрипел Константин.

Мысли с трудом ворочались в вязком содержимом головы. Казалось, их хаотичное броуновское движение не поддавалось никаким законам логики, однако...

— Тв-в-вою мать...

Константин попытался с трудом приподняться на локтях, но тело осталось непослушным, и он с трудом простонал:

— Сколько я был в отключке?

— А сам как думаешь?

Бурят прищурился, от чего его и без того узкие глаза превратились совсем в щелочки, и засмеялся, только вот его смех походил скорее на булькающее карканье.

— Нечем мне думать! Голова не моя... — вяло огрызнулся Константин. — Ты можешь нормально ответить, а не как еврей — вопросом на вопрос?

— О-о-о! — Цыренджап пустил густую струю табачного дыма, любуясь кольцами. — Для кого-то жизнь — это мгновение, а для кого-то... — Он пустил еще одно кольцо и принялся внимательно наблюдать, как оно начало таять, поднимаясь вверх.

— Чего замолчал? — Константин, все-таки собравшись с силами, смог полусидя пристроиться спиной к скальной стене, устремившейся в темное ночное небо и терявшей в вышине за границей отблесков костра.

— Ай-яй-яй! Я скажи... Я сделай... — Цыренджап, словно китайский болванчик, закачал из стороны в сторону головой. — А своя голова зачем дана?

Он снял донельзя затасканную цигейковую солдатскую шапку и демонстративно постучал по пепельно-серой, словно собачьего окраса соль с перцем, седой голове:

— Головой думать надо! Шибко думать, чтобы потом как шатун не бродить! И-е! — Он махнул рукой. — Зачем тебе мои слова? На коне едешь и коня ищешь!

— Погоди, погоди... — Константин нахмурился. — Скажи мне по-человечески: ничего не было?

— Что было, то было! Что будет, то еще не предопределено! — бурят пожал плечами. — А может быть, предопределено, но не нам об этом знать!

— Послушай! — Константин начал медленно закипать от этой всей бредовщины. — Я сейчас встану и шею тебе сверну, Заратустра чертов! Хватит мне мозги вымораживать!

Цыренджап засопел, поежился, глубже кутаясь в свой безразмерный бушлат. Константин тоже откинулся головой на каменную твердь: вспышка гнева отняла последние силы.

Какое-то время молчали: бурят ковырял носком кирзового сапога грязный снег, а Константин, полуприкрыв глаза, сквозь ресницы наблюдал за догорающим костром.

Удивительно, но холода он не чувствовал. Тело не ныло, не болело, не саднило — ничего, словно разум существовал отдельно от брэнной плоти.

«Значит, ничего не было!»

Тягостная мысль, будто зажеванное на видеокассете место, подобно дергающейся на экране картинке, монотонно билась в голове.

«...А для кого-то — мгновение — жизнь... За одно мгновение я смог прожить немного жизни другого человека...»

Медленно, словно через вату, до него донеслось мычание: Цыренджап, как ни в чем не бывало, прочищал свою потемневшую от времени и отполированную, несомненно, руками не одного поколения курильщиков трубку и что-то еле уловимо напевал.

Вслушавшись, Константин опешил — мелодию из «Семнадцати мгновений весны» он вряд ли мог бы с чем-нибудь спутать.

«Свистят они как пули у виска...»

В голове ощутимо зазвенел раскалившийся металлический болт, нахлынувшие последние воспоминания едва не взорвали мозг, а ноздри явственно уловили ни с чем не сравнимый кислый пороховой запах.

«Ни фиги себе, глюки! У меня же пуля в голове!»

— Цырен! — он почти закричал, до боли зажмурился, аж до ломоты в глазах, тряхнул головой, и адский звон прошел. — Верни меня обратно!!!

Бурят от неожиданности крикнул, рука с горстью табака остановилась на полпути к трубке: — Ты, однахо, шутник!

Цыренджап мелко захихикал, опустив голову. Только сухонькие плечи в здоровенном бушлате едва заметно подрагивали, да морщинистая кожа, словно у ящерицы, на горле тряслась в такт голове.

— Я тебе что, таксист? Заплатил и поехал? Ты мне в тот раз не поверил? Не поверил! Плохую жертву принес? Принес! Мало водки принес? Принес! — Он загибал пальцы.

— Да ладно, ладно! — Константин примирительно поднял вверх ладони. — Ну прости меня, я был неправ! Мне туда надо, понимаешь, очень надо!

— А ты думаешь, извинился, Цыренджап поворчал-поворчал, потом туда-сюда побрызгал, и... — Он хлопнул в ладоши. — Бурхан расщедрится, однахо, и будет тебе полная миска урмэ?

Бурят причмокнул, словно ощутив на губах давнишний сладковатый привкус сушеных молочных пенок, лучшего угощения, которое в детстве готовила его бабушка.

— Нет! — Он рубанул сухощавой ладонью по воздуху. — Раз ты оттуда вернулся, значит, такова твоя судьба!

— Н-но... — Константин ощутил разливающийся в груди лед. — Я не могу сюда вернуться! У меня там...

В голове мгновенно пронеслись чередой лица: Михаил, Колчак, Фомин, Вологодский, Троцкий, другие, и знакомые, и виденные мельком, но оставшиеся в памяти, — генералы, офицеры, казаки, белые, красные, мужчины, женщины, дети, грустные и радостные, счастливые и несчастные, многие, из которых теперь уже связаны навсегда своей судьбой с ним и новой Россией.

Но, самое главное, там осталась жена, не родившийся еще ребенок... И даже собравшись, он осмелился сам для себя допустить мысль о том, что у него есть еще нечто, главнее семьи — долг перед Россией и, что тяжелее всего, перед самим собой.

— Плохо, да? — голос бурята заставил вернуться к еще до конца не принятой реальности. — А ты как хотел? Если какую душу эрлик ухватит, то до конца уже не отпустит, мучить будет!

— В смысле?

— Ну, ты тогда хотел шибко поменять свою жизнь, вот твоя душа и рвалась, металась,

словно птица, выпущенная из клетки! А эрлик, он хитрый, он поджидает такие глупые души, ловит их и терзает себе на забаву! А может, если захочет, в другого глупца эту душу поселить, чтоб еще хуже стало! Он такой, вредит человеку, как может!

Константин криво усмехнулся: куда уж хуже! Он-то считал, что его перемещение в девятнадцатый год — Божественный промысел, единственный шанс, данный ему и России, а тут — козни зловредного мелкого бурятского духа!

А бурят только подлил масла в огонь:

— Ты, того, сам виноват! Зачем думать плохо, делать плохо? Лама тебе бы сказал: «Карма есть карма!» Судьбу не переделаешь!

— Ну ты совсем фаталист! — Константин громко выдохнул. — Нет! Пусть судьба наша нам и не известна, но просто так плыть по течению я не хочу! Знаешь что плышет и не тонет?

Бурят, открыв было рот для ответа, так и не произнес ни слова, уставившись вдаль немигающим взглядом, а Константин горячечно продолжал:

— Нет, я никогда не надеялся на судьбу! Я никогда не подстраивался и не прогибался! Раз мне был дан один шанс, будет и другой! Есть туда вход, и я его найду, даже и во второй раз!

Цыренджап пожевал губами и сморщился:

— Ты, однахо, горяч, как мой старый мерин, которого паук под хвост укусил! Много говоришь! Громко говоришь! Глупо говоришь! — Бурят устало покачал головой. — Зачем зря говорить ненужные слова и делать ненужные дела? Сколько ни ругай старую шубу, она теплее не станет!

— Тогда зачем? — Константин взмолился. — Зачем все это произошло? Какого черта? Зачем все это нужно было? Какого черта, я спрашиваю!!!

— Зачем шорта вспомнил? — Цырен безразлично пожал плечами. — Тебе мало эрлика, так еще и своего шорта зовешь? Однахо глупый ты, совсем глупый! В эрлика не верил, так он над тобой подшутил, шибко зло подшутил! Теперь своего шорта ругаешь! Хочешь, чтобы и он тебя проучил?

— Тебе-то чего до моего черта? Ты же не христианин!

Рука, повинувшись охватившему странному чувству, сама поднялась совершить крестное знамение, от которого стало хоть чуточку, но легче на душе.

Бурят же, поцокав языком, подбросил пару поленьев в совсем угасший костер, и пламя, получив новую порцию топлива, весело затрещало, карабкаясь по смолистой сосновой коре.

— Вон, видишь, горит костер? — Он протянул озябшие руки к теплу. — Много бросишь дров — будет шибко жарко, но и сгорит все быстро. Мало бросишь — замерзнешь, а дрова останутся!

— Ты к чему это?

— Живи так, чтобы и не обжечься, и не замерзнуть! Путей в гору много, но вершина — одна! Ты, — Цыренджап ткнул пальцем с желтым потрескавшимся ногтем в Константина, — свою первую жизнь быстро прожил! А теперь и эту быстро прожить хочешь?

— Я жил как мог...

— И чего нажил? — Бурят растянул сухие губы в подобие улыбки. — Хаамган твоя к другому ушла! Ни денег, ни дома, ни власти не нажил!

— И сейчас наживать не буду! — отрезал Константин. — Пока есть силы, буду как та лягушка барахтаться в молоке!

— И-е! Лягушка! — Цыренджап всплеснул руками. — Тьфу! Придумай-ка получше! Та лягушка еще глупее тебя!

— Почему?

— Потому, что она из последних сил взбила масло, а ее выкинули потом, даром что не

прихлопнули! — Он постучал трубкой, выбивая остатки табака и пепел. — Так и тебя, понял ты еще или нет, выкинули, когда ты взбил там масло!

— Н-нет... — неуверенно протянул Константин. — Меня не могли выбросить! Нет!

— А как же ты тогда тут снова оказался?

Вопрос, что называется, в лоб пригвоздил Константина к месту. А ведь бурят прав! Его отверг тот мир, и ему нечего уже делать в этом! А тогда... Он решился:

— Цырен, уходи! Совсем уходи! Я остаюсь...

* * *

Цыренджап сидел напротив него и потихоньку постукивал в бубен. Периодически он откладывал бубен и брал странную трещотку, которая, крутясь, издавала противные визгливые звуки.

— Хура, хура, хура!

Почти догоревшая сухая ветка, скорее всего, судя по запаху, можжевельника, погасла, и тонкая струйка белого дыма взвилась в небо, потревоженная очередным движением бубна.

Внешне облачение бурята не изменилось: тот же здоровенный железнодорожный бушлат и шапка, добавилось только круглое зеркальце, висящее на шее и неуловимо-посерьезневшее бесстрастное выражение лица.

Полуприкрытые глаза почти погрузившегося в транс бурята изредка широко распахивались, однако осмысленным его взгляд можно было уже назвать с трудом.

Непонятно было, то ли отблески костра мерцают в его зрачках, то ли они сами горят огнем одержимости.

Он зажмурился от блеснувшего зайчиком в багровых отблесках зеркала, страшась там хоть мельком увидеть свое прошлое лицо, то, которое он порядком уже успел подзабыть, словно дурной сон.

Бурят монотонно стучал в бубен, покачиваясь из стороны в сторону, а Константин предусмотрительно помалкивал, стараясь как можно сильнее проникнуться происходящим.

«Только бы получилось! Только бы получилось! Все отдам, если получится!»

Цыренджап внезапно прекратил монотонное биение в бубен, перемежаемое трещоткой и бормотанием. Из-за спины он вытянул сумку, похожую на подобие вещмешка или, скорее всего, котомки, и начал целеустремленно рыться там, бренча и позвякивая.

Он достал и поставил перед собой четыре пустые почерневшие деревянные чашки, в которые по порядку налил из пол-литровой бутылки из-под «Колы» прозрачную жидкость, скорее всего водку. Из такой же бутылочки налил во вторую молока. В третью плеснул забеленного чая из маленького выдавшего виды цветастого китайского термоса с лопнувшей крышкой.

В каждую наполненную чашку положил по тускло блеснувшей металлической ложечке. Четвертую чашку аккуратно, словно она была сделана из тончайшего хрупкого фарфора или хрусталя, поставил перед собой.

Константин, стараясь не потерять сосредоточенности, краем глаза отметил, что бурят наливает в пустую чашку по чайной ложке из остальных в одном ему ведомом порядке.

Когда чашка почти наполнилась, он с трудом встал, покачиваясь, протянул ее Константину:

— Брызгай!

— Куда? — охрипшим от волнения голосом прошептал Константин.

— Туда! — бурят кивнул в неопределенном направлении. — Туда, откуда пришел!

В замешательстве Константин застыл с чашкой в руках. Куда брызгать? Ища помощи, он посмотрел на Цыренджапа, но тот, уже вернувшись на свое место, снова погрузился в камлание.

«Куда ее брызгать?»

Он лихорадочно искал ответ, понимая, что просто вылить ее на землю он не имеет права.

«Откуда пришел...»

Внезапная догадка озарила его, и Константин, морщась, почти залпом, в три приема выпил ее.

«Как там дедуля Фрейд говаривал? Все наши проблемы от нашего либидо? Или от альтер эго? Или не Фрейд?»

Идиотская веселость от почти мгновенного опьянения, внезапно сменившая глухую тревогу и напряженность, также быстро улетучилась, разум наполнился звенящей пустотой.

— Эх хайрнхай!

Резкий гортанный выкрик бурята заставил встрепнуться. Цыренджап кружил вокруг костра, оставляя Константина внутри своеобразного кольца, и из утопанной уже дорожки следов, и из сначала показавшегося ему, но затем проступавшего все сильнее, словно светящегося, уходящего к небу огромного столба еле видимого мерцания, переплетаемого вполне осязаемыми звуками бубна.

— Урагшаа бурхан зайлуул!

Он громко стукнул в еще продолжавший гудеть бубен и воздел руки к небу. Светящийся столб начал расширяться и постепенно заполнил пространство, поглощая собой все вокруг.

Константин с радостным чувством, грозящим сорваться в восторг, боялся пошевелиться, хотя кончики пальцев буквально покалывало от нетерпения потрогать на ощупь дивный, словно тончайшая вуаль серебристый свет.

— Иди!

Голос Цыренджапа глухо раздавался откуда-то издали, словно из-под воды.

— Куда?

Глупый вопрос, разрешения которого он сейчас так страстно желал, поставил его в тупик.

— Туда! — бурят вытащил из небольшого кожаного мешочка костяную фигурку коня, почти неразличимую под яркой связкой перьев, перемотанных цветными нитками, и осторожно положил ее перед костром на ярко-красную тряпицу. — Морин Зааян Буудал онгон проводит тебя!

Цыренджап торжествующе поднял руки вверх и потряс бубном.

Б-б-бум! Он обернулся вокруг себя. Б-б-бум! Он обернулся еще и еще раз.

Б-б-бум! На этот раз Константин услышал не удар бубна, а стук своего сердца.

Бум! Бум! Бум! Сердце замедляло темп, и грудь сдавило от нехватки воздуха. Бум! Сердце стукнуло в последний раз и остановилось.

Он внезапно погрузился в полнейшую темноту, словно разом перегорели все лампочки, или какой-то шутник вырубил пробки. Верх и низ утратили свое расположение, и Константин завис в пугающей пустоте.

Еле уловимый гул внезапно перерос в оглушительный грохот копыт, и он, подхваченный могучим вихрем, понесся вслед за безумным невидимым конем.

Удивительное ощущение бешеной скачки с завязанными глазами, когда все несуществующее тело и разум, чувствуя мощь и напор, погружено в беспросветный мрак,хватило его, и Константин полностью отдался этому чувству.

Внезапно яркие сполохи, словно картинки в детском калейдоскопе, завертелись, заполняя собой все пространство.

Жуткие голоса визжали, вопили, завывали на разные лады:

«Назови себя!»

Константин подавил желание потрясти головой, отгоняя наваждение:

«Как и в прошлый раз! Кто же я? Арчegov или Ермаков? Я уже не Ермаков, я не хочу им быть! Я — Арчegov! Я — настоящий Арчegov! Не тот, что сгорел от пьянки в стылом вагоне бронепоезда в Слюдянке, а настоящий, который хочет жить, которого ждет жизнь, война и любовь!»

Голоса, не унимаясь, терзали разум:

«Назови имя!»

«Я — Арчegov Константин Иванович, генерал-адъютант, военный министр Сибирского правительства!»

Арчegov закричал так, что, казалось, заглушил и бесчисленный легион визжащих демонов, и свист одержимой скачки, и стук собственного сердца, которое снова бешено бухало, норовя разорвать ему грудь и разнести вдребезги виски.

— Ты больше не сможешь вернуться...

Еле уловимый, на пределе человеческого слуха, голос Цыренджапа едва пробился в его разум, но не сумев там задержаться даже на долю секунды, растаял.

Собравшись в одну огненную точку, вся какофония звуков, словно железные опилки, попавшие в поле магнита, метнулась куда-то вглубь черепной коробки.

Собравшись в маленький кусочек металла, они стремительно пробили изнутри отверстие во лбу, уносясь наружу, а разум и все его существо заполнил яркий белый свет, уходящий вдали в горячую пульсирующую точку.

Свет! Константин его отчетливо видел и понял, что ему нужно любой ценою добраться туда, ибо там открыта дорога из мрака, и он рванулся что было сил...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И СЕРДЦУ ТРЕВОЖНО В ГРУДИ...

(6 октября 1920 года)

Комрат

— Казаки!!!

Вопли потрясли Григулеску до глубины души, медлить было смертельно опасно. Капитан отбросил в сторону мокрую шинель и, забыв про ранение, лихо выпрыгнул из повозки.

— Засада!

— Обошли!

— Все пропало!

— Спасайтесь!!!

Офицер за эти дни уже привык к подобным сценам и не так нервничал, как в первый раз. И хотя в охранение обозов ставили пожилых и трусоватых, негодных к боевым действиям в поле солдат, был шанс пресечь панику пока еще в зародыше.

— Да стойте же, идиоты!

Солдаты прямо на глазах молниеносно превращались в очумевшее от животного ужаса стадо. Капитан Григулеску, сжимая в руке «браунинг», метался между ними, щедро наделяя тычками и ударами. Вот только бесполезное было это занятие — страх перед врагом оказался намного сильнее наказания за бегство с поля боя.

— Да остановись ты! Застрелю!

Офицер ощерил зубы, схватив за плечо молодого пулеметчика с искаженным лицом и округлившимися до невозможности глазами, подернутыми белой пленкой панического отчаяния. Но свой «шош» солдат не бросил, а это внушало определенные надежды.

— Казаки!

— Казаки!!!

Отчаянные крики еще больше раззадорили разбегающихся румынских солдат — впитавшееся в кровь с материнским молоком, с вековых времен знакомое слово моментально вышибло из мозгов все мысли, включив здоровый инстинкт самосохранения, который помог румынам пережить несколько столетий османского владычества.

— Какие казаки?! — взвыл Григулеску. — Откуда они взялись за добрую сотню верст от Бендер?

Румынская армия, разорванная надвое стремительным русским наступлением, настолько живо откатывалась к Пруту, что вряд ли враг смог бы успеть организовать преследование кавалерией. Возможно, с той стороны в село вошел конный разъезд из десятка всадников, но это не великая угроза, ведь в сопровождении обоза шла целая рота.

— Держи из «шоша» улицу, если появятся верховые, режь их из пулемета, — отдав приказ, капитан стал вслушиваться в звуки перестрелки.

Ночной бой всегда страшен для неумелых и необученных толком солдат, что как раз и были под рукою. Григулеску остановился, отдышался немного — сердце перестало колотиться бешеным перестуком.

— Казаки!

Вопли снова резанули ночную темноту, но в них теперь слышалась не истерика, а предсмертный ужас, от которого стынет кровь в жилах. Так кричат, когда видят смерть,

опускавшуюся на голову серебристой молнией острого клинка.

Григулеску похолодел, почувствовав, как волосы встают на голове дыбом — сквозь суматошную стрельбу он расслышал drobный цокот копыт, слитный — многих десятков, если не сотен лошадей.

— Пулемет к бою! — Во все горло закричал капитан и обернулся. Команда канула в пустоту — «шош» лежал на повозке, а солдата и след простыл. Француз уже сидел, очумело вертя головою.

— Месье майор, нужно спастись!

— Зачем, капитан?! Русские наши союзники, мы с ними вместе воевали против бошей. Они меня даже в плен брать не будут, а хорошее вино предложат, а не ваше пойло. Ибо мы не воюем, а дружим!

Григулеску взвыл — второй французский майор оказался таким же напыщенным болваном, что и первый. Убеждать его в обратном уже не было времени — цокот копыт разносился совсем рядом, и капитан стремглав кинулся за глинобитную стенку какого-то сарая.

В глубине виднелся дом, и офицер бросился к нему, надеясь, что там его спрячут в каком-нибудь подвале либо на чердаке, под стропилами.

— Ай!!!

Глина под ногами ушла вниз, в ноздри ударил вонючий запах разложившейся падали, а тело накрыла холодная жижа. Григулеску понял, что в темноте он не разглядел выгребной ямы и с разбега угодил прямиком в ее зловонное нутро.

— Да что же это...

Ноги нащупали твердь, но жижа поглотила его по самую шею. Капитан посмотрел вверх, на облака, подсвеченные луною. Края ямы возвышались над ним в добром метре, а то и более — вылезти без посторонней помощи оказалось невозможным.

— Каза...

Выкрик оборвался на пронзительной ноте, и офицер понял, что еще один солдат расстался с жизнью. Позыв призвать на помощь тут же застрял в горле комом — умирать капитан не хотел категорически. Теперь яма, ставшая поначалу ловушкой, показалась ему достаточно укромным и желанным местом, чтобы здесь хорошо спрятаться. И зловоние уже совершенно не ощущалось, выдавленное из души более сильным страхом.

— Никита! Возьми Степу и Кеху — осмотри двор. И смотри у меня, все проверь, а то есаул голову снимет! Да ямы выгребные не забудь, они в них любят прятаться!

— Сделаю, господин урядник, всех тварей исколем!

В ответ раздался веселый голос чуть пьяного человека, ибо бой зачастую хмелит лучше вина, и тут же послышался громкий лязг шашки, вынимаемой из ножен.

Григулеску похолодел, хотя казалось, что замерзнуть более уже нельзя. Теперь он знал, что спасения спрятавшимся солдатам не будет — казаки истыкают клинками солому и сено, пройдутся гребенкой по овинам и амбарам, заглянут везде — и сюда тоже.

Он словно наяву увидел острие пики, что с хрустом вошло в его грудь, приколов к земляной стенке, как жука булавкой. И моментально стало горячо, ему даже показалось, что в любой парной и то меньше жара.

В панике он разбросил руки, словно подраненная птица, и случайно ухватился ладонью за сноп камышовых будыльев, что нерадивый хозяин бросил в яму за ненадобностью.

И задохнулся от радости — то было спасение!

— Врешь, меня не найдешь, — прошептал капитан, сноровисто и почти без звука отломав довольно длинную трубку.

Подул в нее — так и есть, старая, потому и выбросили, но для него сущая находка, ибо

дышать через нее можно. Он взял конец трубки в зубы и поднырнул под вязанку камышей, стараясь устроиться под ними так, чтобы трубка не торчала, а легла рядом с остальными будылями.

Теперь нужно было долго и неподвижно лежать, не обращая внимания на начавший терзать тело холод. Это можно было и перетерпеть — жизнь она намного дороже...

Одесса

— Твою мать!

Фомин уселся на полу, охватив дрожащими руками плечи — его прямо терзал холод, зубы выбивали чечетку и грозили рассыпаться в крошку. Как он ненавидел такие минуты, когда ослабевшее тело, отдав жизненное тепло, превращается в совершенную ледышку.

Но такова оборотная сторона любого чародейства или волхования, это только святые чудотворцы могли творить добро, не замечая изнанки. Впрочем, колдунам и прочим ведьмакам, нечестивцам всех мастей, действующих черной магией, плата назначалась намного дороже. И не телом, которое становилось вот таким ватым и беспомощным, а бессмертной душой, что намного хуже...

Семен Федотович оперся руками на пол и медленно встал на ноги, покачиваясь. И первым делом обошел кровать и коснулся ладонью щеки жены, что продолжала крепко обнимать Арчегова, прижавшись к нему всем телом и намертво держа ладонь на его лбу.

— Твою мать!

Ругательство повторно само сорвалось с его губ — Машенька превратилась чуть ли не в ледяную скульптуру. Не имея опыта в таких делах, как он, жена практически отдала все свои жизненные силы смертельно раненному генералу, своему собственному внуку.

Фомин прижал палец к тонкому запястью и после долгих поисков нашел пульсирующую жилку — та еле билась. Семен Федотович почувствовал, как волосы на голове встают дыбом, он до жути испугался за жену — потерять свою любовь и жизнь!

— Что же ты с собою натворила, девочка моя?!

Кряхтя и охая, цепляясь за стену, Семен Федотович добрался до двери и навалился на нее всем телом. От толчка та отворилась настежь, и Фомин упал бы, но его подхватили крепкие руки «сибиряка», который, тут можно было не гадать, занимался самым вульгарным подслушиванием, делом безусловно недостойным для офицера, но полезным и важным при его должности и полученным приказам.

— Маше грелок... горячих... больше... Мне выпить! Водки или коньяку. Стакан...

Фомин в несколько приемов, с невероятным трудом выдавил из себя слова и с усмешкой поглядел, как из соседней двери выскочил «аристократ» с заспанным лицом и расстегнутым кителем, под которым виднелась белоснежная сорочка. Затем появился и ординатор Краузе — судя по измятому лицу, немец дрых самым беззастенчивым образом.

И процесс пошел — все трое сразу засуетились, забегали, вдавив Семена Федотовича обратно в палату, устроив его в мягкое кресло и сунув в руки чайную чашку с неплохим коньяком, хорошего средства для помятости лиц.

Машеньку офицеры бережно подняли и перенесли на соседнюю кровать как драгоценную ношу. А вот Арчегова они даже не тронули, очумело поглядывая на чуть порозовевшее лицо генерал-адъютанта, что дышал уже слышно и ровно, чуть ли не подхрапывал — такое ощущение, что человек просто уснул и видит сейчас десятый сон.

Флигель-адъютанты хорошо помнили отданный им вчера приказ, а потому посторонних в комнате не было.

Вскоре появился пыхтящий как паровоз доктор, нагруженный подобно библейскому ослу грелками. Первым делом эскулап аккуратно, как свойственно всем педантичным немцам, обложил ими молодую женщину со всех сторон, бережно накрыв одеялом, затем посчитал пульс, сокрушенно вздыхая и недоуменно посматривая на Фомина. И лишь после этого направился к Арчегову.

— Майн Готт!

Ликующий выкрик врача пронесся смерчем по небольшой комнате — от возбуждения Краузе подпрыгивал на месте, размахивая руками, как обезьяна в зоопарке, потеряв разом всю пресловутую нордическую выдержку. Его словно вырубленное из полена лошадиное лицо осветилось прямо-таки неземным счастьем.

— Они не пожелали лечить генерала, опасаясь за свою репутацию, они доктора! Фи... А я, простой ординатор, смог сотворить это чудо! Мое лечение принесло успех, кризис миновал!

Фомин отвесил челюсть, пораженный столь наглым и безапелляционным заявлением. Офицеры были ошарашены не меньше его, впад в столбняк. Но, в отличие от Семена Федотовича, у них имелись силы, и первым опомнился «сибиряк».

— Помилуйте, что вы говорите?! От вашего лечения генерал загибался, как березка в бурю, вы же сами про агонию говорили! А теперь себя его спасителем выставляете?! Чуть ли не святым чудотворцем?! Побойтесь Бога, доктор! Это сделали они...

— А каким образом? — совершенно искренне взвился немец. — У герра Ермакова с собою не имелось никаких лекарств и снадобий! Как он мог без них излечить его высокопревосходительство?!

— Каким! — не выдержал Фомин. — В первую очередь лечат душу, а тело вторично. Ибо дух способен перебороть любую болезнь и боль, именно только он и творит чудеса...

— Душа есть производное человеческих желаний, — высокомерно отрезал Краузе. — Профессор Фрейд давно доказал, что в ее основе лежит либидо, или удовлетворение физиологических желаний! Кои и двигают человека на свершение...

— Ты хочешь сказать, немецкая твоя морда, что мы животы свои на поле брани кладем за облегчение фаллоса, для нас важнее бабью норку отыскать, а не присягу исполнить?!

Флигель-адъютант взорвался раньше, чем Фомин успел открыть рот для отповеди. Князь сграбастал ординатора за халат и рывком подтащил его к постели Маши.

— Ты на эту девочку глянь, морда твоя тевтонская! Она за ночь одну поседела, так только на войне бывает! Или тебе неведомо, чернильная твоя душа, что только женская молитва, горячая и искренняя, способна от неотвратимой смерти излечить воина раненого?!

Все повернули головы, впившись взглядами в прелестную голову спящей молодой женщины. Только сейчас Семен Федотович увидел, что одна прядь стала совсем седой, выдаваясь неестественной белизной на вороненом блестящем фоне...

Берлин

— Товарищ Троцкий, я считаю, что необходимо повернуть 1-ю Конную армию на Лейпциг, — командующий Западным фронтом Тухачевский смотрел шальными глазами, молодое лицо лучилось энергией, а короткие шляхетские усы топорщились злой щеткой непреодолимого упорства.

— Изъять ее у Юго-Западного фронта и передать ее вам? — Лев Давыдович с интересом посмотрел на командзапа.

— Да. У товарища Егорова она сейчас стоит во втором эшелоне, отведенная на отдых. И пока красноармейцы не прорвут оборону чехов в Карпатах, ввести в прорыв конную массу

невозможно. Но зато 12 тысяч отборных клинков действительно нужны именно здесь, товарищ Троцкий.

— Кхм...

Лев Давыдович дернул себя за бородку, потом погладил ее ладонью, напряженно раздумывая.

В предложении Тухачевского имелась рациональная сторона, которая легко объяснялась — стремительное движение к Берлину обескровило армии его фронта, и их требовалось немедленно усилить, влив маршевые роты.

Вот только взять данные пополнения пока было негде, с Москвы помощи не было, да и далеко она. Германские части Красной армии еще только формировались, нужно было время, по меньшей мере полмесяца, чтобы довести их до готовности.

— Если мы затащим перегруппировку, то наши враги опомнятся и начнут собираться с силами. Мы должны немедленно перейти в самое решительное наступление, хотя бы только одной конницей. И вслед за ней подтягивать пехоту...

— Я вас понял, товарищ Тухачевский!

Троцкий стремительно прошелся по роскошному кабинету, в котором раньше заседал канцлер германской империи, а ныне он — «первый маршал революции», остановился напротив Тухачевского и вытянул вперед руку, чуть ли не ткнув того пальцем.

— Если мы задействуем 1-ю Конную армию Буденного на вашем фронте, то когда Егоров прорвет чехов, ему будет нечего ввести в глубокий прорыв, на Будапешт и на Вену! Там нас ждут с нетерпением, там тлеют угли революционного пожара!

— Наступление по расходящимся направлениям губительно, ибо распыляет силы. Это удар не кулаком, а растопыренными пальцами — и мощи не будет, и самому больно, — съязвил командзап и горделиво вскинул подбородок, сверкая упрямыми глазами. И продолжил говорить с яростным напором, чуть ли не вскидывая кулак:

— Судьба мировой пролетарской революции решается на берегах промышленного Рейна, а не на Дунае, где, как я помню из учебного курса еще с училищных времен, ничего, кроме винограда, нет. За Рейном Франция — а это не чета итальянцам, с которыми мы потом легко справимся. Нужно объединить усилия двух фронтов, товарищ Троцкий!

— Я понимаю... — после небольшой паузы отозвался Лев Давыдович. Его память неожиданно припомнила знакомую с детства мудрость, насчет двух зайцев, за которыми не стоит гнаться.

Действительно — сейчас они в том положении, что нужно выбирать только одно направление — либо идти на Рейн и Париж, либо на Дунай и Вену с Будапештом. Что значимей для мировой революции, не стоило объяснять, и так ясно.

— Товарищ Троцкий, нельзя терять времени! Чем дальше мы будем продвигаться на запад, тем бешеней станет сопротивление буржуазии. Но чем быстрее мы начнем свое продвижение, тем меньше дадим им времени на подготовку!

Тухачевский сложил руки на груди, требовательно сверля глазами председателя РВС.

— Что вы еще предложите, Михаил Николаевич, кроме передачи конницы Буденного вам?!

— Мы должны немедленно начать реквизиции автомобилей, посадить на них пехоту и придать конным дивизиям. И еще — чем быстрее германские рабочие начнут изготавливать оружие и снаряжение, тем быстрее части германских красноармейцев сменят наших уставших бойцов.

— Я еще до парада распорядился и потребовал у немецких товарищей ускорить данные меры, как только возможно. Ибо вести из Москвы далеко, да и не осталось у нас военных запасов, кроме тех, что сибиряки передали. А для войны потребуется много чего.

— Нужны бронеавтомобили и танки, товарищ Троцкий. Очень нужны, но их в Германии не производят. Кроме десятка тяжелых уродцев и пары трофейных английских танков, здесь ничего нет. А без них отправлять на пулеметы пехоту на автомобилях и конницу, значит понести неоправданные потери. Еще нужны патроны и средства связи.

— Хорошо, я немедленно распоряжусь на заводах организовать блиндирование подходящих грузовиков. Их мы реквизируем, как и средства связи — здесь хватает телефонов и искровых станций. И...

Лев Давыдович осекся, неожиданно пришедшая в голову мысль поразила его, и от радости нарком по военным и морским делам даже рассмеялся, звонко и искренне. Тухачевский посмотрел на него с недоумением, даже обидой, ибо отнес этот смех на свою персону.

— Я не понимаю причину вашего веселья, товарищ Троцкий. Это имеет отношение к моим предложениям? Вы считаете их смешными?!

— Нет, Михаил Николаевич, я смеюсь по другому поводу. Знаете что — мы возьмем у Юго-Западного фронта всю конницу Буденного и пару наиболее свежих дивизий. Наш товарищ Егоров станет только сильнее и легко выполнит поставленные перед его фронтом задачи, и перейдет Карпаты еще до того, как выпадет снег!

— Как такое возможно?

Тухачевский опешил от слов председателя РВС — такого силлогизма он еще не встречал — забрать полдюжины дивизий и от такого кровопускания армия станет сильнее?!

«Архидурость» — Михаил Николаевич припомнил, как в мае Ленин на совещании бросил Троцкому это слово. Действительно, лучше никак не скажешь, понесло Льва Давыдовича, как норовистую лошадь.

— Какие германские части у нас уже готовы, товарищ Тухачевский?

— Два полка, несколько батальонов, с десятков рот. Формирование первых двух дивизий будет окончено к концу октября, — неожиданный вопрос не застал командующего фронтом врасплох.

— В каждый наш полк введите роту немецких товарищей, в конную дивизию батальон, для усиления пролетарской спайки. — Троцкий возбужденно прошелся по ковру. И рубанул рукою, как шашкой:

— В дополнение к двум дивизиям немедленно развернуть еще четыре, доведя до шести!

— У нас нет на них винтовок, товарищ Троцкий. Германия разоружена, все излишки военного снаряжения либо уничтожены, либо переданы союзникам. В арсеналах пусто...

— Дзержинский обещал немедленно передать большую часть трофеев польской армии. Я думаю, сорока тысяч винтовок, тысячи пулеметов, двести орудий и сотню танков вполне достаточно на первое время, пока не заработают заводы?

— Так точно, товарищ Троцкий, хватит!

— Товарищу Егорову мы поможем одолеть чехов. — Лев Давыдович хитро прищурил глаза, стекла очков заодно сверкнули. — Обе германские дивизии нужно перебросить в Судеты, там наступление встретит самую горячую поддержку населения и приведет к быстрой советизации.

— Я полностью согласен с вами, товарищ Троцкий, — Тухачевский не скрывал своего одобрения: все же хорошее дело воевать против классово неоднородного противника, ибо в переданных Чехословакии областях немцы люто ненавидели новых властителей. Тут успех был гарантирован, а значит, и обеспечен прорыв. — Вот только...

— Еще товарищ Егоров получит резервы, взятые из внутренних округов. Это три стрелковые дивизии и части ВОХР. И кавкорпус червонного казачества товарища Примакова — вполне достойная замена конармии. Этого вполне хватит, чтобы разгромить чехов и вырваться на Дунай. Дальше все зависит от нашей энергичности, ибо больше республика ничего дать не

может, а весной белые могут перейти в наступление.

— Я понял!

С души Тухачевского упал тяжелый камень — дойти до Рейна теперь можно собственными силами, пополняя павших красноармейцев немецкими товарищами, а четыре дополнительные конные дивизии только ускорят продвижение на запад.

Троцкий тоже не скрывал своего удовлетворения — к зиме Красная армия будет обильно обеспечена вооружением и боеприпасами, благо в Германии мощная промышленность. А там и с белыми можно будет свести счеты, сбросить эту сволочь в Черное море.

Он вспомнил недавние переговоры с военным министром Сибири Арчеговым и усмехнулся — недаленовидный человек этот слишком молодой генерал. Не только дал большевикам время, но и вооружил своих злейших врагов, одновременно ослабив собственные войска.

«Или он думает, что с присоединением и советизацией Германии мы в знак благодарности оставим их в покое?!»

Лев Давыдович усмехнулся, его тонкие губы скривились в презрительно-брезгливой улыбке:

— Наивный политический младенец...

Одесса

— Доннер веттер!

— Черт побери!

— Бедная...

Три голоса почти слились в один — впечатление на всех было произведено сильнейшее. Доктор как-то обмяк, неуверенно посмотрел на офицеров, но непоколебимо, как свойственно ученому, произнес.

— Я не отрицаю действенность слов, то есть психологического воздействия. Тот же гипноз, кстати. Но главное это правильно подобрать лекарства и вылечить тело!

— Не спорю, — устало произнес Фомин, — но если бы нужных слов произнесено не было, то ни одни лекарства не помогли.

— Позвольте, — возмутился Краузе. — Я не спорю, что в народе, где много различных суеверий, наговоры и шептания приносят пользу. Но исключительно в эффекте плацебо, когда больной сам себе внушает, что он становится здоровым. Слово не более чем...

— Слово всегда материально, доктор!

Фомин помимо воли чувствовал, что его втягивают в диспут, дабы сломить потоком слов и торжествовать победу. Ох уж эти ученые!

— Есть одна история, она подлинная. Одного святого мучили тюремщики, давая гнилую воду. Однако прочитанная молитва очистила ее и сделала не только пригодной для питья, но и полезной. То есть как бы профильтровала ее, если по-ученому выразиться.

— Это еще ничего не доказывает, — упрямо наклонил голову доктор. — Слова не только не могут излечить человека, но даже облегчить ему болезненные симптомы.

— Не могут? — с самой ласковой улыбкой спросил Фомин, которого этот стихийный диспут стал раздражать. — Пример этого больного, конечно, не в счет?!

— Совершенно верно. Ведь я ему ввел лекарство, — кивнул доктор и победно зыркнул. Это окончательно взбесило Фомина, который продолжал вести себя крайне собранно, боясь спонтанной вспышки.

— Доктор, а если мы сейчас проведем небольшой научный эксперимент, в котором докажем, что слово способно облегчить страдание человека, вы этому поверите?!

— Несомненно! Но только если я сам в нем буду участвовать!

— Ваше желание, доктор, совпало с моим, а потому не будем медлить, — с ласковой улыбкой произнес Фомин, собирая все силы для одного-единственного удара. Краузе, еще не поняв, что его ожидает, продолжал высокомерно поглядывать, и это придало Семену Федотовичу, вернее его ноге, что начала движение, дополнительный импульс.

— Ох!!!

Носок ботинка со всей силы угодил доктору точно в пах, сразу согнув того в три погибели. Эскулап ухватился двумя руками за причинное место, ставшее жертвой внезапной агрессии, и взвыл во весь голос.

К немалому удивлению Семена Федотовича это были не дохленькие «тойфели» или «ферфлюхте», а ядреная русская брань, связанная сложными узелками эпитетов, относящихся непосредственно к виновнику данного происшествия.

— Во дает Гиппократ, в три боцманских загиба колена выдает! Я такое только в окопах слышал, и то редко! А еще говорят, что интеллигенция жидка на доброе слово!

Совершенно искренне восхитился Митрофан Прохорович, с необычайной веселостью глядя на пострадавшего.

Князь бросил на Фомина одобряющий взгляд, даже ладонью покачал — мол, надо бы «шпака» пораньше было огреть, а то совсем охамели — и пробасил с глубоким удовлетворением, в котором через аристократизм пробилась вековая народная сущность.

— Даром что немец, а по-нашему лается просто здорово! Нужно только хорошенько разозлить!

— Господа, при чем здесь это?! — Фомин притворно возмутился. — Ругательства, что мы слышим, исконно русские, идут они с древности. Это заклинания, вот только сейчас их в первоначальном значении никто не использует. Видите — в болевом шоке прибегают именно к их помощи, а не к иностранным словам, которые не имеют такой скрытой сущности. Так что наш эксперимент завершился крайне позитивно и полностью достиг запланированных результатов. Ведь так, доктор?!

Фомин посмотрел на Краузе с улыбкой вурдалака, и тот сразу закрыл рот, хотя до того собирался высказать все, что он думает об этой идиотской выходке. Но долгое общение с русскими офицерами давно приучило немца к сдержанности, особенно тогда, когда затронут поиск вечно непонятной для этого народа истины. Молчать дальше было нельзя, и потому Людвиг Карлович согласился с результатами столь шокировавшего его опыта.

— Да, это так! Но нельзя же...

— Зато доходчиво, доктор, — холодно произнес Фомин. — Данные заклинания несут в себе вековой заряд, что позволяет нашему народу перетерпеть все невзгоды. И более того — многие другие национальности прибегают к столь испытанному временем средству...

— Еще как прибегают, — понимающе изрек князь, а «сибиряк» поперхнулся неуместным сейчас смешком.

— В бою мы все много раз видели, как солдаты, даже получив тяжелое ранение, продолжали выполнять свой долг, прибегая как раз к помощи заклинаний. И думали они в первую очередь о своих товарищах, что шли на смерть. А если взять Фрейда, на мнение которого сослался Людвиг Карлович, то в ту минуту они должны были представлять вторичные женские половые признаки и погибать не за монарха и страну, а исключительно за ягодицы «мускулис» прекрасной половины человечества.

— Чушь собачья! Этого бы профессора в окопы, он тогда бы свою теорию не выдумал. От бездельников и похотливых развратников она, коих к настоящей работе ни разу не подпускали.

— На каторгу шельмеца, да к тачке приковать. Он бы тогда не о бабах думал, а о куске

хлеба!

— Совершенно верно, ваше сиятельство!

Фомин пожал плечами — диспут удался на славу. Офицеры разгорячились, доктор взбледнул, все собравшиеся, в которых продолжал говорить коньяк, как-то подзабыли и о генерале Арчегове, и о Машеньке. Именно ее голос подбросил на месте собравшихся в палате мужчин.

— Доктор, вы просто много не знаете! Слова, что сейчас ругательными именуют, нужно произносить в строгом порядке, тогда и эффект будет. У отца в батарее ездовым в шестой упряжке казак один служил. Так он в бою лошадей этими словами так приободрял, что самая слабая упряжка, без кнута все обгоняла, хотя там коней стегали нещадно. И батюшка мой слово тайное знает — лошадь нервничает, а он ей пошепчет, и она сразу успокаивается, даже выстрелы не страшат...

— Мария Александровна, простите ради бога, а вы меня с отцом своим познакомите? — С аристократа словно слетела маска высокомерия. — Это же для нас кавалеристов самое нужное...

— Это вы у батюшки спросите, — улыбнулась жена, и Семен Федотович заметил в ее глазах знакомые искорки — вне всякого сомнения та видела проведенный им «эксперимент».

— И заговоры, унимающие боль есть, я сама такие знаю, и пробовала не раз. Это вере православной не мешает, ибо жизнь тому же христианину облегчают. Какое тут колдовство?! Да что далеко ходить — вы на это посмотрите, господа.

Мужчины буквально впились глазами в женскую ладошку, на внутренней поверхности которой багровело большое пятно.

— Это же ожог, — удивился Краузе, — но откуда он у вас?! Вы над свечой руку держали?

— Нет здесь свечей, — чуть поморщилась девушка и достала из-под одеяла знакомый Фомину зеленый камень. — Я оберег прижала к ране на голове генерала. Посмотрите на него, но в руки не дам!

Семену Федотовичу показалось, что нефрит немного поплыл по краям, словно оплавился. Но как такое могло случиться — на этот вопрос он просто не знал ответа.

Но когда жена повернула камень другой стороной, он испытал жгучее желание протереть глаза. Действительно, не просто деформировался, в него оказался буквально вплавлен темный кусочек металла знакомой формы.

— Пуля от «браунинга», калибр 7,65, — князь опытным взглядом первым определил, что это такое, и тут же посерел лицом, даже голос осип. — Она что, из головы сама вышла?

— Держала ладонь сколько могла, ее жгло, но я крепче прижимала оберег. Не помню, как потеряла сознание...

Семен Федотович только разевал рот, не в силах осознать произошедшее. Краузе кинулся к Арчегову, стал осматривать повязку на голове и отшатнулся — по лицу потекли большие капли холодного пота.

— Пуля сама вышла или ее извлекли — но как?! Без трепанации черепа?! Бинты обуглены, но следов ожога нет... И рана сама зарубцевалась... Мистика, господа, поверьте мне!

Офицеры только молча смотрели на генерала — перемена произошла с ним просто разительная. Теперь никто не сомневался, что военный министр обманул старуху с косою и поправится.

Первым опомнился князь, он подошел к кровати, опустился на колени и прижал ладонь Маши к своим губам.

— Вы совершили чудо, Мария Александровна. Генерал обязан своим чудесным спасением только вам, вы словно его вторая мать...

— А может бабушка? — со странной улыбкой, которую понял только Фомин, произнесла девушка.

— Все может быть, я уже ничему не удивлюсь, — чрезвычайно серьезно произнес флигель-адъютант. — Но вы совершили чудо! Я искренне завидую и уважаю вашего мужа, иначе бы предложил свою руку и сердце.

— Да полноте вам, князь...

— Господа, — Фомин решил направить разговор в нужное русло. — Надеюсь, вы понимаете, что все увиденное вы должны сохранить в тайне. Генерала Арчегова излечил доктор Краузе, и никто другой. И не было никакой мистики! Только лекарское мастерство нашего Людвиг Карловича, который получит заслуженную награду. Я думаю, шейный крест святой Анны. Его величество благоволит генералу и считает, что он один стоит трех дивизий! Примите мои самые искренние поздравления, доктор!

— Но... Позвольте! Наука должна знать...

— Ничего она знать не должна! — отрезал Фомин. — То, что здесь произошло, называется чудом, а это явление наукой не изучается. Есть еще одно обстоятельство, господа. Злоумышленники могут посягнуть и на его величество, кто знает, остановятся ли они. Но если узнают, что рядом с императором есть человек, способный исцелить даже смертельно раненного, то понимаете, что может ожидать мою жену?

— Даю честное слово молчать, Семен Федотович, — пылко произнес молодой офицер. — Ради Марии Александровны на смерть шагну!

— Я буду нем, как катафалк, клянусь честью! — мрачно произнес князь и взглянул на доктора так, что тот съежился. В ледяных глазах его сиятельства прямо читалось — «А не отправить ли вас в расход, милый эскулап, пока вы никому не разболтали?», и никакой ненависти во взоре, лишь холодный расчет битого жизнью полковника.

— Я не скажу никому даже слова!

Краузе действительно испугался, его пальцы задрожали, ибо медик был умен и понял, что есть такие тайны, которые опасны в первую очередь для самого носителя.

— Напротив, доктор! Совсем наоборот, — усмехнулся Фомин. — Вы всем расскажите о своем методе лечения, и пусть считают, что генерал-адъютант Арчегов ходит с пулей в голове. Хм, простите, господа, несколько двусмысленно звучит. И еще одно — пока государь не приехал, прошу нести службу здесь. А мы с женой останемся рядом с раненым — наша помощь ему еще потребуется...

Гуляйполе

— За гроши купывы, за гроши!

Никогда еще Нестор Махно не попадался в такую смертельную ловушку, как в эти злосчастные для него октябрьские дни. Сейчас «батька» больше напоминал смертельно раненного тигра в крепкой клетке.

Хотя куда уж крепче — находиться на две сажени под землею в тайном схроне, больше похожем на гробницу. Тут можно было только сидеть или лежать, ибо встать в полный рост, который у Махно и так ниже среднего, не представлялось возможным.

Еду и питье опускали раз в день по деревянной трубе, что служила вентиляцией. Из всех удобств тюфяк, набитый слежавшимся сеном, керосиновая лампа, от которой несло копотью, да вонючее ведро, которое на каторге все называли парашей.

Темнота и зловоние, которое он стоически переносил два дня, уже вызвали лютую злобу. Лучше уж вылезти на белый свет, расстрелять в золотопогонных сволочей обойму надежного

«маузера», вдохнуть в легкие, где поселился полученный в тюрьме туберкулез, свежего воздуха, а там можно и смерть достойно принять от раскаленного свинца, как настоящему революционеру и положено.

— С усих сторон скрали, яко волчину...

Махно повернулся на бок — простреленное бедро горело, хотя проверенный годами фельдшер, спустившийся сегодня в лаз, наложил тугую повязку и заверил, что опасности воспаления нет. Только глаза у него были странные, подпернутые собачьей печалью. Словно прощался верный Грицук со своим батькой навсегда.

— У-у, сволочи!

Бедро отозвалось острым приступом боли, Нестор заскрипел стиснутыми зубами, кляня себя за ошибки и беспечность. Он, как и все повстанцы, ожидал, что белогвардейцы будут действовать так же, как прежде, или вроде красных — проводить реквизиции, брать заложников, устраивать облавы. А его «армия» начнет партизанские действия, терзать тылы и громить обозы да разлагать агитацией вражеские войска.

Действительность оказалась намного хуже — белые никого не грабили, мародеров и в помине не было, но вот возможности для партизанства были сведены на нет сразу — решительно и безжалостно.

Весь Гуляйпольский район обложили со всех сторон полудюжиной конных дивизий, которые начали медленное продвижение к центру, проводя в захваченных селениях тотальную зачистку.

Действовали умно — возьмут сотню мужиков и терзают их жандармскими приемчиками. И дрогнули зажиточные селяне, ибо выбор им единственный предлагали — либо в Сибирь на вечное поселение вместе с чадами да женками отправиться, либо имущество, даже награбленное сохранить в целости, да еще добавку получить, с землицей вместе, если соседа, что повстанцем являлся, властям сдать.

Стоило одному мужику слабину дать, и все, понеслось — за полмесяца свыше полутора тысяч активных повстанцев либо арестовали, либо перестреляли.

Махно попытался бороться, бросив в рейд два своих пулеметных полка, что могли выкосить из своих пулеметов вражеских всадников, как траву литовкою. Однако не вышло — белые в сабельные атаки теперь не ходили, а немедленно выдвигали свои броневики и орудия.

Хуже того — бросили множество аэропланов, и против атак с воздуха повстанцы оказались совершенно беззащитными. Охота с воздуха шла даже за одиночными тачанками, и степь вскоре от них совершенно очистилась, лишь бычьи упряжки да одноконные крестьянские телеги стали медленно передвигаться по ней.

Самого Махно, получившего осколок в бедро от сброшенной с аэроплана бомбы, потерявшего подругу Галину, ставшую верной женой, и три четверти хлопцев личной сотни конвоя, преданные ему люди спрятали в самом гуляйполе, куда были буквально выдавлены остатки повстанческой армии. И где сейчас всю уже шла пресловутая «зачистка»...

— Отмщу...

Махно яростно прошипел сквозь зубы, но в глубине души сам уже понимал, что время для его вольницы кончилось — тут либо красные, либо белые верх возьмут, а его с двух сторон лупить будут. Супротив государственной машины никак не выстоять.

Но чтобы вот так просто, за иудины тридцать сребреников разлад в его войске внести, такого он никак не ожидал, а потому и шипел сейчас от боли, с кровоточащей раной в душе.

— Усих поганцев в расход пустим!

Нестор взял бутылку из мутного стекла и зубами вытащил пробку. Отхлебнул немного, сморщился. Затем отпил уже больше, хотя удовольствия не испытывал.

Это же не чистейшая как слеза горилка — вонючее пойло от боли и воспаления «антоновым огнем» дал ему фельдшер, велел выпить все. Вот он и давился, но пил, а вскоре и полегчало.

Махно почувствовал, что его одолевает сон, делая ватным все тело. Он прикрыл глаза, чувствуя, как проваливается в мягкие объятия дремоты, не в силах им противостоять. В мозгу всплыли печальные глаза Грицука, в которых плескалась...

«Та ж виноватые они!»

Догадка пронзила мозг, рука дернулась к «маузеру», вот только сил не было. И уже погружаясь в пучину забвения, он подумал с острой вспышкой ярости, на мгновение осветившей сознание.

«Он меня отравил, как пасюка-крысу, потому и вину свою чувяв!»

Комрат

Константину Григулеску казалось, что он превратился в скульптуру из насквозь промерзшего дерьма.

Капитан не испытывал ни отвращения к самому себе, ни стыда перед другими офицерами, по приказу которых его выудили из выгребной ямы. Можно было сказать только одно — все чувства в нем полностью замерзли.

— Кого-нибудь еще спасли?

— Никак нет, господин полковник! Остальных побросали в яму убитыми, лишь капитан, судя по всему, сам в ней укрылся!

— Хорошо, майор. Прикажете крестьянам отмыть, а то больно смердит, дышать нечем. Да врача позовите, выхаживать...

Григулеску мог только видеть и слышать, но ничего не ощущал своим окаменевшим телом.

Однако это не помешало согнанным крестьянам, недовольно зыркающими глазами, раздеть офицера, не порвав на нем мундира, ни оторвав ни единой пуговицы. Причина такой старательности объяснялась просто — за порчу мундира румынского капитана с гагаузов, а именно их нищее селение и стало ареной ночного боя, могли взыскать с лихвою.

Валахи еще снисходительно относились к родственным по языку молдаванам, но без снисхождения обирали народы, населявшие издавна Бессарабию — украинцам, гагаузам, русинам, и не имевшие счастья принадлежать к титульной нации.

Те платили им в ответ стойкой ненавистью, которая крепла с каждым днем оккупации, ибо зиждилась на нормальном отношении каждого работяги к вечно голодным, а оттого вороватым румынским солдатам.

Последнее было самым настоящим бичом — вояки в высоких шапках не мародерничали, угрожая оружием, а именно тайком воровали, стоило хозяину хоть на секунду упустить их из вида. Поэтому здесь зачастую происходили вещи, совершенно невозможные на территории, оккупированной теми же немцами, что устанавливали режим жесточайшего террора, поголовных реквизиций и организованного командованием грабежа.

Попавшихся на воровстве румынских солдат хозяева очень часто лупили смертным боем, как говорится, в хвост и гриву, не боясь угрозы расстрела, до которых, впрочем, доходило редко, ибо румынские офицеры совершенно не обращали на эти прискорбные факты внимания, считая такие драки явлением, не стоящим медной монеты. Хотя сами господа мародерничали открыто, угрожая оружием.

Солдаты только посмеивались над своими незадачливыми собратьями, пойманными за руку, но в процесс мордобития не вмешивались, и отнюдь не из трусости или эгоизма.

Вековые традиции, господа, их уважать нужно и блюсти!

Раз поймали тебя за руку, значит, не наловчился ты, парень, в сем благородном ремесле. А потому должен быть сурово наказан, дабы в следующий раз посягал на чужое имущество более умело.

Недаром русскому полководцу Суворову, прошедшему с боями Валахию из конца в конец не один раз за годы войн с турками, приписывают одну историческую фразу.

Будто бы Александр Васильевич, посмотрев на это любимое народное занятие, к которому относится еще и назойливое попрошайничество, причем поголовное, вне зависимости от достатка, от обитателей хижин до дворцовых властителей, однажды в сердцах сказал своим офицерам, что румыны это не нация, а профессия!

— Как хорошо жить...

Григулеску чувствовал себя на седьмом небе от счастья, погрузившись в бочку с горячей водой чуть ли не по шею.

Это надо же — всю ночь в холодной жиже просидел, а даже насморка не подхватил! Более того, даже рана на бедре зарубцевалась, не принося больше страданий.

— Пора, пан офицер!

Старуха с морщинистым лицом растянула желтую от многократных стирок простыню, ибо вышитых полотенец в селении уже не было вот уже три дня.

Приказ командования увозить все, чтобы русским не досталось трофеев, был выполнен добросовестными солдатами буквально. Села стояли пустыми, кроме грязных хижин и угрюмых обывателей, в них не осталось абсолютно ничего. Даже татарские баскаки удавились бы от зависти, глядя на столь беззастенчивый грабеж.

Одно плохо — нельзя было найти даже куска хлеба, и полковник Маринешти посоветовал капитану поскорее добраться до Комрата, а там можно и перекусить. Причем без платы, в исполнении приказа, ибо леи можно и дома с умом потратить...

— Вот мы снова встретились, месье майор!

Константин пришел в самое благодушное настроение, разглядывая безголовое тело несчастного французского советника. Ордена и медали с его окровавленного мундира уже прибрала себе чья-то заботливая рука, брюки и ботинки тоже стянули, не побрезговали. А вот голову не стали — белесые глаза, затянутые смертной пленкой, таращились в небо.

— Говорил я вам, месье, что казаки в плен могут и не взять? — с улыбкой произнес капитан, разглядывая своего недавнего, крайне нетактичного собеседника, ничуть не огорчившись этим зрелищем и с нескрываемым удовольствием погладивший свою шею.

— А вы все на нелепое союзничество уповали... Какая глупость, майор! Тут головой нужно думать, это же казаки! А то и потерять ее недолго... кхе, а как потом жить прикажите?!

Одесса

Свет больно ударил в глаза даже сквозь закрытые веки, Константин рывком выплыл на поверхность... и очнулся.

Голова болела надрывно, тело ломило, а руки и ноги словно стали ватными — Арчegov даже не смог их тронуть. Зато глаза кое-как сумел открыть, видел плохо, хуже не придумаешь, будто сквозь мутное стекло смотришь.

— Ты очнулся, мой хороший!

Над ним склонилась женщина в белом халате, вот только лицо расплылось и не сказать красивая или нет, но голос молодой, привлекательный.

— Где я?

Арчegov с трудом вытолкнул из пересохшей глотки вопрос, будто горячим рапилом царапнул небо язык.

Он вспомнил безумные глаза свитского офицера, опять услышал крик «Красная подстилка» и вспышку пламени. Голова тут же запульсировала болью, и Константин застонал.

— Лежите, лежите, больной, вам вредно волноваться!

«Она знает кто я, потому и на вы перешла», — ответ напрашивался сам, и генерал, еще раз непроизвольно застонав, резким голосом приказал:

— Попросите его величество прийти!

— Кого, кого?! — с искренним удивлением спросило молодое создание, в этом он сейчас мог поклясться.

— Его императорское величество Михаила Александровича!

Матерно в мозгу пройдясь по поводу бестолковости прелестного создания, чуть ли не по слогам разъяснил свою просьбу Константин Иванович.

— Таковых здесь нет!

«Вот деревня, и нашли таковскую», — поставил диагноз Арчegov и решил зайти с другой стороны. — Не могли бы вы передать мою просьбу найти адмирала Колчака?

— Колчака? — изумилась девушка. — А зачем вам пиво?

Арчegov аж задохнулся от такой наивности и решил, что девица определенно блондинка с восьмым размером груди — такие в мозгах не нуждаются. И потому мягко спросил:

— Я же в Одессе? Или меня куда перевезли? Какое сегодня число?

— Одесса?!

В голосе девушки прозвучало такое искреннее изумление, причину которого Константин не понял. Но тут же последовал вопрос, заданный весьма вкрадчивым голосом:

— А какого числа вы потеряли сознание? Да, кстати, как вас зовут, простите за назойливость?

— Я военный министр Сибирского правительства генерал-адъютант Арчegov! — Константин почувствовал, что начинает закипать чайником, поставленным на раскаленную плиту — крышка которого уже подпрыгивает и дребезжит, выпуская клубы пара.

— И сознание потерял 2 октября 1920 года, после того, как в меня всадили полдюжины пуль...

— Вас нашли на Кругобайкальской железной дороге. Старый бурят вынес ваше тело, больной. И сегодня 27 декабря 1997 года — вы были без сознания три дня...

От мягкого участливого голоса девушки у Константина жаром ошпарило все внутренности. Он потерял дар речи и впал в столбнячное состояние, не в силах даже вздохнуть. Только мысли в голове неслись ошалевшим наметом, норовя выбить лобовую кость.

«Не может быть!!! Так что же это такое делается! Это все был сон — царь, Колчак... Бог ты мой — я же Нину потерял! Бурят меня просто мухоморами напоил, вот у меня шиза и полезла!»

Потрясение было настолько велико, что Константин добрую минуту только хлопал ртом как рыба, вытащенная на берег. А глаза сами по себе обшарили комнату, похожую на одинокий бокс карантина — крашенные стены, убогая ископаемая обстановка. И девицу, наконец, хорошо разглядели — черноволосая красотка, очень юная, в белом медицинском халате.

— Вы в Слюдянке, вас поместили в отдельную палату... — словно из-под ватной повязки послышался голос медсестры, и мозг, переварив пищу для размышлений, начал выдавать результаты.

«А ведь сестры милосердия там платья носят с передниками и белые косынки. Эта одета в халат — явно училище после восьми классов закончила, очень молода. В Слюдянке я — похоже на правду. Да и Колчак у нее с пивом ассоциируется — все верно, я просто шизанул хорошо и

жил во сне. И тело мое прежнее, не арчegovское — башка трещит, кости ломит, а с ногой совсем худо — будто в тиски зажата. Ну, Цыренджап, ну кудесник, мать твою в четыре загиба. Как только доберусь до тебя, взвоешь! На куски порву, как Тузик грелку!»

— Так, значит, вы настаиваете на встрече с императором Михаилом?! — голос девушки стал настолько вкрадчивым, ровным и доброжелательным, что Константин похолодел, догадавшись, что его может ждать в самом ближайшем будущем.

— Вы генерал Сибирского правительства, я вас правильно поняла? И знакомы с адмиралом Колчаком, и не пивом, а тем самым, что был настоящим? — глаза девушки горели нехорошим огоньком, не предвещавшим ничего доброго.

«Писец! Это современность, мать ее, да еще с пивом! Хана! Девчонка сейчас к главврачу побежит, вон как глазюки загорелись — психа готового поймала. И отвезут меня на белой машине с мигалкой в Иркутск, прямиком на Гагарина, в чудный дом с решетками, где все жители в халатах. И посадят в палату, причем юмор проявят — рядом с „Колчаком“ и „императором“, вот смеха-то будет!»

Однако сейчас Константину было не до веселья. Реальная перспектива оказаться в психушке его не прельщала.

«Бомжом стану — жинка с шурином живо мамину квартиру пристроят, и это в лучшем случае. В худшем так наколют и „колесами“ накормят, что остаток жизни там и проведу. Надо спасаться!»

— Да что вы, милая, — самым проникновенным голосом произнес Константин Иванович. — Это я во сне с вами говорил, приснится же такое. Литературы про гражданскую начитался. Вот и понес «пургу», ничего не соображая спросонок. Я в Иркутске живу, на Байкальской. Зовут меня Константин Иванович Ермаков...

— У вас все тело в отметинах и шрамах. Вы воевали?

— Приходилось. В Афганистане и Чечне, еще была пара «горячих точек». Подполковник в отставке, инвалид второй группы — видите, что с ногой у меня, хожу на костылях. — Константин «подпустил слезу» — девчонка молодая, если на жалость надавить, то проскочить можно, не побежит за главврачом. А это сейчас главное...

— Родились вы когда, Константин Иванович?

— Появился я на свет 28 августа 1961 года. Да вы позвоните в ветеранскую организацию или военкомат, там живо подтвердят мою личность!

Говорить пришлось как можно убедительнее, и это принесло для него положительный результат — грозные огоньки в глазах девушки погасли. Она отошла от кровати, пожав плечами.

— Так вы определились, милостивый государь, кто вы есть на самом деле — Ермаков или Арчegov!

Со стороны раздался до боли знакомый, полный ехидства голос, и Константин от неожиданности даже смог повернуть голову, не ощутив болезненных уколов.

— Таки вы самозванец, Константин Иванович, самозванец!

Никогда еще генерал Арчegov не испытывал столь пронзительное чувство облегчения — ему показалось, что он готов воспарить над кроватью, настолько стало легко на душе.

На него пристально смотрел офицер в танкистской тужурке с погонами капитана, с изуродованным ожогами лицом. Но его голос Константин Иванович мог узнать из тысяч других, ибо к этому человеку невозможно было испытывать равнодушия, а сложную смесь перемешанного с ненавистью уважения. И ответ сразу же нашелся, в голове всплыла известная по кинофильму фраза:

— От самозванца слышу!

— Владимир Ильич, в последние месяцы сторонники Троцкого называют его чуть ли не вождем мировой революции...

— Наш Иудушка бонапартов сюртук решил на себя примерить?! Первый маршал советской республики? — голос Ленина сорвался на фальцет. — Политическая проститутка! Вот он кто такой! Троцкий не революцию видит в себе, а себя в революции!

За последние полгода вождь сильно сдал — болезни и сверхчеловеческое напряжение, вызванное победоносным походом на запад, серьезно ухудшили состояние здоровья «Старика».

Но он крепился, излучая сильнейший оптимизм — известия о падении Варшавы и Берлина на него действовали если не как лекарство, то как допинг на спортсмена или доза «дури» на наркомана в период ломки.

— Но ЦК знает про его шашни и не позволит навязать свою волю партии!

Ленин, чуть подволакивая ногу, шустро прошелся по кабинету — мягкий ковер хорошо глушил шаги.

Задернутые шторы, неяркий свет от лампы с зеленым абажуром создавали в кабинете почти научную обстановку, в которой так хорошо писать статьи о преимуществах социалистического хозяйствования. Но сейчас было не до трудов — известия из Берлина вызвали гневную вспышку у только что вернувшегося из Горок Ленина.

— Троцкий просит не менее десяти стрелковых и трех кавалерийских дивизий, — спокойно произнес сидящий в кресле еще относительно молодой человек с умными и блестящими глазами.

Это был «товарищ Арсений», Михаил Васильевич Фрунзе, старый большевик, в первую революцию отличился в Шуге, организатор многих выступлений и вооруженных восстаний.

Он только что вернулся из Ташкента, где налаживал оборону — дела в Туркестане сильно осложнились. Нет, белые строго соблюдали подписанное с красными перемирие, вот только втихаря вооружали и снаряжали армию эмира Бухарского, что вновь признал над собою протекторат российского монарха.

Да и хан хивинский, получая через Арал помощь от уральских казаков, подозрительно засуетился — его отряды уже неоднократно вторгались на линию железной дороги.

— Резервов у нас нет! Но Троцкий настаивает на оголении моего фронта, Владимир Ильич!

Фрунзе заговорил с видимым гневом, вполне понятным. Назначенный решением ЦК партии командующим Южным фронтом, он застал его в крайне плачевном состоянии, а ведь от белого Харькова до Москвы почти рукою протянуть по русским меркам, едва тысяча верст.

— Склады и арсеналы пусты, все выгребли. Производство на Тульском оружейном заводе не удовлетворяет самым неотложным нуждам — два пулемета в день ничтожно мало. У нас всего 62 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, на запад отправлена почти половина пехоты и более двух третей кавалерии, почти все аэропланы. Он даже забрал два десятка бронепоездов, хотя тамошняя колея уже нашей...

— А что белогвардейская сволочь затевает?!

— Пока ничего, Владимир Ильич, притихла. Но это и худо. По данным нашей разведки, сейчас на юге развертываются сразу четыре армейских корпуса, в каждом по две стрелковых и одна казачья дивизии — в Одессе, Екатеринославле, Харькове и Царицыне. Сроком для полной готовности отведено ровно полгода. В Новороссийск и Севастополь прибыли несколько английских транспортов с оружием и снаряжением. Среди всего прочего там несколько десятков танков и броневинов, до сотни аэропланов...

— Полгода, — Ленин на секунду задумался, губы выдавили злую улыбку. — А ведь это

архиважно! Они ударят нас в спину не раньше апреля.

— Я тоже так считаю, Владимир Ильич. Сейчас все их силы брошены в Молдавию, там идут ожесточенные бои, судя по всему. У них всего восемь дивизий пехоты, не считая конницы и кавказских корпусов, румыны могут выставить втрое больше.

— Это хорошо, батенька, очень хорошо. Как я и говорил, империалисты, еще не сокрушив нас, разодрались между собою. Удара в спину можно не опасаться, им между собою воевать долго придется. Вы меня утешили, Михаил Васильевич, очень. Большое за то спасибо!

— Но ведь нам все равно придется с белыми воевать! — усмехнулся Фрунзе. — Причем тогда, когда Деникин будет иметь под рукою два десятка кадровых, а значит, хорошо обученных дивизий. И в Сибири еще десяток, да на севере две. И это не считая казаков, которые сообща выставят не менее двух десятков конных дивизий. Мы их не удержим, когда просохнут дороги, и в июне они ударят, Владимир Ильич!

— А почему вы думаете, что именно в июне, батенька? Может, они начнут наступление в мае?

— В уральских горах снег тает поздно, сибирякам придется ждать, пока дороги подсохнут. И наносить удар они будут согласованно, с разных направлений одновременно. Мы их не удержим!

— Не удержим, — Ленин невпопад согласился, мотнув головою, как уставшая лошадь.

Вождь явно думал о чем-то другом, потаенном, молча отмеряя шаги по кабинету. Фрунзе не мешал ему думать — сидел молчком в мягком кресле и перебирал варианты.

— Не удержим, если будем ждать! — голос Ленина дрожал от возбуждения. — Надо ударить первыми, и сильно! Очень крепко, чтоб разом дух из контрреволюции вышибить! Нужно разгромить их по частям, уже в апреле на юге, потом сибиряков и северную армию. Нельзя в угоду Троцкому ставить под угрозу гибели первое в мире государство рабочих и крестьян! Нельзя, товарищ Арсений! И ты это сделаешь!

— Но как же Париж?

Фрунзе удивленно вскинул брови — он прекрасно знал, что с раздуванием мирового пожара нельзя медлить, уж больно момент выпал благоприятный.

— У германских пролетариев достаточно сил, чтобы сокрушить и внутреннюю контрреволюцию, и понести красное знамя дальше на запад, на Париж, на Лондон, на Рим. А все просьбы Троцкого о посылке подкреплений есть грязные инсинуации, на которые не следует обращать внимания. Он не просто сговорился с этим молодым белым генералом, он готов отдать нас с потрохами, лишь бы самому утвердиться в Европе. Балаганный фигляр! Ничтожество! Кого он хочет обмануть?!

— Я тоже считаю, Владимир Ильич, что сил у него не просто достаточно, а избыточно много!

Фрунзе с волнением посмотрел на трясущегося в гневном припадке Ленина.

— Никаких ему резервов. Только Дзержинскому в Польшу дать, с панамы должен быть разговор короткий. Железный Феликс их живо к революционному знаменателю подведет — расстреливать и не рассусоливать! И еще эти тамбовские кулаки, что мятежи устраивать вздумали!

— Я уже перебросил две дивизии в помощь частям ВОХР!

— Правильно! Архиважно побыстрее подавить мятеж, и так, чтобы другим неповадно было! Расстрелять побольше мерзавцев, эсеров да всяких крикунов, вот и перестанут сбивать народ с правильного пути. Расстреливать подлецов без меры, никакой пощады!

— А если казаки выступят?

— А вы уж постарайтесь, чтобы не выступили. Они же монархисты, а против нас бунтует

эсеровская сволочь, которую они сами к стенке ставят. И правильно делают — такие попутчики революции не нужны! Их нужно бить, и бить крепко!

— Я все сделаю, Владимир Ильич, — Фрунзе поднялся с кресла. — Мятеж Антонова будет подавлен!

— Хотя всю Тамбовскую губернию под трибунал отдайте, но кулачье сломите. Республике нужен хлеб, и эти 35 миллионов пудов нужно собрать любой ценою. Учтите — первые же эшелоны с зерном, что мы направим голодающему германскому пролетариату, будут для них самой лучшей большевистской агитацией. Вот так-то, батенька!

Одесса

— Как же мне понимать это представление, сударыня? Зачем вы мне задавала такие вопросы?!

Арчegov в упор посмотрел на девушку, но та взор не отвела, даже растянула свои губы в улыбке. Железный характер!

— Чтобы выявить правду. Теперь я знаю, что ты не лгал! И совершила маленькую женскую месть, отплатив тебе кое за что!

— Мы с вами давно на ты?

— Очень давно, — со странной улыбкой ответила девушка. — А потому давай познакомимся — меня зовут Мария Александровна Ермакова. И у меня для тебя кое-что есть, надеюсь, что ты это узнаешь!

И быстрым движением она сунула Арчegovу зеленый оберег. Тот взял его в руки, покрутил в пальцах, всмотрелся в пулю, что вплавилась в камень, и в растерянности вернул обратно.

— Что-то знакомое, и очень... — Константин нахмурил лоб, пытаясь припомнить что-то ускользающее в памяти. — У вас такая же фамилия, как у меня. Однофамильцы?

— Ты рассказал свою историю только императору, тот поведал ее моему мужу, а Семен уже сообщил мне. Будь спокоен, дальше меня тайна не уйдет, крут посвященных и так слишком велик. Ты говорил тогда и о пиве с адмиральским именем, и о событиях, но, главное, о своей бабушке, у которой имелась одна вещица, запомнившаяся тебе с детства...

— Так вот он на что похож! — Арчegov выпучил глаза и хлопнул себя ладонью по лбу. — Но у того пули не было...

— И у этого не имелось, до сегодняшнего утра. Я тебе на лоб его положила — он пулю и вытащил! Хотя мне ладонь здорово обожгло... Вот так-то!

— Дайте мне правую руку немедленно! — рявкнул присевший на кровати Арчegov, и Маша машинально протянула ладонь.

Генерал за нее крепко схватился, позабыв про боль и усталость, и рывком задрал вверх рукав, впившись взглядом в темное родимое пятно на коже. Знакомое ему с детства — такое открытие его сразило наповал, Константин без сил рухнул на подушку, прошептав побелевшими губами.

— Не может быть!

— Все может, внучок. Сам понимать должен, чьи пути неисповедимы. Хотя и я тоже побывала в шоке, узнав такое про тебя...

— Да, кстати, Костя — позволь представить тебе мою жену — мы с ней в одном купе из Иркутска выехали. И фамилии наши совпали — я же твою взял. Тоже скажешь совпадение?

— Мистика, — пробормотал генерал, не в силах прийти в себя от столь ошарашивающих известий. Он, наверное, стал первым в мире человеком, попавшим в подобную ситуацию.

— Бабушкой можешь меня не звать, — усмехнулась девушка, — а то смешно. Мне еще

первенца выносить нужно, а тут столь великовозрастный внучок. Хотя... Если желаете, то будем на вы — я к вам в родственники не набиваюсь, ведь плоть у вас сейчас не Ермаковская, ваше высокопревосходительство! Хотя душа наша...

— Если бы не это, — буркнул с места Фомин, — то Маша не смогла бы спасти тебя, а умерла рядом. И рядом с ней и тобою, за компанию, так сказать. Все трое Ермаковых, и родственники! Ну надо же!

— Помолчи уж... зятек! Твои ведь штуки?! Опять за колдовство принялся?

— С колдовством к Мойзесу, он тебя научит! — огрызнулся Семен Федотович, ибо чекиста он ненавидел всеми фибрами души и готов был перегрызть тому глотку. — А я только волхвовать умею.

— Судя по тому, что ты Сеню зятем назвал, от родства не отказываешься?! Мы на ты теперь?

— Да... Маша, — имя Константин Иванович выдавил с трудом — непривычно как-то. — Ты меня, почитай, дважды на свет вытянула. Первый раз через маму, а второй сейчас. Я твой должник! Только надо обосновать наше внезапное родство — я ведь в чужой шкуре. Хотя... Если по казачьим связям пройти, то найти можно — все переплетено!

— И жена приятеля-танкиста, чего более? — Фомин весело оскалил зубы. — Мы в расчете, Костя?!

— Да, — нехотя признал Арчegov, — но почему ты в капитанских погонах? Генерал Пепеляев подписал представление на майора — военный министр Кутепов давно должен был отдать приказ! Наверное, затерялось в местных канцелярских дебрях?! Найду, обещаю.

— Хорошо, а то как-то несолидно в моем возрасте и с послужным списком в обер-офицерских чинах ходить, — усмехнулся Фомин, встав с кровати. Он подошел вплотную к Арчegovу и, пристально смотря тому в глаза, медленно заговорил:

— Вот умер бы ты от пули, не спасли мы тебя, не успели просто. А меня Мики нашел, и я опять в свите, при генеральских погонах...

— Ты мне слово дал!

— А вот такая я свинья! — зло улыбнулся Фомин. — Неужто у тебя на этот случай запасного варианта не было? Не поверю! У таких, как ты, на одну основную огневую позицию запасная всегда будет! А то и две! Разве я не прав? Так что не темни, шурин!

— Раз беседа родственная пошла у нас, то отвечу как на духу — слову верить надо! Но слаб человек духом, искушения может не выдержать. — Арчegov продолжал лежать неподвижно, только глаза зло сверкнули. Фомин усмехнулся и принялся размышлять вслух, глядя на Машу, что сидела с каменным лицом.

— С генералами местными ты вряд ли столкнулся — времени мало. Да и с жандармами тоже, хотя в контрразведке у тебя вес. Да и покушение было бы не такое, как на тебя самого — пистолетами ты баловаться не будешь со мною, в террористов играть. Ведь так, Костя?

— Так, Сеня, так, — Арчegov отвечал безмятежным голосом, только капли пота, выступившие на лбу, говорили о напряжении. И Фомин, поймав его взгляд, усмехнулся.

— Генерал-адъютанта убить сложно, обставив все под несчастный случай, ибо к самоубийству я более не склонен. Значит, первое! Тьфу ты, просто ведь. Адмирал Колчак с тобою заодно, потому лучше кораблекрушение устроить, либо пропал человек в шторм или утонул нечаянно. Ты смотри, сколько вариантов. И люди обученные у тебя самого есть, что в морской пехоте, что головорезы твои, которым на Байкале базу обустроили, — Семен Федотович говорил тихо, но внушительно, изувеченные губы выдавили улыбку, похожую на оскал.

— Я же с капитан-лейтенантом Тирбахом познакомился тогда, твой ведь человек. Щенок

еще, но волчара тот еще вырастет. Такому и сейчас подобные проблемы разрешить запросто. Разве я ошибаюсь?

— Ошибаешься, — тихо ответил Арчegov, сделав смиренный взгляд. Фомин опешил и растерялся. Выходило, что подозрения оказались беспочвенными. Не может быть!

Генерал Арчegov с той же детской улыбкой на устах, уже пугающей знающих его людей, произнес.

— Ошибаешься, мой Тирбах уже капитан второго ранга...

— Вот что я вам скажу, — Маша решительно топнула ножкой. — Что было, то было, сейчас новая жизнь начинается, и нечего вам старые счета сводить. Вы заново жить начинаете, и верить друг другу нужно, без этого никак! Тебе, Костя, я скажу так — Сеня к императору в свиту ни ногой, он танкист, и только своими железными монстрами заниматься впредь будет. Это я тебе сама обещаю, и лично мужа удушю, если у него хоть мысль иная появится! Так чтобы больше между вами никаких основных или запасных вариантов не было! Вам понятно, казаки, или ребрышки пересчитать свои хочется? Так я за раз вам такое устрою, что мало не покажется!

— Все, сдаюсь, — с нескрываемым облегчением произнес Арчegov, шутливо подняв ладони вверх. Фомин же с опаской посмотрел на Машу и просто протянул генералу ладонь — они обменялись крепким рукопожатием, уже без всяких задних мыслей.

— Что за шум и гам?

Маша подошла к окну и стала смотреть во двор. Действительно, через стекло доносилось рычание автомобильных моторов и громкие голоса.

— Как в сказке — лягушонка в коробчонке приехала. Шутка! То, Мария Александровна, государь-батюшка прибыли!

— Так, — в глазах девушки неожиданно запрыгали веселые искорки. — Сеня! Внуку за тебя я розыгрыш уже устроила, свершив маленькую женскую месть, а теперь...

— Ты что удумала?!

— Не мешай, очередь его величества подошла — я отмщение вершить буду! Костя, живо сотвори беспмятное тело, изнывающее в муках. Изображать лишнее не надо — у тебя нога загипсована. Этот стрелок, руки бы ему с корнем вырвать, тебе кость раздробил. Месяц в гипсе лежать будешь! Так что стони, не сдерживайся, так еще красочней будет...

Девушка быстро уложила Арчegovа удобнее, накрыв до горла одеялом, и обернулась к мужу:

— А ты что стоишь памятником дюку Ришелье?! Живо на другую постель, и одеялом сам прикройся, не маленький! И тоже изображай тяжело пострадавшего, но уже лекаря-волхва. Жаль, бороды у тебя нет. А я его императорское величество достойно встречу, пусть полюбуется на юдоль скорби и печали. Но как кашляну три раза, то воскресните немедленно!

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАСТУПАЛА КРЕПКАЯ БРОНЯ...

(25–27 октября 1920 года)

Ливадия

— Константин Иванович, как ты себя чувствуешь?

— Твоими молитвами, Александр Васильевич!

Арчegov расплылся в улыбке, глядя на воодушевленное лицо Колчака — адмирал прямо лучился от счастья, возбужденно входя в светлую и просторную комнату, что император предоставил во дворце своему генерал-адъютанту.

— Когда в море?

— Завтра с утра, эскадра на рейде. Флаг держу на «Ушакове».

— Завидую, от всего сердца завидую!

Арчegov тяжело вздохнул — идет победная для России война, а он тут к постели прикован.

Эскулапы, прах их подери, ногу неправильно сложили и в лубки упрятали, теперь на всю жизнь хромота обеспечена. Хотя обвинить медиков легче легкого — они и так сделали все, что могли.

— Да полноте, Константин Иванович, ты свое пока отвоевал! Без тебя мы бы помучились изрядно, — адмирал искренне рассмеялся, присев на кровать и обняв своего молодого друга за плечи. — Ты выздоравливай лучше, сколько дел еще предстоит совершить.

— Да, кстати о делах, — Арчegov притворно нахмурился, хотя был рад, что в горячке приготовлений к десантной операции адмирал нашел время выбраться к нему. — Михаил ко мне отправил?

— И он тоже, но только вышло как сопутствующее дело. Я смотр твоему батальону морской пехоты произвел, впечатление отличное. Капдва Тирбах знающий офицер и действительно сможет исполнить любой приказ!

Колчак пристально посмотрел прямо в глаза Арчegovу, как бы намекая на давнюю договоренность.

Тот промолчал, лишь отвел на секунду свой взгляд в сторону. Адмирал вздохнул с облегчением, ведь та давняя просьба генерала ему была не по нутру.

Нехорошо она пахивала, хотя он и понимал ее необходимость. Но ворошить угли Колчак не стал и потому быстро вернулся в прежнее русло начавшегося разговора.

— Одно непонятно — как ты предугадал, что в морской пехоте возникнет острая нужда? И заранее с Амура на Урал перебросил. Если б не это, то не успели...

— Помилуй бог, какое гадание к лешему, Александр Васильевич? — ухмыльнулся генерал. — И граф Келлер рядышком, и барон Врангель — эти тоже случайно в Оренбурге оказались?! Просто к войне нужно заранее готовиться, дабы потом прямой кишкой по паркету не стучать!

— Ты знал, когда у нас заматня с румынами начнется? — Адмирал восхищенно выдохнул — дьявольская предусмотрительность Арчegovа его всегда поражала.

— При чем тут гадание на кофейной гуще?! — возмутился снова генерал. — Если война неизбежна, а тут именно так произошло, ибо румыны без драки с Бессарабией не расстались бы, то лучше ее начинать самым в самый удобный момент. А он как раз и настал — пока союзникам не до нас, им от германо-большевистского нашествия отбиваться нужно. Мешать нам потому и

не стали — англичане выгоду чувствуют, а у французов сил нет. Да и мы сошлись не клюв в клюв, а коалицию успели заранее сколотить!

— Так, теперь все понятно, — адмирал задумался на минуту и поднял веселые с искрой глаза. — Война должна была начаться числа двадцатого. Этого месяца, судя по всему. Ведь так?!

— Абсолютно верно, в точку попал! Только такие масштабные действия флота не предусматривались планом. Думали лишь демонстрации устроить, а ты Сулинскую операцию провел, и сейчас Констанцу захватить желаешь. В принципе все верно. Удары с севера на Яссы и с юга от Силистрии, флотом с востока — все это заставит румын пойти на мировую. И не забывай, ведь они еще в Трансильвании с венграми сражаются, из Южной Добруджи их болгары вышибли. Тут и сильная держава войны на три фронта не сдюжит, куда уж любителям мамалыги...

Арчegov в бессилии откинулся на подушки — на лбу выступили крупные капли пота. Колчак встревожился — он не одобрял решение врачей перевезти раненого в Крым, но таково было желание самого военного министра, да и монарх не возражал.

— Выпей воды! — адмирал протянул стакан, но Арчegov махнул рукою, отказываясь, и умоляюще посмотрел.

— Дай лучше папиросу, всего колотит — курить хочется, аж мочи терпеть нету!

— Тебе нельзя! — отрезал моряк.

— Так ранение не в легкое, в голову. Нога еще не зажила, вставать больно — при чем здесь курение? Сосуды из-за одной папиросы сужаться никак не будут. Ну, будь другом!

— Хорошо, войду в твоё положение. Но только одну, больше не проси, не дам!

Колчак вздохнул с притворной суровостью. Он имел разговор с доктором, прежде чем войти сюда, и получил разрешение на выдачу больному пары папирос, но не больше.

Адмирал извлек из кармана коробку и наделил страждущего длинной и душистой «турчанкой», предупредительно запалил спичку и с улыбкой смотрел на трясущиеся от нетерпения пальцы Арчegovа, что сминали картонный мундштук.

— Жить хорошо! — выдохнул густой клуб табачного дыма генерал и с самым довольным видом снова откинулся на подушки. На щеках появился румянец. — Меня трясло, будто на иглу подсел, а сейчас ничего, отпустило. Спасибо, от «ломки» прямо колбасило...

— Ну, ты и скажешь, мой друг! — покрутил головою Колчак. — По отдельности вроде каждое слово понятно, а все вместе белиберда получается. Хотя, суть вроде уловима, и то по интонации!

Адмирал сам закурил папиросу, а заодно пододвинул к Арчegovу хрустальную вазочку, что могла послужить пепельницей, и присел в кресло рядом с кроватью, задумчиво смотря на военного министра, что с упоением затягивался папиросой.

— Гадаешь, зачем я тебя попросил прийти, Александр Васильевич? Ломаешь голову?

— Гадать не нужно, и головой страдать тоже. Я старый морской волк, — усмехнулся Колчак. — Дело у тебя срочное и важное, раз рискнул меня оторвать и вызвать. Это раз! И касается оно тех предложений, что сделали нам англичане. Государь мне на то особо намекнул. Это два! Ну а три — у тебя на кровати справочник «Джейн» лежит, да еще с закладками. Значит, ты кое-что присмотрел, а потому я просто жажду выслушать твои соображения. Ибо без них, как я понимаю, Вологодский средств на покупку кораблей не выделит.

— Не даст, это точно! — пожал плечами Арчegov. — Да и эти ассигнования с боем вышибать придется, скажу честно. Вся штука заключается в том, что флот в ближайшие десять, а то и пятнадцать лет мы усилить не сможем. На покупку новых кораблей денег не будет, да и обходятся вдвое дороже, а своих мощностей не хватит. Восстановление верфей и заводов дело

долгое и затратное. Нет, на эсминцы мы потянем, ну парочку крейсеров осилим, но это все! Однако на крупные корабли можно не рассчитывать, только на те, что у британцев выцыганим по дешевке. И тут нужно не обмишулиться, выпросить самое нужное для нас из самого лишнего для них. Вот посмотри, я тут закладку сделал — подобрал тебе сладкую парочку, гуся и цесарочку. Надеюсь, они тебе понравятся.

Колчак взял в руки британский справочник по флотам и раскрыл его, тут же онемев от удивления — в первую секунду он не поверил собственным глазам. Но потом яркие пятна гнева проступили на его лице.

— Это розыгрыш, Константин Иванович?!

— Нет, Александр Васильевич, все предельно серьезно. Именно эти корабли требуются нашему Черноморскому флоту!

В глазах Арчегова запрыгали веселые искорки, и именно они взъярили адмирала больше всего.

От него можно было даже прикуривать, настолько багровым стало лицо. Казалось, пройдет еще пара секунд, и Колчака либо хватит сердечный приступ, либо он вспыхнет ярким пламенем от прорвавшегося наружу гнева.

— Вы выбрали самые никчемные корабли, абсолютно не нужные нашему флоту! Скорее даже вредные, ибо мы потратим на них огромные деньги, причем выбросим их на ветер! Вы хотя бы посоветовались, если не со мною, то с любым офицером флота...

— Советовался, и не раз. С заслуженным контр-адмиралом Бубновым и вашим флаг-офицером Кетлинским, что вчера у меня был, — покладисто произнес Арчегов и с победной улыбкой, которая еще больше взъярила Колчака, добавил: — Оценка данных кораблей меня полностью устроила, я даже попросил прочитать мне небольшую лекцию касательно этих монстров. И еще больше утвердился в своем мнении относительно их превосходных качеств. Вещь стоящая, можно прикупить, лишь бы отдали.

— Вы надо мною издеваетесь, генерал?! Вы же не морковку на рынке целой корзиной берете?!

Голос Колчака сорвался, взгляд жег подобно горелке. Александр Васильевич даже на «вы» перешел, хотя с недавнего времени они установили более доверительные, почти дружеские отношения.

А тут такое?!

Даже глупостью подобное никак не назовешь, тут эпитеты из боцманского лексикона лишь подойти смогут, и то не все, а самые соленые, в пресловутые три флотских загиба...

Силистрия

— Это мой Рубикон!

Генерал-лейтенант Слащев смотрел на широкую гладь Дуная, что синей лентой растянулась перед ним. В каждом военном, если, конечно, его плечи не отягощены золотыми и густыми фельдмаршальскими эполетами, а рука не сжимает заветный тяжелый жезл, живет карьерист и мечтатель одновременно. Причем первое со вторым настолько взаимосвязаны, что разделить их невозможно.

Яков Александрович сощурил глаза — переправа войск проходила успешно, установленные ниже по течению береговые батареи отогнали румынские корабли, повредив монитор.

Впрочем, «Наследники Рима», а именно так следовало из самоназвания, доблестью древних латинян не отличались — оборонявшая Южную Добруджу армия была разгромлена стремительным ударом коалиционных войск.

Три болгарские дивизии дрались превосходно, Слащев просто любовался ими. «Братушки» были разозлены поражением в долгой войне, наглостью своего северного соседа и беспросветной нищетой, что явилась следствием выплат огромных репарационных сумм по грабительскому и несправедливому мирному договору.

Так что заявление русского императора, в котором тот дал понять, что не признает версальские переделы мира, особенно в той части, где они ущемляют и разоряют побежденные народы, абсолютно невиновные в развязывании войны, было встречено болгарами со всеобщим ликованием, ибо война есть дело одних только политиков, которые и должны нести всю ответственность за свои ошибки.

Высадка частей 1-го армейского корпуса в Варне прошла как по маслу. Русских солдат встречали с таким неподдельным энтузиазмом и доброжелательностью, особенно в освобождаемой от румын Добрудже, словно вернулись славные времена русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Болгары, сами недоедающие, делились последним куском хлеба и сыра, и везде слышалось одно слово — «братушки».

— Яков Александрович! — за спиной раздался голос адъютанта полковника Мезерницкого. — Его царское величество просит вас подойти к нему. Он на берегу у лодки. Вон там, внизу.

— Хорошо, Мстислав Владимирович, — генерал кивнул в ответ — он уважал своего бывшего начальника конвоя, гвардейца, как и он сам, некогда служившего поручиком в лейб-гвардии Волынском полку. В Белом движении с самых первых дней, участник Ледяного похода, в двадцать пять лет получившего полковничьи погоны из рук самого императора.

Слащев быстро спустился с обрыва по утоптанной дорожке. У рыбацкой лодки, вытащенной носом на берег, неподвижно стоял молодой болгарский царь Борис, одетый в полевую форму, весьма похожую на российскую, от покроя до погон.

— Генерал, — царь внимательно посмотрел на Слащева, глаза цепко задержались на белом георгиевском кресте, — я получил письмо от вашего монарха. Мы с вами союзники, и, надеюсь, останемся таковыми навсегда. И печальные ошибки прошлого не повторятся.

— Мы тоже надеемся на это, ваше величество!

— А потому исполним союзнический долг до конца. — Царь остановился, было видно, что он закусил губу и едва сдерживает волнение. — Я прошу вас принять командование над нашими дивизиями. Вы очень талантливы и храбры, генерал, и потому достойны поста главнокомандующего объединенной русско-болгарской армией. Надеюсь, что в самое ближайшее время вы добудете победу в этой во... В этом походе, я хотел указать!

— Я исполню свой долг, благодарю за доверие, ваше величество!

Слащев вытянулся, припомнив гвардейскую муштру, и щелкнул каблуками. Его душа воспарила на седьмое небо от счастья — такого дерзкого рывка своей карьеры он никак не ожидал.

«А вы политик, ваше величество. Расчетливый политик, право слово. Немец, а живо перекрасились в славянина!»

Генерал пожал протянутую ему монархом ладонь. Благодаря полученной вчера депеше из Ливадийского дворца Слащев прекрасно понял всю подоплеку такого назначения.

То, что сейчас происходило между Россией, Болгарией и Венгрией с одной стороны, и Румынией с другой, не вписывалось ни в какие рамки, то есть шла самая настоящая война, без объявления таковой.

Над этим казусом сам Слащев голову не ломал — его дело воевать, но вот какие чудеса, причем малоприятные, такое положение могло сотворить, приходилось только гадать.

Причем союзники спрятались, другого слова здесь и не подберешь, за спину русского

императора, признав его верховенство. Так и сейчас, вручив командование над болгарской армией, царь мог откреститься в случае чего — мол, я не я. И армией русские командовали.

— Мои генералы ждут ваших приказаний, Яков Александрович!

Царь натянуто улыбнулся и показал рукою на группу болгарских офицеров, что стояли в отдалении.

«Да нет, не предадут болгары, мы теперь одной веревочкой связаны», — Слащев поклонился и произнес вслух, тщательно произнося для лучшего понимания каждое слово.

— Не впервые русским переправляться через Дунай, но сегодня особый день, ваше величество. Русские и болгары впервые его переходят в обратном направлении, не на Константинополь, а на Бухарест!

Ливадия

Адмирал Колчак с превеликим трудом все же взял себя в руки, подавив вспышку ярости на столь глупейшее решение незнакомого с флотом дилетанта, и ледяным голосом осведомился, переходя на официальный тон:

— Я тридцать лет служу на кораблях флота его величества, а потому прошу вас поведать о той оценке, что дали вам заслуженные моряки. Я готов присоединиться к их мнению, хотя не знаю, что они вам в точности сказали. Я готов выслушать, ваше высокопревосходительство!

— Оценка была дана по многим параметрам, я даже запутался, ваше высокопревосходительство! Общий знаменатель можно охарактеризовать одним словом, достаточно выразительным и емким!

— И каким же?

— Дерьмо! Вполне убедительно!

— Ничего, не понимаю! — Колчак опешил. — Если вы знаете оценку и, более того, разделяете ее, то почему продолжаете настаивать?! Вы же умнейший человек! У меня просто нет слов...

— Нет слов, это хорошо. Тогда прошу вас, адмирал, выслушать мои куцые познания в этом вопросе — достаточно ли они верные? Наберитесь терпения, Александр Васильевич, я совсем не склонен к розыгрышам!

— При чем здесь это, Константин Иванович. Вы заслуженный генерал, вы громили чехов и красных, к вашему мнению по ведению войны я готов не только прислушиваться, но и разделять его. Но то, что касается кораблей, извини меня, но ты...

— Я знаю свою некомпетентность в этом вопросе! — покладисто, с мягкой улыбкой, согласился с произнесенными адмиралом словами Арчegov. Он с облегчением вздохнул — адмирал снова перешел на ты, а это означало, что кризис миновал, и внушало надежду.

— Но я руководствовался политическими соображениями, и, поверь, они достаточно весомые. Я тут полистал справочник и пришел к выводу, что если мы возьмем у англичан их старые двенадцатидюймовые линкоры, то выбросим деньги на ветер. Их измордуют прежде, чем они урон противнику сделают. Даже удрать не могут, тихоходные калоши. Впрочем, той же точки зрения, как я знаю, придерживаешься и ты.

— Они нам не нужны, ибо намного слабее того же «Ушакова». Хотя в сравнении с «белыми слонами», что неразумно предложил ты в своем неведении, они гораздо предпочтительнее...

— Не суди опрометчиво, мой адмирал, ибо все познается в сравнении. Одно для меня окончательно стало ясным — наш шаг будет принят их лордствами за безумство. Или маниакальным желанием пошвырять деньгами за абсолютно непригодные игрушки!

— Еще бы! — усмехнулся Колчак. — Они сами именуют «Courageous» в «Outrageous»,

«Glorious» в «Uproarious», а «Furious» в «Spirious»!

— Отважный стал скандальным, славный — шумным, а разъяренный превратился в фальшивого. Весьма уместное переименование. Впрочем, последний корабль уже выбыл из строя, в авианосец сейчас переделывают. Да, по большому счету его 457-мм орудия не нужны ни англичанам, ни нам. А вот насчет первой парочки у меня есть соображения.

— Позволь их узнать, господин генерал-адмирал! — язвительным голосом осведомился Колчак.

— Ты меня флотским фельдмаршалом не делай! Мне адъютантства при царе достаточно! — ухмыльнулся Арчegov, но заговорил серьезно. — Давай так! Я тебе говорю все, что касается этого сделанного мною выбора, а ты выслушиваешь внимательно. Будь моим другом пока, а не врагом, я прошу тебя, Александр Васильевич!

— Хорошо, — после небольшой паузы отозвался Колчак, удобнее устроился в кресле и скрестил руки на груди.

— В свое Время я прочитал о Первой мировой войне много. В том числе и о флоте, без этого просто никак. Так вот, что касается линейных крейсеров. Они являются детищем, причем самым любимым, Первого лорда адмирала Фишера. Согласно расчету, они при меньшем числе орудий главного калибра, эквивалентным тем, что стоят на линкорах, имеют большую скорость, которая и есть их главное оружие. Они легко смогут догнать эскадру из тех же линейных кораблей, навязать им бой и вести какое-то время до подхода своих главных сил. Вроде охоты на волков, когда борзые догоняют этого зверя, останавливают его и ждут ловчих.

— Уместное сравнение, — хмыкнул Колчак, но приводить свои соображения не стал, так как обещал выслушать молча.

— Но если водоизмещение не увеличивать, то надо чем-то поступиться. Потому бронирование было принесено в жертву. Так двенадцатидюймовые «инвинсиблы» имели пояс всего в семь дюймов, а более крупные «лайоны» при 13,5 дюйма главного калибра несли девятидюймовую бортовую броню. Надеюсь, я все правильно изложил?

— Пока возражений нет. Про первые сами англичане говорили, что это «яичная скорлупа, вооруженная тяжелыми молотками»! А «кошки» Фишера имеют слишком тонкую шкуру, что привело к гибели сразу трех линейных крейсеров в Ютландском бою, — адмирал говорил спокойно, как маститый боцман, объясняющий азбучные истины нерадивому новобранцу.

— Конечно, 229 мм брони для «Тайгера» смешно, а вот 225 мм для русского линкора «Севастополь» в самый раз, — Арчegov хлопнул ладонью по «Джейну» и бросил ироничный взгляд на Колчака. Адмирал неожиданно рассмеялся, подняв руки в немом жесте согласия.

— Уел ты меня, крупа сухопутная. Только учти, что «Кореджейс» прямой потомок «Инвинсибла», на котором ради достижения еще большей скорости броневой пояс стал всего в три дюйма, зато калибр главной артиллерии достиг 381 мм. — Колчак говорил глухо, сцепив пальцы в «замок» на колене. — «Рипалс» является его дальнейшим развитием, скорость те же 32 узла, вместо 4-х пушек шесть, а броневой пояс утолщен до 6-ти дюймов. Все равно даже 152-мм броня на таком большом корабле выглядит не просто смешно — она пробивается на всех дистанциях боя. В линии их невозможно использовать, а для действий в океане они слишком велики. Создание линейных крейсеров с 15-дюймовыми пушками, я считаю, величайшая ошибка британского Адмиралтейства. Ибо это предельно несбалансированные корабли в сравнении с теми же «кошками»!

— Если «слоны» окажутся в наших руках, то будут ли они представлять угрозу британскому флоту, или какому либо другому, который войдет в Черное море?

— Нет! — жестко произнес Колчак. — В бою против линкоров они беззащитны, первое попадание лишит их скорости. А набеговых операций не может быть по определению, не

против турок же ведь, что флота уже не имеют. Пользы с них никакой, их просто перетопят, как худых котят!

— Вот и славненько! Как раз то что надо...

— Ты безумец!

— Не суди опрометчиво. Если ты и другие наши моряки пришли к этому соображению, значит, и англичане будут думать точно так же. И не заметят подвоха, а когда сообразят, то будет поздно!

— Так, — задумчиво потянул Колчак. — Ты опять что-то замыслил, а я не разглядел. Потому выкладывай все начистоту, хватит ходить вокруг да около. Времени у меня мало, Константин Иванович, а ты, нутром чую, превеликую пакость замыслил!

— Помнишь, Александр Васильевич, я тебе однажды про Вашингтонское соглашение 1922 года сказал? Там в поезде, в первые дни нашего с тобою Знакомства?

— Сказать-то ты и сказал. А вот подробности как-то не привел, хотя я и просил. И позже увильнул от моих вопросов, — улыбнулся Колчак. — И что это за соглашение?

— Ограничение морских вооружений в количественном и качественном отношениях. Инициатором выступили САСШ, что в годы войны достигли небывалого экономического могущества. Нажились за океаном, стали заимодавцем европейских стран, вот те и отказать не сумели. Впрочем, деваться последним было некуда, в долгах как в шелках все, даже Англия, да и экономика после войны находилась не в лучшем состоянии, и бремя новой гонки вооружений могла не выдержать. В Америке рассудили просто — если есть возможность добиться всего без излишних затрат, то этого следует добиваться. А если будет паритет между флотами Англии и САСШ, то можно творить что угодно в мире, по рукам никто не врежет.

— Резонно!

— На конференции приняли решение ввести качественные и количественные ограничения. Первые определили тоннаж новых линкоров 35 тысячами тонн, а калибр орудий 406 мм — как раз такие корабли в северной Америке и имелись. Большими размерами янки строить никак не могли — через Панамский канал не пройдут. А значит, нельзя позволить никому вводить в строй более крупные и мощные корабли, чем у флота САСШ.

— Хм! — Колчак задумчиво почесал пальцем переносицу. — А как насчет количественных ограничений?

— Совокупный тоннаж линкоров для пяти главных стран, после долгой ругани, определили следующий — Штаты и Англия свыше 500 тысяч тонн, или 15 новых единиц, Япония более 300, или 9 штук, ну а Италия с Францией по 175 тысяч тонн, или по 5 линкоров каждая. Это по максимальному водоизмещению кораблей, без учета топлива, воды, команды и запасов.

— Ты почему мне об этом не сказал раньше?!

Колчак снова закипел гневом, глаза пылали огнем, он даже в сердцах затушил папиросу, но тут же закурил новую. Арчegov тоже потянулся за папиросой, тихо пояснив:

— Ты не сердись, я просто детали запомнил. А недавно словно осенило. Наверное, ранение в голову так на память повлияло. Давно ведь читал, мимоходом — и почти все вспомнил...

— Прости, я погорячился! — буркнул Колчак. — Ну и как они по этому соглашению договорились?

— Поначалу решили не строить новые корабли десять лет, введя так называемые «каникулы», стоящие на стапелях линкоры разобрать. Тут взъерепенились японцы — «Нагато» они уже построили, а «Муцу» был готов на 95 процентов. После долгих споров японцы новые корабли отстояли, но взамен американцы к одному готовому линкору с 16-дюймовой артиллерией выторговали право достроить еще два таких корабля. А это смертельно обидело

англичан, которые ввели в строй только «Худ» с 15-дюймовыми пушками. Им позволили, в виде исключения, с нуля построить два линкора установленного максимального тоннажа с пушками в 406 мм — «Нельсон» и «Родней». Французам и итальянцам разрешили через семь-десять лет тоже заложить по три новых линкора, но у тех просто денег не нашлось.

— С этим понятно. И что — французы с итальянцами так легко согласились на второе меньший линейный флот?

— Уломали, сам знаешь — кто платит, тот музыку заказывает. Хотя пилюлю подсластили — японцам разрешили за счет тоннажа оставить один из линейных крейсеров, европейцам же оставили все линкоры и броненосцы, из тех, что поновее. Впрочем, даже разрешенный флот содержать в Париже и Риме оказались не в состоянии, вскоре пустив на слом большую его часть, оставив более мощные линкоры.

— На слом?!

— Ага, продажу в третьи страны запретили, — кивнул Арчegov. — Только это еще не все. Соглашение касалось и крейсеров, там тоже ввели количественные и качественные ограничения.

— Угу, — буркнул Колчак — он уже не слушал, а внимал, настолько его захватила информация о будущем.

Александр Васильевич, хотя испытывал жуткую нехватку времени, решил «выпотрошить» касательно флотских дел Арчegovа полностью, с пронзительной ясностью понимая, что покушение на генерала могло поставить крест на многом.

Эти знания из будущего, пусть и дилетантские в некоторых морских вопросах, были действительно необходимы. А для работы есть еще ночь, а поспать можно и в кресле на мостике, когда эскадра пойдет к румынским берегам...

Лейпциг

— Придется отступать, иначе окружат!

Майор Хайнц Гудериан, командир 7-го отдельного фузилерного батальона спокойным движением руки вставил цейссовый бинокль обратно в футляр.

Того, что офицер увидел, оказалось достаточным для принятия такого решения, пусть и больно бывшего по его самолюбию. На войне нет места эмоциям и желаниям, на первом месте всегда должна стоять жесткая целесообразность. И никак иначе!

Красные, как всегда, действовали в привычной для себя манере, навязав своей пехотой бой по всему протяжению фронта, их кавалерия, при поддержке артиллерии и бронеавтомобилей, обрушивалась на фланги, стремясь как можно быстрее найти самое уязвимое место.

Затем сосредоточивались значительные силы, устремлявшиеся в прорыв и выходившие в тыл противника.

После чего тому приходилось немедленно отступать, чтобы не оказаться в окружении с последующим уничтожением.

Как не походила эта маневренная война на окопную бойню Западного фронта. Одно сравнение точно подходило — каша, сваренная из разных злаков, где все перемешано.

Так и тут — будто слоеный пирог из германцев, что друг с другом сцепились, и русских красных, что большевистскую заразу на эту землю принесли, такую, что чума насморком покажется.

А ведь в ноябре позапрошлого года уже стало ясно, как легко немецкие солдаты, побывавшие на Восточном фронте, коммунистической агитации подвержены.

Какому идиоту в голову пришло решение вывести Россию из войны, разложив ее

революцией.

Теперь эта болезнь поразила старую, добрую Германию, и средств к исцелению нет — слишком многие немцы видят в большевизме спасение нации от оков позорного Версальского мира. И число их растет с пугающей быстротой...

— Вот черт!

Впервые Гудериан выругался в адрес бывшего кайзера и генералитета. Но руганью не поможешь делу, фронт рвется, словно гнилая тряпка.

Удержать его десятью дивизиями невозможно — красные, используя трофеи победной для них польской войны, бросили втрое большее число соединений, причем в коннице у них подавляющий перевес.

И самое страшное, что есть люди, желающие сражаться с большевизмом, но нет оружия для них и боеприпасов — проклятые французы не только разоружили, они все вывезли или уничтожили.

Вот и приходится не ввязываться в продолжительные бои, имея по три обоймы на винтовку и ленту на пулемет. Какие уж тут сражения!

— Герр майор, взяли пленного!

Гудериан повернулся — молодой парень в длиннополой шинели с синими лацканами на груди, с окровавленным рукавом, стоял ровно, гордо задрав подбородок.

— Как зовут! Какая часть? Кто командир?

Не слушая торопливого перевода, Гудериан всматривался в лицо пленника. Тот смотрел на него дерзким взглядом, решительным и непреклонным. И сплюнул кровью под ноги, перед тем как начал отвечать.

— Красноармеец Иванов 27-го кавалерийского полка. Командиром у нас Константин Рокоссовский. А более тебе, контра, я ничего не скажу! Мы вас всех, сволочей, в Рейне утопим!

— Знакомый полк и командир — второй раз встречаемся. Достойный противник. А этого расстрелять! — Гудериан зло усмехнулся и, повернувшись к офицерам, пояснил жестким голосом. — Они нас тоже отправляют, как это по-русски — «в расход», так что, майн герр, у нас нет выбора. На гражданской войне не до сантиментов!

Ливадия

— Один наш историк обыграл название «Кореджейса» так — это «линейный крейсер» с бронированием «легкого».

— Удивительно точно подмечено, — Колчак пожал плечами. — Вот только такое совмещение привело к абсолютно ненужному кораблю.

— Здесь сыграла свою роль победа «кошек» Битти под Гельголандом в самом начале войны, когда они истребили немецкие крейсера. Уйти удалось лишь тем, кто имел большую скорость, чем корабли англичан. Потому «слоны» построили более быстроходными, за счет ослабления бронирования. Зачем утолщать броневой пояс, если предназначены «слоны» для уничтожения только легких крейсеров?!

— Немцы подозревали Джона Фишера в безумии, и в этом кое-что есть от правды, — задумчиво произнес Колчак. — Зачем строить корабли с водоизмещением большим, чем у первых линейных крейсеров, абсолютно неспособных противостоять в схватке с равным по силе противником? Да с тем же флагманом контр-адмирала Ораса Худа «Инвинсиблом», что на десять лет построен раньше? Ради того, чтобы истребить вражеский легкий крейсер, что в пять раз меньше?! Безумно дорогая затея, тебе так не кажется, Константин Иванович?

— Совершенно верно, Александр Васильевич. Однако Англия богата, и смогла оплатить

эксперименты Первого лорда Адмиралтейства. Но вот такая штука — от строительства «Кореджейсов» британцы не отказались, но в более дешевом варианте. Однако любому крейсеру с артиллерией в 6 дюймов они устроят быстрый кирдык, даже нашего «Адмирала Нахимова» быстро потопят, ибо тот удрать не сможет. Если мы, конечно, его построим.

— Ты имеешь в виду новейшие крейсера «Хоукинс» водоизмещением в десять тысяч тонн, со скоростью в 31 узел и с артиллерией в 190 мм, Константин Иванович? Но построено только пять, да и то один в авиатранспорт переделан, лишившись четырех орудий из семи.

— Тем не менее в Вашингтоне именно их возьмут за образец, назвав тяжелыми крейсерами. Ограничат водоизмещение десятью тысячами тонн, а главный калибр 8-ю дюймами. Первыми их начнут строить англичане для защиты своих коммуникаций. Втиснут по 6–8 орудий, обеспечат тридцатиузловую скорость и большую дальность плавания.

— В ущерб бронированию? Иначе невозможно, — Колчак прищурил глаза и пояснил свою мысль. — Водоизмещение небольшое для столь скоростного, мореходного и хорошо вооруженного корабля. Я по тому же «Хоукинсу» сужу — тоннаж практически одинаков.

— Ага, те же «кошки», только всмятку. Броня в дюйм, только погреба и машинное отделение лучше прикрыли. Их окрестили «картонными крейсерами», а моряки называли «жестянками». Но даже подобные мы построить просто не в силах! Но хотелось бы иметь нечто, способное данные крейсера перетопить не глядя.

— «Тин класс», — усмехнулся русский адмирал.

— Ага, «жестянки», — пожал плечами Арчegov, глядя раненое предплечье. — Так вот — Фишер, пусть и безумный, но словно заглянул в будущее. И построил корабли, словно специально созданные для уничтожения тяжелых «вашингтонских» крейсеров.

— Потому ты хочешь эту пару «слонов» прикупить?

Колчак встал, задумался, молча прошелся по мягкому ковру. Затем подошел к Арчegovу и пристально посмотрел тому в глаза.

— Решил их упредить?! Спору нет — они намного сильнее такого договорного корабля и уничтожат их легко — против 15-ти дюймов ни один тяжелый крейсер не устоит. Что ж — в твоём предложении большой резон, извини за недавнюю вспышку. Вот только подарят ли нам их?

— А почему бы и не подарить за энное количество золотишка, как договаривались?! Для чего ты меня тут на все боцманские ряды склонял, и сам же меня убеждая в их бесполезности?! Англичане сейчас рады будут любому покупателю! И с удовольствием избавятся от этой парочки, если она надежно будет заперта в Черном море. Или не так?!

— Так, конечно. Здесь они бесполезны, я не отказываюсь.

— Потому-то я тебя и спрашивал, дабы понять реакцию лордов адмиралтейства, — Арчegov усмехнулся. — И остался полностью удовлетворенным началом нашего разговора. Однако я не такой дурак, чтобы запереть бесполезные корабли на Черном море...

— Ты хочешь направить их на Дальний Восток?! — Колчак только сейчас понял иезуитский план Арчegovа.

— А деньги на что Вологодский выделяет?! И экипажи сейчас набирают, хотя кораблей и в помине нет! Но тысяча матросов будет обучена вскорости! Не жирно ли будет здесь, когда у нас там японцы с каждым часом борзеют?! А мы им сюрприз в виде пары «легких линейных крейсеров», что могут хорошо порезвиться в тамошней фарфоровой лавке. У наших косоглазых «союзников» сейчас нет кораблей, способных «белых слонов» догнать. Ни убежать от них! А потому они могут действовать почти безнаказанно в тех водах.

— Но в Токио отнесутся к нашему приобретению очень настороженно, а ведь Англия их союзник!

— Мы для обмана предложим британцам самим привести «слонов» в Севастополь, и они за это предложение ухватятся. И «дерьмо», от которого сами не знают, как избавиться, нам впарят за приличные деньги, и с Черного моря не выпустят, так как их эскадра в проливах, — Арчegov усмехнулся, а Колчак хлопнул ладонью по коленке, лоб собрался морщинами. И тут же выдал, с восхищенной улыбкой:

— Беспрониграшная ситуация! Ну ты и удумал! И как намерен позже из Севастополя их вытащить?!

— Трудная задача...

— Согласен, — Колчак делано-равнодушно пожал плечами. — Вот только ты уже придумал, как ее в нашу пользу повернуть, иначе бы не настаивал на этой безумной затее.

— Так англичане нам навстречу в чем угодно пойдут, за сибирские концессии. Пропустят они наших «слонов», куда деваться, выгода намного дороже! Да и японцы их союзниками недолго пробудут — в Вашингтоне англо-японский договор будет заменен соглашением пяти держав. Нет, отставить! Шести держав — к этому времени с нами снова считаться начнут, в этом я уверен как никогда.

— Не смейся, у нас флота почти нет! Ты попроси у Вологодского денег — «Марию» восстановить нужно, «Императора Николая» достроить надо кровью из носа...

— Зачем?! Это уже устаревшие корабли, ни скорости, ни мощи! Деньги на ветер выбросим!

— Случись что с «Ушаковым», и мы останемся без единственного линкора. На старых броненосцах машины ремонтировать будем?!

— С Балтики пару «Севастополей» переведем...

— А ты уверен, Константин Иванович, что большевики, если мы их будущим летом прижмем, линкоры не взорвут? — Колчак склонил голову, глаза сверкали гневом. — Шестая держава мира?! Как же — с одним линкором и парочкой «слонов»!

— Ты успокойся, Александр Васильевич, — мягко произнес Арчegov. — Когда имеешь дело с Москвой, то нельзя быть уверенным ни в чем. Потому к «большим крейсерам» нужно пару мониторов купить с такой же артиллерией, как раз для балтийского мелководья. Да еще 3–4 крейсера — большее мы просто финансово не потянем.

— Да понимаю я, — буркнул Колчак, обиженно засопев. — Мне просто за флот обидно!

— А мне за державу. Ладно, открою тебе один секрет, — Арчegov заговорщицки подмигнул и открыл «Джейн». — Тебя вот такие красавцы устроят? Много не обещаю, но парочку, а то и три штуки выклянчим. Не сейчас, конечно, но очень скоро...

— Ты издеваешься?! Кто ж нам «Орионы» продаст?! Да даже если бы британцы и захотели, у нас столько золота просто нет.

— А мы по остаточной стоимости приобретем, когда в Лондоне начнут Вашингтонское соглашение соблюдать и все линкоры, кроме 15-дюймовых, на слом пустят.

— Так ведь ты говорил, что продажа в третьи страны будет настрого запрещена?!

— Говорил, — согласился Арчegov. — Но что нам мешает сейчас заключить с британцами предварительное соглашение, по которому они передадут нам два-три линкора, если королевский флот решит по каким-либо причинам вывести их из своего состава. Причем указать, что данный договор выполняется в приоритетном порядке, независимо от любых договоренностей Великобритании с другой страной, либо группой держав. И совершить предоплату золотом, в размере миллиона рублей. Вот они над нами смеяться будут, пока в Вашингтоне дебаты не пойдут!

— Кхм...

Колчак закашлялся — удар оказался слишком силен. Адмирал подумал, что до такого он бы не додумался.

Право слово, с военным министром лучше не играть, прохиндей еще тот, на все события у него свои варианты заранее заготовлены.

— Худо мне, Александр Васильевич, устал я...

— Ты отдыхай, Константин Иванович, сейчас врача позову. А мне пора в Севастополь. — Колчак поднялся, пожал мягкую ладонь молодого генерала, что безвольно лежал на подушках, и быстро вышел из комнаты, сделав знак ожидающему на диване доктору.

Адмирал вышел из дворца, не обратив внимания на застывших солдат охраны, и стал спускаться по лестнице. И тут внезапно остановился, машинально хлопнув себя по лбу. Он вспомнил тот по-детски наивный и честнейший взгляд Арчегова, с которым он уже раньше встречался.

— Где-то он меня провел! Слишком уж... нет, тут что-то не то?!

Яссы

Холодный осенний туман продолжал окутывать землю густым покрывалом. Однако наступающее утро потихоньку подступало, и кое-где уже рвалась молочная завесь, покрываясь сквозными проплешинами, словно одежда нищего сквозными дырками.

— Самое удобное время для атаки, — пробормотал Фомин, заглядывая на большой циферблат наручных часов.

Стрелки медленно ползли по кругу, отмеряя минуты — до расчетного времени оставалось еще полчаса.

— Сколько ни дыши, а все мало, не надьшишься!

Семен Федотович негромко выругался, затем с облегчением вздохнул, в который раз мысленно усмехнувшись над своими страхами и тревогами.

И в бой вроде ходил много раз, ан нет, перед каждой атакой волнение так и забирает, нагнетая излишние страхи и тревоги.

— Господин майор, экипажи в танках, — за спиной раздался негромкий голос помощника, и Фомин обернулся.

— Хорошо, Оскар Оскарович, — тихо ответил Семен Федотович и улыбнулся.

Капитан-лейтенант Ферсман, назначенный его заместителем или помощником, если исходить из нынешних реалий штатного расписания, две недели тому назад, произвел самое благоприятное впечатление. И что немаловажно в нынешней ситуации, имел порядочный боевой опыт, полученный именно на английских «Марках».

Дело в том, что он командовал танком «Капитан Крони» в октябрьских боях под Петроградом в прошлом году. Когда же армия Юденича отступила в Эстонию, то его назначили командиром посыльного судна «Китобой», стоявшего в Ревеле, уже переименованного эстонцами в Таллинн, под Андреевским флагом.

Хозяева, уже присвоившие русскую канонерскую лодку «Бобр» и с два десятка мелких кораблей, катеров и судов Балтийского флота, снова решили пополнить свои военно-морские силы за русский счет.

Сами чухонцы качать права не посмели, обратившись за помощью к англичанам, благо некоторый опыт уже имелся.

Именно британцы заставили спустить красные флаги на двух русских эсминцах, под угрозой немедленного расстрела.

Командовавший отрядом бывший мичман Ильин, взявший новую фамилию «Раскольников» (в честь героя Достоевского, который с помощью топора вершил революционное правосудие), презрев заветы Петра Великого, сдался в плен, даже не попытавшись хотя бы затопить свои

корабли. А захваченные эсминцы англичане просто отдали эстонцам, наотрез отказавшись передавать генералу Юденичу.

Однако старший лейтенант Российского императорского флота, даром что немец, оказался не четой красному военмору.

Ферсман категорически отказался спускать флаг и приготовился принять последний бой прямо в гавани, ибо шансов на прорыв не было, против двух мелкокалиберных пушек «Китобоя», на каждом из двух английских эсминцев было по четыре 102-мм орудия — чудовищное неравенство!

И шантажисты унялись, даже наоборот — британский командер выразил восхищение русским мужеством, а в адрес эстонцев отозвался весьма нелицеприятно.

Этот поступок аукнулся как нельзя кстати для Фомина сейчас — сразу десяток бывших танкистов в морской форме пополнили его 2-й танковый отряд, полностью укомплектовав экипажи двух «Марков», получивших почетные наименования в честь адмиралов Непенина и Саблина.

Первый из них был убит матросами в марте 1917 года на Балтике, а второй, уже смертельно больной, увел от лощеных британцев в 1919 году крейсер «Кагул» и другие корабли Черноморского флота из занятого интервентами Севастополя в Новороссийск.

В остальных четырех отрядах Отдельного танкового полка подполковника Мироновича морских офицеров хватало с избытком — многим добровольцам пришлось отказать в зачислении, ибо все вакансии оказались заполненными в один день.

Фомин взял к себе, кроме танкистов Ферсмана, еще только пятерых офицеров — всех с эскадренного миноносца «Беспокойный», с которыми имел честь беседовать во время недавнего плавания...

— Аэропланы, Семен Федотович!

Ферсман показал рукою в закрытое пока туманом небо, откуда раздавался стрекот авиационных моторов.

Все правильно — авиация появилась вовремя, и для того, чтобы провести бомбардировку вражеских позиций, и еще заглушить рев танковых двигателей, скрыть для румын до последней минуты выход тяжелых танков в атаку.

Оборону противника под Яссами император предложил проломить, будто гнилой пень тяжеленным колуном, мощным ударом полусотни танков — всех, что имелись на юге России.

Первыми в атаку должны были пойти отряды английских ромбовидных танков при поддержке артиллерии и одного полка дроздовцев.

После прорыва позиций успех должны были развить главные силы дивизии, оставшиеся два танковых отряда, в которые вошли более легкие бронированные машины — французские «Рено» и английские «борзые».

Вести танки в бой массированно предложил сам Фомин в первый день своей встречи с Мики. Семен Федотович тогда решительно отказался от назначения на «теплое местечко». А потом последовал нервный, долгий и тяжелый разговор...

— Пора, Оскар Оскарович! — Фомин отринул переживания и громко закричал: — По машинам! Заводи!

И словно по мановению волшебной палочки через минуту со всех сторон стал доноситься гул заработавших «Риккардо» — танкисты свое дело знали и двигатели холили и лелеяли, ибо нет для артиллерии более привлекательной мишени, чем вставший из-за поломки танк.

— Спаси и сохрани, Господи, раба твоего грешного! — пробормотал Семен Федотович, подходя к своему танку с надписью «Генерал Скобелев», написанной большими белыми буквами, и украшенного на носу эмблемой танковых частей — рыцарским шлемом с двумя

скрещенными мечами. Последняя отдаленно напоминала французскую, но там вместо мечей были орудийные стволы. Громко лязгнула броневая дверь, и Фомин бочком нырнул в танковое чрево.

Внутри ощутимо воняло парами бензина и выхлопными газами, рев двигателя в железной коробке бил по ушам, и если бы не введенный еще летом в бронечастях шлемофон, то уши бы оглохли.

Сделав несколько шагов, Семен Федотович поднялся в рубку, немедленно усевшись на жесткое креслице, и скомандовал механику-водителю князю Микеладзе, что сидел рядом, крепко ухватившись за рычаги:

— Вперед!

И почувствовал, что волнение куда-то пропало, душа успокоилась, а через откинутый броневой лючок кое-где виднелась желто-зеленая полоса возвышенности, еще прикрытой густыми хлопьями редющего тумана...

Констанца

— Там хоть живые-то остались?

Вопрос повис в пустоте, вряд ли слышимый сгрудившимися на «болиндере» морскими пехотинцами. Да и сам капитан 2-го ранга Петр Игнатьевич Тирбах с почтением взирал на лежащий перед ним приморский город, раскинувшийся по сторонам.

Смотреть было действительно жутко — открывшая огонь румынская полевая батарея тут же попала под обстрел из двенадцатидюймовых орудий линкора «Адмирал Ушаков».

Тяжелые фугасные снаряды, чуть ли не в три десятка пудов, вздымали в небо при взрыве огромные, видимые издалека устрашающие султаны.

Русская десантная флотилия подходила к берегу под прикрытием мощной артиллерии линкора, хотя румыны, впавшие в панику при первых чудовищных разрывах, уже не сопротивлялись, если не считать ту злосчастную батарею, что не успела даже толком пристреляться.

— Так им и надо!

— Хорошо всыпали!

Морские пехотинцы с довольным видом и ухмылками скалили зубы, весело переговариваясь между собою.

Молодые парни в камуфляжной форме с бело-зелеными угольниками сжимали в руках исключительно автоматическое оружие, что уже малой серией изготавливали на Ново-Ижевском заводе под Иркутском.

«Хлысты», «плети» и «нагайки» были у всех, вот только сибиряков имелась в десанте всего одна рота — сто сорок хорошо обученных стрелков, что вместе с командиром прибыли от берегов Амура за месяц нудной измотавшей всех дороги.

Эшелон следовал через всю Сибирь, там на пароходах по Уралу и Каспию, затем железной дорогой через весь Северный Кавказ до Новороссийска. И снова морем на транспорте до Одессы, под конвоем эсминцев.

Тирбах никогда еще не видел такой грозной силы, что собралась у берегов Румынии. Из Севастополя пришла эскадра под флагом командующего флотом — линкор, крейсер и полдюжины эсминцев.

Из Одессы выдвинулись транспорты, на которые погрузилась гренадерская дивизия — десять тысяч здоровенных мужиков, вооруженных до зубов.

В сопровождение придали яхту «Алмаз», превращенную в гидроавиатранспорт с семьёю

«летающими лодками» на борту, канонерские лодки «Терец» и «Кубанец», а также три угольных эсминца в прикрытие.

Из захваченного Сулина вышла десантная эскадра, из «болиндеров» и «эльпидофоров», имевших небольшую осадку и способных вплотную подойти к берегу.

На них погрузилась единственная бригада морской пехоты — четыре тысячи стрелков, уже получивших опыт одной удачной высадки.

Сейчас под Констанцей собрался весь русский флот, кроме подводных лодок, что вышли к Босфору.

Последние имели одну задачу — если через пролив последует французская эскадра в составе двух линкоров и крейсера, то «пернатые» (подлодки Черноморского флота имели исключительно названия птиц) должны были их немедленно атаковать...

— Приготовились к высадке!

Тирбах отдал приказ, вглядываясь в приближающийся берег. «Болиндер» шел прямо на него, оставляя причалы транспортам.

Стрельбы с берега не было, там царила полная тишина, не нарушаемая взрывами от снарядов корабельной артиллерии.

Даже пулеметной стрельбы не велось, из винтовок тоже не стреляли — словно румынские солдаты бежали сломя голову, а генералы решили оставить порт врагу. Потому русские корабли молчали, хищно уставив на запад орудийные стволы.

Толчок бросил вперед сидящих десантников — самоходная баржа уткнулась носом на мелководе. Заскрипела лебедка, опуская носовую аппарель.

Тирбах моментально оценил обстановку — до берега едва метров тридцать, воды будет едва по пояс. Сзади застыл «Генерал Корнилов» — канонерская лодка типа «Эльпидофор», грозно уставившая пару мощных 130-мм пушек. Под таким надежным прикрытием можно смело идти в бой.

Вот только врага не было видно, лишь крики растревоженных чаек будоражили нервы. И офицер громко скомандовал:

— На высадку! Пошли!

Ливадия

— Мики, я знал, что Версальский мир грабительский, вот только не ведал, насколько он несправедливый! — Арчegov повернулся и взял один из листков, что лежали на столике рядом с кроватью.

— Смотри, что получается. После франко-прусской войны, что полвека тому назад была, Германия истребовала контрибуцию в 12 миллиардов франков — это три годовых бюджета Франции. Еще немцы подчистую выгребли золотое обращение с запасом на 2 миллиарда франков, плюс аннексировали Эльзас и Лотарингию. Тяжелые условия?! Французы называли их чудовищными, однако наложенную на них контрибуцию чуть ли не за два года выплатили.

— Тут я спорить не буду!

Михаил расположился в удобном кресле, почти напротив, с другой стороны столика. Император курил, выдыхая дым в сторону, ибо Арчegov решительно стал бороться со своей привычкой, ограничив себя пятью папиросами в день.

— Теперь же по настоянию Парижа тевтоны должны заплатить в течение сорока лет 132 миллиарда марок, это 22 годовых бюджета. У них изъяли все золото, еще на 6 миллиардов. Отрезали массу земель в пользу соседей, отобрали колонии, да еще заняли Саар, центр угольной добычи.

— Тут понятно — раз и навсегда обескровить Германию, не допустить в будущем ее усиления. Это и привело к реваншу в 1940 году, как ты мне говорил. Сейчас уже хуже — в Германии снова началась революция, вызванная приходом Красной армии. Я думаю, французам очень скоро аукнется их поразительная недалекость!

— Абсолютно в точку, Мики. А потому пора трогать их за вымя, как говорил Остап Бендер.

— Ты опять мне про него талдычишь, — усмехнулся император. — А я ведь эту книгу не читал...

— И не прочитаешь уже, ибо большевики вряд ли победят в гражданской войне!

— Они не овладеют Германией?!

— При чем здесь она, Мики? Они распылили силы и могут не удержать тот кусок России, на котором сейчас кровь сосут! Тут им нужно было либо нас кончать, либо бросить все силы в Европу. Выполнить обе эти задачи одновременно невозможно! На этом и строился расчет — пользу от их похода на запад мы получили немалую, но нужно содрать намного больше, и желательно побыстрее, пока на них страх действует. Так что пора трогать их за вымя, а то момент упустим.

— Что ты предлагаешь?

— Милюков уже в Париже, так что пора высылать инструкции. К этому времени большевики половину Германии займут и наших галлов холодный пот пробьет, покладистыми сделает. Дадим на выбор три варианта...

— Ты отступаешь от своей привычки, — глаза Михаила Александровича сверкнули непонятым удовлетворением, которое тут же исчезло. — На этот раз два неприемлемы для них, а один выгоден нам. Так ли это?

— Абсолютно. Предложим поделиться контрибуциями и репарациями — борзеть сильно не будем и удовлетворимся третьей от всего. Это сушая мелочь — два миллиарда марок золотом и свыше сорока прочим добром. Можем снизить до четверти, но это предел наших уступок.

— Их скорее жаба задушит!

— А нас обида! Потому мы можем предоставить Францию своей участи — они к революциям привычны, так что живо вспомнят гильотину, благо идут-то на них русские, как никак союзники. Сами семнадцатый год живо вспомнят, когда «паулю» за малым чуть на Париж не пошли, и с трудом волнения в армии подавили.

— Переходи к третьему варианту, Костя, ибо этот намного страшнее первого. Большевистская агитация туда тоже добралась. Посол тон уже сбавил, угрожать перестал. У меня даже впечатление сложилось, что он не прочь всю Румынию нам за помощь отдать.

— Румынию не нужно, нам бы свое вернуть. А потому мы откажемся от аннексий, репараций и контрибуции в пользу «прекрасной Франции» и Бельгии — пусть задавятся, пакостники!

Арчegov зло скривил губы — французов он на дух не переносил, особенно после того, что они устроили. Прижимистые торгаши, даже щедрыми быть не умеют, в отличие от тех же англичан, что крайне редко, но на такое способны. Пусть только из-за выгоды, но все же.

— В ответ французы и бельгийцы высоко оценивают союзническую помощь России в войне, пролитую нами кровь, и «благородно», что позволяет им выглядеть сущими благодетелями, освобождают нас от выплат и списывают все государственные займы. Что касается займов от частных владельцев, то выплаты по процентам или их выкуп берет на себя правительство Четвертой республики. В принципе сумма не столь большая — каких-то 18 миллионов франков, а с учетом инфляции и возможности включения печатного станка казначейства, так и вовсе смехотворная.

— И это все?

Михаил Александрович непроизвольно выгнул левую бровь в искреннем удивлении, Арчegov же с протестом взмахнул рукою, заметив такую реакцию монарха.

— Мы потребуем возврата русского золота на сумму 310 миллионов рублей, что большевики заплатили кайзеру и которое уже лежит в Париже. Кроме того, потребуем возвращения всего, что они у нас тут нагнали, и отмены некоторых пунктов в мирных договорах. Конечно, после консультации со всеми заинтересованными сторонами.

— Политическими пунктами они поступятся, особенно по Польше и Румынии — тут деваться некуда, все равно ставка на них оказалась битой. Что касается нагнанного в России, то они до сих пор упорствуют, считая это военным трофеем. Да и наше золото не захотят возвратить — банкиры денежки любят!

— За нахапанное у нас пусть демонтируют в Германии оборудование и станки — нам заводы восстанавливать нужно, в том числе и те, что их капиталистам принадлежат. Если не захотят, то мы просто национализируем — хватит им барыши извлекать. Так что здесь упираться не станут, — Арчegov зло сверкнул глазами, вспомнив из той истории, как в такой ситуации поступил Врангель, добровольно накинуд на себя навязанную удавку кабального соглашения. И жестко заговорил:

— Золото мы должны получить обратно, и немедленно! Хватит им и германского, что в десять раз больше! Звонкая монета здесь нужна — нам англичанам придется платить. Уступок нельзя делать в этом вопросе, на шею сядут! И последнее — французы оказывают безвозмездную военную помощь, вооружают и снаряжают 200 тысяч наших солдат.

— Ты думаешь, согласятся?

— Им деваться некуда, к этому времени большевики на Рейн выйдут. А союзники наши люди ушлые. В прошлую войну даже на своем спасении барыши делали, нам оружие за деньги поставляя. А мы, между прочим, раз за разом их из беды выручали. Американцы намного умнее — те во Второй мировой войне ленд-лиз ввели — я тебе о нем рассказывал.

— Хорошо, — Михаил Александрович решительно затушил окурок. — Я Милюкову немедленно шифрованную телеграмму отправлю. Да... Вот еще, ты эту бумажку посмотри, не упустил ли я чего.

Император извлек из кармана сложенный вдвое листок и протянул его генералу. По мере его прочтения лицо Арчegovа стало принимать изумленное выражение.

— Ну ты даешь, Мики! Ты что, мои мысли заранее знал?!

— С кем поведешься, от того и подхватишь, — ханжеским тоном ответил Михаил Александрович, глаза которого немедленно приняли по-детски трогательное выражение полной наивности. И внимательно посмотрев на это перевоплощение монарха, Константин Иванович не выдержал, приснул в кулак смешком, и тут же друзья искренне рассмеялись...

Яссы

— Дави их, князь! Дави, сукиных детей!

Фомин смотрел в узкую смотровую щель, матерясь сквозь зубы — эти румыны оказались не робкого десятка и сейчас лихорадочно разворачивали полевую французскую пушку.

Встреча оказалась неожиданной для врагов, так как танк ворвался на огневую позицию с тыла, сокрушив по пути пару глинобитных сараев и таская на броне соломенную крышу, что придавало «Марку» невыразимый облик. Сейчас их разделяло каких-то тридцать метров, и отсчет смертельной дуэли пошел уже на секунды.

И что худо, так то, что правый спонсон был разбит попаданием трехдюймовой гранаты, а в левом у английской шестифунтовой пушки намертво заклинил механизм наводки и орудие

беспомощно устало свой короткий ствол вниз.

С бортовых пулеметов никак не достать суевающийся расчет — румыны вне сектора стрельбы. Курсовой «Льюис», установленный в рубке, с которого сам Семен Федотович не промахнулся бы, уже лишился ствола, разбитого прямым попаданием снаряда. Хорошо, что броню не пробил, зато оглушило изрядно.

— Дави, князь...

Фомин уже не кричал, а лишь шипел — ему казалось, что танк двигается ужасно медленно, не быстрее идущего по делам человека.

«Марк» едва давал семь с половиной километров, а «Уиппет», пример которого он приводил морякам «Беспокойного», целых двенадцать, хоть и недолго, отчего и называли этот «Марк А» британцы, любители псовой охоты, «борзой».

Сердце почта замерло в груди, и лишь глаза продолжали смотреть в узкую прорезь смотровой щели люка. Еще две секунды и грянет выстрел — даже не граната, а шрапнель, поставленная на удар, запросто проломит с такой пистолетной дистанции тонкую броню, в которой чуть больше половины дюйма толщины.

Зато румынским канонирам огромный ромбовидный танк предстал перед глазами бешено и неотвратно двигающимся монстром.

И нервы не выдержали — артиллеристы порскнули от пушки, словно зайцы, причем в стороны.

Худшего они не смогли придумать. Если бы побежали вперед, то танк бы их не догнал, а так сразу же затрещали пулеметы, и румыны повалились изломанными куклами.

— Стой, князь! Пушка наша!

Фомин схватил Микеладзе за локоть, но тот уже остановил танк. Броня чуть коснулась направленного прямо в рубку ствола, а Семен Федотович в изнеможении откинулся на жестком сиденье.

Вот оно как бывает на войне зачастую — если бы у румын оказались нервы покрепче, то сейчас бы горел синим пламенем его танк, а он сам превратился бы в ошметки, разорванный снарядом.

Но враги трусили, не захотели рисковать жизнью как он, рассчитывая спастись — и что?! Были живыми, хотели удрать, и в одночасье стали мертвыми. Война всем должной мерой отмеряет!

— Заглушить движок, проветрить танк!

Фомин извернулся и отдал приказ сидящему за ним в рубке командиру танка капитану Трёмбовельскому, местами с которым поменялся перед самым боем.

Вот если бы рубка была чуть больше да имела выступающую башенку, то тогда было бы совсем иное дело. Но если бы, да кабы...

Двигатель заглох, и наступила, как показалось танкистам, мертвая тишина. Только еле слышимое шварканье пуль о броню говорило о том, что вокруг продолжается сражение и нужно быть начеку.

— Твою мать, крематорий гребаный!

С разухабистой руганью кто-то из экипажа, а разглядеть офицера было совершенно невозможно из-за густых клубов дыма и выхлопных газов, да еще слезящимися, подслеповатыми глазами, с грохотом раскрыл броневую дверь, повернув рычаги запоров.

— Урод английский!

Фомин стал помогать выносить раненого инженер-механика поручика Бекича, получившего несколько осколков от шрапнели, угодившей в спонсон.

Погибли двое — артиллеристам, морским офицерам не повезло в первом же бою, словно

Машино пророчество сбылось.

— Как хорошо дышать!

— Я жив, твою мать!

Восклицания и ругань перемешались, все жадно вдыхали воздух, глотая его как живительную влагу и радуясь жизни. Да лили воду из фляжек на чистые тряпки, чтобы протереть запорошенные глаза.

Семен Федотович с трудом приподнялся, ощущая себя выжитым до капли лимоном, и тщательно подсчитал лежащих и сидящих, но с оружием в руках танкистов.

Налицо было одиннадцать, двое погибших остались в танке. Вообще-то в экипаже «Марка» всего восемь человек, однако этот монстр легко мог взять втрое больше, прямо общежитие на гусеницах.

А все из-за размеров — «Марк» легко переползал через широкую траншею, в которой не то что Т-26, а «тридцатчетверка» ушла бы полностью. Потому и «шкура» была тонкой, ибо броню «размазали» по большому объему.

— Теперь ордена получим, за взятие батареи, — негромко произнес кто-то из офицеров, а Фомин усмехнулся. — «Отошли, оживились, награды примеряют. А ведь заслужили, черти — по статуту командир может „География“ получить, а члены экипажа следующий по чину орден с мечами».

Мысль мелькнула и пропала, ибо в руке уже был «хлыст», а ноги сами передвинули его к стене полуразрушенного домика.

Он выглянул из-за укрытия и присвистнул, только сейчас поняв, насколько вырвался вперед его «Генерал Скобелев».

— Красиво идут! — рядом прилег капитан Трёмбовельский, положив на камни ствол автомата.

Картина действительно завораживала — пять «ромбов» вытянулись в линию, за каждым из танков, прикрывшись его броней, перебежали маленькие фигурки людей — дроздовцы труса не праздновали, а лихо продвигались вперед.

— Семен Федотович, обернитесь!

Фомин стремительно развернулся на выкрик, вскинув автомат. Но тут же опустил оружие, стиснув зубы от ярости. Метрах в ста выполз дымящийся танк со знакомым именем «Генерал Багратион».

— Командир полка... О, боже!

На борту танка словно расцвел огненный цветок, тут же выпустивший из себя густой черный клуб дыма. У Фомина волосы встали дыбом, и он, позабыв про визжащие вокруг пули, рванулся вперед.

За какие-то секунды он преодолел расстояние до танка, видя, как кто-то из экипажа открыл изнутри дверь. Вот только наружу никто не выбрался, и Семен Федотович рванулся в горящее железное нутро.

— Майор! Бак рванет!

Выкрик запоздал, так как Фомин, презрев страх, уже выбросил в проем тяжелое тело — парень потерял сознание, уже открыв дверь.

За командиром в языки пламени и дыма запрыгнули еще двое, пытаясь вынести из загоревшейся машины уцелевших членов экипажа.

Словно в бреду Семен Федотович метался с закрытыми глазами, отчаянно вопя от боли — пламя добралось и до него, загорелась одежда.

Уже на ощупь, прикасаясь к разогретому металлу голыми ладонями, задыхаясь, он потащил из рубки еще одно неподвижное тело, понимая, что больше он вовнутрь не полезет.

Сильные руки выдернули его из танка, накрыли брезентом и хлопками заглушили пламя. А Фомин натужно блевал, задохнувшись в дыму, и жадно глотал свежий воздух.

— Семен Федотович, быстрее! Командир умирает!

Отчаянный выкрик привел Фомина в чувство, и он, стряхнув боль, что терзала руку и бедро, встал на колени перед лежащим ничком Мироновичем.

Командир полка умирал — обгоревший, в обугленном кожаном обмундировании, с сожженным лицом и вытекшим глазом, он совсем не напоминал самого себя, подтянутого и щеголеватого.

— Петр Игнатьевич!

Фомин тряхнул подполковника за плечо, и тот вышел из забытья — веко открыло окровавленный глаз, полный боли, а запеченные губы раздвинулись. Еле слышные слова уходили вместе с душою:

— Ты... принимай полк. Государь... тебе... благо...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КУКОЛ СНИМУТ С НИТКИ ДЛИННОЙ...

(23–24 декабря 1920 года)

Париж

— Никогда не думал, граф, что собственными глазами буду зреть французскую революцию!

Посол во Франции Нератов, в прошлом гофмейстер и товарищ министра иностранных дел, стоял у окна и смотрел на беснующихся внизу пролетариев, размахивающих красным знаменем.

Манифестации у российского посольства шли уже третий день и вызывали законное чувство тревоги, ибо агрессивность толпы росла с каждым часом.

— Пройдет от силы месяц, и эти потомки санкюлотов уже станут большевиками.

— Не думаю, Анатолий Анатольевич!

Военный агент во Франции генерал-майор Игнатьев пожал плечами, внимательно наблюдая за разворачивающимися на улице событиями.

Его тоже беспокоило, что здание посольства в который раз стало местом для несанкционированного властями митинга.

Большевистская агитация быстро разъедала политический строй Четвертой республики, как ржавчина сырое железо.

Ведь совсем недавно, в последний год войны, за малым до революции во Франции не дошло — в полках на фронте пошли волнения, а некоторые части даже пошли маршем на Париж. Командование с трудом подавило солдатские выступления, бросив самые надежные части — наемников Иностранного легиона и сенегальских стрелков-зуавов.

И вот все вернулось на круги своя!

— Вы считаете, что «Тигр» сможет обуздать волнения? Алексей Алексеевич, ведь чернь уже открыто выражает свое желание развешать министров на фонарях! И я считаю, что она вполне может это проделать, их озлобление только растет...

— Желать-то она может, сколько хочет, вот только кто им позволит это проделать! Здесь Франция, а не Россия, и выводы сделали быстро, — равнодушно пожал плечами генерал.

Как и большинство русских офицеров, граф, хотя и не принял Октябрьский переворот, предпочел сохранять нейтралитет в гражданской войне, благо Париж слишком далеко от России и не нужно брать в руки винтовку. И даже начал симпатизировать большевикам, когда они насмерть схлестнулись с поляками, что в очередной раз решили воспользоваться плодами очередной русской смуты.

Однако красное нашествие на запад, взятие Берлина, его, аристократа и блестящего в прошлом кавалергарда, напугало и все симпатии растаяли подобно утреннему туману.

Но нет худа без добра!

Французы, относящиеся к русским с презрительным высокомерием победителей, в последнее время кардинально изменились.

Даже маршал Фош, недавно открыто презиравший своих восточных союзников, теперь стал искательно смотреть в глаза, а президент Жорж Клемансо, получивший за свою жесткость и напористость прозвище «Тигр» — кардинально поменял свое поведение.

Русского посла и военного агента теперь засыпали знаками внимания, перед ними не только открывались двери правительственных кабинетов, но и министры, до которых раньше

нельзя было достучаться, теперь сами обивали порог русского посольства.

Будто вернулись времена начала сентября четырнадцатого года, когда германские дивизии дошли до ворот Парижа.

Судьба столицы висела на волоске, правительство сбежало на юг, и все надежды французов были на русские полки.

Сам Игнатьев в те горячие дни сделался самой популярной фигурой, и воспоминания о том до сих пор грели душу.

— Вы считаете, что Франция устоит? — удивленно выгнул брови гофмейстер, а генерал лишь хмыкнул ему в ответ.

— Это революция, уважаемый Анатолий Анатольевич, а не война. Немцы не дошли до Парижа, ибо против них поднялся весь народ. А большевики уже на Рейне, до нас им остался один рывок. И посмотрите — масса народа их с нетерпением ждет, несмотря на то, что вместе с русскими идут и немцы. Это будет гражданская война, более страшная, чем у нас. Слишком большой опыт имеет здешний народ.

Граф знал, что говорил — французская армия стала совершенно ненадежной. Побывавшие в России интервентами «паулю» насквозь пропитались большевистским душком. И на тех кораблях, что стояли в Одессе и Севастополе, красные флаги матросы поднимали, за малым до французских броненосцев «Потемкиных» дело не дошло.

Сейчас ситуация в стране чрезвычайно осложнилась, запах пороха явственно витал в воздухе, прихода коммунистов «со спичками» ждали очень многие, а это и внушало ужас власть имущим.

— Потому правительство и повело себя совершенно иначе, снова увидев в нас надежного союзника. Мы за последние дни получили намного больше, чем рассчитывали! Правительство не обещало, как прежде! Наши усилия в прошлой войне не только признаны, но и оплачены сторицей! Но почему для этого пришлось пролить столько крови...

Игнатьев вздохнул, продолжая внимательно смотреть на улицу. Ситуация поменялась и там — «ажаны» уже заблокировали путь черни к посольству, а появившиеся на улице кирасиры, направив своих тяжеловесных коней на толпу, стали медленно вытеснять сторонников большевизма в подворотни. До стрельбы пока не доходило, но чувствовалось, что власть в любую минуту может отдать такой приказ...

Мюнхен

— Версальский мир, это порождение алчности капитала, должен быть разрушен! Разрушен, как Карфаген, без остатка! Ибо без этого не будет Германии!

Молодой щуплый мужчина, с остроносым лицом голодного галчонка и косой черной челкой, чуть ли не кричал, держа в руке полупустую глиняную кружку с пивом.

— И русские большевики первыми показали, что нужно делать! Паразитов нужно давить, как клопов, без этого социализм, Фридрих, не построишь! А за ним будущее!

— Где-то я уже слышал такое?! — задумчиво пробормотал молодой широкоплечий мужчина с видимой любому глазу военной выправкой, уставившись глазами на ленточку «Железного креста», что была поддета под пуговицу потертого пиджака его собеседника.

— Мы с вами, Фридрих, прошли войну, лили кровь, а плодами победы и поражения пользуются нувориши, сколотившие себе капиталы. Им плевать на народные нужды и страдания! Они даже инвалидам пенсий не дают! Вы ведь офицер? На западном фронте воевали?

— Обер-лейтенант Фридрих Шмайсер, без фона, мы из мясников!

Мужчина чуть кивнул головою и, взяв вилку, нацелился на вторую половину сосиски, в которой картофеля и моркови было больше, чем свинины. В Германии царил голод, и люди в пивных никогда не заказывали закуску.

— В рейхсвер не предложили вступить, но кое-какие деньги выплатили? — «галчонок» кивнул на сосиску. Кадык на его горле дернулся, он явственно сглотнул слюну и отвел взгляд от тарелки.

«Жрать хочет, а еще говорили, что он вегетарианец», — подумал Шмайсер, но сосиской делиться не стал — одному мало, да и денег уже почти нет. Но спросил, благо обстановка позволяла, да на доньшке кружки оставался глоток пива.

— Я в прошлом году чуть не вступил в Красную гвардию здесь, — пожаловался собеседник, и Шмайсер на него внимательно посмотрел. Тот понял его взгляд на свой лад.

— Если бы мы в прошлом году установили бы советскую власть, то в Европе уже не было банкиров и олигархов. Но социализм должен быть национальным, ибо народы не могут быть равны, как и люди. В этом и есть слабое место русского большевизма. Коммунизм есть химера, а вот национал-социализм... За ним будущее!

— Правильно говорите, — глаза Шмайсера сверкнули, но голос продолжал оставаться ровным. — А как вас зовут?

— Адольф Шикльгруббер, я из австрийцев, был в Вене художником. В армии получил ефрейтора, — собеседник с вызовом посмотрел на Шмайсера, но тот на столь малое звание не отреагировал, поджав губы, а, наоборот, расплылся в улыбке.

— Именно на таких, как вы, и будет держаться наш возрожденный из пепла Третий Рейх! «Вот тебя-то, мне и надо, голубчик. Фортуна прет — грех сомневаться и откладывать. Повезло-то как — с первого раза. Провожу нынче тебя до дома, бесноватый. Побеседуем... в последний раз, фюрер недоделанный. И не будут тебе кричать — Хайль Гитлер!»

Шмайсер медленно и со вкусом дожевал сосиску, перехватив голодный взгляд бывшего художника, и, подняв кружку пива, внимательно посмотрел собеседнику в глаза:

— Прозит!

«Троцкий, собака, от меня выскочил. Зато этот недоносок уже никуда не уйдет. Потом я до Арчегова как-нибудь доберусь — нужно было этого гада еще в Красноярске придавить — опасная сволочь!»

Новочеркасск

— Вот, милый, мы и дома!

Маша прижалась к плечу и взяла руку Семена Федотовича в свои теплые ладошки. Муж с интересом разглядывал казачью столицу, которая произвела на него сильное впечатление.

Далеко не провинциальным городком оказался Новочеркасск: каменные здания, широкие улицы, величественный собор, маковки которого уходили в небо, скромный атаманский дворец, уступающий тому же Белому дому в Иркутске.

Следов войны, что еще девять месяцев назад терзала город, уже не было в помине: даже окна сияли вымытыми стеклами. Лишь отметины от пуль на стенах зданий говорили о том, что столица казачьего Дона дважды переходила из рук в руки.

Они проехали через весь город, из одного конца в другой — Фомин подозревал, что Маша это сделала специально. Ибо видел заинтересованные взгляды казаков и казачек, особенно юных, ровесников жены, что бросали на него украдкой. Еще бы, в них читалось: «И где ж это Маша Ермакова такого писаного красавца приобрела?»

Но молчали казачки, вежество свое демонстрируя, а казаки лишь понимающе крякали, с

завистью поглядывая на белую ременчатую амуницию, туго перепоясавшую зимнюю танкистскую куртку, да и золотые императорские вензеля на черных двухпросветных погонах о многом говорили знающим служивым.

— Ох, как они на тебя смотрят, милый, — теплое дыхание жены коснулось его уха, — и люто мне завидуют!

— Почему? — также тихо промолвил Семен Федотович.

— Дурачок ты мой! Еще бы им не завидовать! Невест сейчас намного больше, чем женихов: обескровила война тихий Дон! — Маша еще крепче сжала его локоть. — А я такого мужа оторвала! Уехала пигалицей, что только в девушку превращаться стала, а вернулась замужней казачкой, с двумя косами заплетенными!

— Хм, завидуют... Да глядя на мой фасад, они тебя жалеют!

— Мужчина чуть красивше черта, уже молодец! — хмыкнула Маша. — И не на лицо они твое смотрят, а на белую гвардейскую амуницию да золотой царский вензель. Редкая казачка могла бы похвастаться, что за полковника лейб-гвардии замуж вышла!

— Нам еще долго ехать?

Семен Федотович резко сменил тему, уткнувшись взглядом в синий чекмень ездового, что понукал крепеньких лошадок.

— А вон уже стоит, печка дымит — батюшка дома!

— А хорошо ли ты, милая, сделала, отца не предупредив?

— Так подарок будет, как раз к Рождеству!

Коляска остановилась перед каменным одноэтажным домом: стекла немытые, отсутствие женской руки в этом сразу чувствовалось, только ворота подправлены да заборчик у палисадника подновлен.

— Благодарствую, станичник!

Фомин сунул в мослатую ладонь извозчика серебряный рубль и подал руку Маше, помогая сойти на снег, а сам быстро выгрузил два чемодана, все их невеликое имущество.

— Донька! Машенька!

Калитка со стуком распахнулась. Старик, припадая на ногу, доковылял до девушки, обнял за плечи и зарыдал. Фомин не видел его лица, но чувствовал, что Александр Александрович Ермаков резко сдал и потому крепко отличается от того бравого усатого полковника, которого он рассматривал на фотографии.

— Батюшка, милый! — Маша плакала, глядя отца по лицу, а тот тоже не сдерживал своих слез.

Фомин стоял остолопом, совершенно не зная, что ему делать. Он разглядывал их: отец и дочь сильно походили друг на друга. Однако война и смерть жены, убитой красными, сильно надломили старика: лицо покрылось сеткой глубоких морщин, борода стала полностью седой, глаза выцвели, руки тряслись. Ему можно было дать все семьдесят лет, хотя Семен Федотович точно знал, что тому лишь недавно исполнилось пятьдесят три года, почти ровесник, если реальный возраст брать.

Наконец отец и дочь перестали обниматься, и Машенька с горделивой улыбкой негромко сказала:

— Батюшка, это мой муж! Я о нем тебе писала!

Со стариком прямо на глазах Фомина произошла странная метаморфоза: спина выпрямилась, словно доска, плечи расправились, глаза в одночасье построжали — теперь в нем легко было признать кадрового офицера, прошедшего три войны.

— Здравствуйте, Александр Александрович!

— И тебе не хворать, Семен! Ты, я вижу, из майоров царским флигель-адъютантом стал,

аксельбанты небось носишь?! Не пожалеешь, что простую казачку в жены взял?

— Я молюсь, чтоб она не пожалела о той минуте, когда согласилась замуж за меня выйти! — Семен обнял раскрасневшуюся Машу за плечи. — Да и чин у нас вами одинаковый, так что повода для горделивости нет! И служили вы дольше, и видели больше!

— Ты...

— Нет, вы! Я-то что, две войны...

— Я тебе говорю, сын, обращайся по-нашему, по-казачьи, ведь мы на ты даже с Богом! Или ты гвардейский гонор приобрел, ваше высокоблагородие? Иль высокородием именовать флигель-адъютантов принято?

— Батюшка, у него нога ранена, и замерзли мы!

Маша нарочито стрельнула глазами, голос ее искусственно задрожал, и отец тут же покраснел.

— Да что это я, дурак старый? В дом проходите, там и беседы вести будем!

Он попытался даже взять тяжелые чемоданы, но Фомин их легко подхватил и зашагал в тепло, предвкушая, как он отогреется за долгую езду от железнодорожной станции до городской окраины.

— Где ты сейчас служишь, Семен? В свите царской?

Старик показал взглядом на погон, а сам нацелился вилок на кусок буженины.

Отец Маши жил один, так что разносолов на столе не имелось. Обычный ужин рядового офицера, терпеливо, годами шагавшего по ступеням воинских званий — пышный каравай белого донского хлеба, еще теплый, буженина и сыр, купленные Машей в дороге, тушеная картошка с мясом, соленые хрустящие огурчики да квашеная капуста, чай, на Дону, а не в Петербурге. Да бутылка казенной очищенной водки, прихваченная Семен Федотовичем еще в Симферополе.

— Нет, не в свите! Командир лейб-гвардии кирасирского Его величества полка!

— Хм! Так ты ж на танках служил? Почто в кавалерию ушел? — старик удивленно поднял глаза. — И палаша у тебя нет! И форма танкистская, только знак полка на груди, видывал такие в гвардии! Я ж службу начинал взводным в шестой лейб-гвардии Донской батарее, семь лет в ней отбухал, сотника получил и Станислава за выслугу!

— Его величество за бои под Яссами нашему полку права гвардии даровал. А чтоб старейшие полки сохранить, повелел считать нас впредь лейб-кирасирами, и всех служивших в этом полку раньше, кто пожелал отныне на стальных коней пересесть, перевел! Ушло время лошадок — на пулеметы не попрешь! Вот и сменили!

— И много у тебя таких «коней» в полку?

— Четыре эскадрона, более полусотни машин, из них десять тяжелых. А людей по штату, только офицеров до полутора сотен. Раньше ведь прикомандированными от частей считались, и все вперемешку — инфантерия, кавалерия, инженеры, моряки, артиллеристы. А теперь все лейб-кирасиры — перевод в гвардию различия меж нами стер.

— Видел я танки в прошлом году, через Ростов шли эшелонами в армию генерала Деникина. Страшное оружие! — старик тяжело вздохнул, держа в пальцах выпитую рюмку. — И война стала страшной, чего только для смертоубийства не придумали!

— Так и раньше не в бирюльки играли, — пожал плечами Фомин.

— Это верно! — согласился старик. — Но газами не травили! А ты — лихой парень! Донька правильный выбор сделала! И кавалер георгиевский, и крестов полна грудь, с двумя Егориями в довесок! А эн-то что за орден? На блюде похожий?

— Японское «Восходящее солнце». Я же в Сибири воевал.

Семену Федотовичу сильно хотелось курить, но он себя сдерживал: в доме у Маши табаком

не пахло, отец не дымил. Однако выходить без разрешения он не хотел, а потому терпел.

— Это хорошо, что ты Ермаков! Маше фамилию менять не нужно, и род наш не прервется, — старик тяжело вздохнул и сварливо бросил: — Иди дыми, табачник, ерзаешь от нетерпения. Придешь, по стопке выпьем и уж тогда серьезно говорить будем!

Чита

— Не, шалишь, что мое, то мое!

Генерал-майор Семенов гоголем прошел по кабинету — своему собственному, в котором он провел год, пока не склонил голову перед новоявленным Сибирским правительством.

— Теперь все по-иному будет, я вам, Петр Васильевич, не хухры-мухры подзаборное, а войсковой атаман!

Григория Михайловича распирало от счастья, в которое он до сих пор не мог поверить.

Еще бы — на внеочередном Кругу забайкальского казачества предстояли выборы войскового наказного атамана, и мало кто ожидал, что его императорское величество предложит кандидатуры трех генералов, всех из коренных уроженцев — Шильникова, Зимина и его Гришку Семенова, как презрительно именовал его первый кандидат.

Еще бы — генеральский чин Шильников от императора Николая получил, командуя на фронте Забайкальской казачьей бригадой.

Зимин в то время был полковником, служил все время на административных должностях, и в 1918 году был даже избран войсковым атаманом. Так что в том году подъесаул Семенов не имел перед ними никаких шансов, но теперь-то настали совсем иные времена.

Круг, главным образом делегаты многочисленных 1-го Верхнеудинского и 2-го Читинского отделов, что в гражданскую войну поголовно выступили против красных, при яростной поддержке оказаченных бурят, что составляли большинство в новообразованном 5-м Селенгинском отделе, буквально продавили его кандидатуру.

С шумом, гамом и чуть ли не с мордобитием коренные «семеновцы» переспорили аргунских и нерчинских казаков, что имели до сих пор не выветрившийся «красный душок».

В свое время значительная часть станичников из 3-го и 4-го отделов вооруженной силой поддержала коммунистов, еще с весны 1918 года, и потом два целых года мутила восточное Забайкалье, являясь главной силою партизан.

— Нет, шалишь, теперь у меня не забалуешь! И в Иркутске со мною сейчас будут обращаться с должным почтением!

Григорий Михайлович прошелся по кабинету и взглянул на заветный шкафчик. Ему захотелось хлопнуть рюмочку очищенной, что начали гнать в Иркутске под названием «Казачьей» водки, настоянной на горьковатой полыни — степной будоражащий кровь и чувства запах, знакомый с детства каждому станичнику.

Это вам не вонючий китайский ханшин стаканами пить, что в гражданскую мутной волною залил все Забайкалье и Дальний Восток!

Сейчас с контрабандистами было покончено, самогонщиков стали давить наравне с большевиками — правительство Вологодского объявило винную монополию государства и стало репрессивными мерами убирать насквозь незаконных частных производителей.

— Надо отметить такое дело! — Решил все же выпить атаман и открыл дверцу шкафчика.

Взяв бутылку, он привычно булькнул себе полстакана живительной влаги и лихим «тычком» опрокинул емкость, выпив водку одним глотком. Занюхав рукавом и подождав минуту привычного действия, Григорий Михайлович взял папиросу из пачки, полюбовавшись на свою собственную физиономию на крышке коробки.

— «Атаман!»

Будто в первый раз он по слогам прочитал название, довольно ухмыльнувшись. Вообще-то Семенов был некурящим, но пару раз в месяц мог подымить папиросой, когда душа того требовала. Так и сейчас, смяв длинный мундштук, он чиркнул спичкой и затянулся.

— Та ведь это...

На ум пришла мысль, и она настолько поразила генерала, что табачный дым встал в глотке комом. Григорий Михайлович закашлялся, с омерзением раздавил папиросу в чашке и вытер губы платком.

— Так вот оно что! Сукин сын! Он все заранее знал и подстроил! Ну и сукин же сын! — в ругательствах слышалось нескрываемое восхищение. Только сейчас Семенов осознал, что был пешкой, нет фигурой, а то и ферзем в игре Арчегова. А как иначе?!

Из Забайкалья его аккуратно выдернули, но не потому что он сделал там свое черное дело как мавр, а для того, что все шишки достались генералу Сахарову.

Так что прежний атаманский режим выглядел эпохой миролюбия, ибо подавление партизанщины велось крайне жестокими, но эффективными методами, куда там поркам, что практиковали ранее.

Назначение на должность командира инородческой бригады позволило Семенову заручиться полным доверие бурят, которые стали составлять больше трети казачьего населения — мощнейшая опора.

Тем паче ни Зимин, ни Шильников языка туземцев не знали, а значит, и доверием аборигенов не пользовались. Потому его кандидатура, уже окруженная определенным ореолом, легко прошла на Круге.

— Это он меня в атаманы пропихнул, он, более некому!

Семенов прошелся по кабинету, возбужденно потирая руки. На душе царила весна, несмотря на мороз за оконным стеклом, который уже вторую неделю терзал все Забайкалье. И тут он неожиданно остановился, как вкопанный, пробормотав вслух:

— Но для чего Арчегов это сделал?! Для чего?!

Хельсинки

— Ваше высокопревосходительство, неужели ваш сейм считает, что сможет удержать силою захваченные у России земли?!

— Выборгская губерния, Павел Петрович, есть неотъемлемая часть Финляндии, — генерал-лейтенант Карл Густав Маннергейм говорил с невозмутимым видом врожденного аристократизма.

Мутная волна революции вознесла шведского барона, блестящего кавалергарда, в войну с немцами командира 12-й кавалерийской дивизии Российской императорской армии, на пост главнокомандующего армией новообразованного финского государства.

— Извините, Густав Карлович, но государь Александр Павлович передал Выборг Великому княжеству Финляндскому, — генерал Петров улыбнулся, — когда оно вошло в состав России. А раз сейчас Финляндия решила стать независимой, то российское наследие должно вернуться обратно. И не советую удерживать его силою, ибо то, что захвачено мечом, мечом может быть обратно и возвращено.

— Это следует понимать как угрозу?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство. Империя, а не пройдет и года, как большевистская власть, из рук которой финны и получили независимость, возродится. И признает только те границы, которые не были навязаны ей силою. Я не говорю про

советизированную Польшу или возвращенную Румынией Бессарабию. Независимость вновь образованных прибалтийских стран будет нами признана в самое ближайшее время, в мае следующего года, не позже. Смею вас заверить, что по всем вопросам мы пришли к полному и взаимовыгодному согласию. Эти страны сами передали нам те города, что уступили им большевики и где местные аборигены составляют от силы четверть населения.

Маннергейм промолчал, задумчиво смотря в окно на заснеженные стены Свеаборгской крепости.

Действительно — Эстония выразила согласие отдать старинные русские крепости Ивангород, Изборск и Печеры, Латвия — русско-еврейский город Двинск, который успела переименовать в Даугавпилс, а Литва согласилась на передачу белорусско-польского Гродно. Но не это приходило на ум, а совсем другое.

Предложение было сделано настолько откровенное, что никакой двусмысленности не оставалось — либо мир сейчас, либо война в будущем, в которой Финляндия неизбежно потерпит поражение, ибо слишком несопоставимы силы.

— Большевизм представляет страшную угрозу Европе, которую необходимо ликвидировать как можно скорее. Потому и Франция, и Англия считают наше участие крайне необходимым и приложат все усилия для того, чтобы оно состоялось. Однако из-за крайне агрессивных действий финского государства, пусть не прямых, а опосредованных, с которыми я сам столкнулся в Карелии, его императорское величество не может дать благожелательный ответ. Ведь речь идет о прямой угрозе исконно российским землям!

— Наше государство не имеет отношения к авантюре полковника Тайвела!

Голос Маннергейма прозвучал так же невозмутимо, как и раньше, хотя внутри все нервы сжались в чудовищном напряжении.

Финляндии предложили то же самое, что и прибалтийским государствам: отдать часть территории прямо сейчас, дабы на ней можно было сформировать русские войска и участвовать в походе на большевиков.

Это была плата за независимость государства. Отказ от нее означает только одно — Англия и Франция за свое спасение от нашествия большевиков спокойно отдадут строптивую страну русским.

Пример несчастной Румынии, буквально растерзанной в клочья ее соседями, есть самый яркий, говорящий о частичной отмене Версальских соглашений, сделанных под нажимом обстоятельств. Ведь Болгария и Венгрия были побежденными в мировой войне, и подписали договоры, от которых сейчас остались клочки бумаги?

«Вот только сейм не согласится на передачу Выборга, ни сейчас, ни потом!»

Маннергейм лихорадочно искал выход из положения, но генерал Петров неожиданно улыбнулся и раскрыл папку, что лежала рядом с ним. Там был конверт, запечатанный сургучными печатями с большим императорским орлом.

— Если Финляндия выразит свое согласие на предложенные нами условия, то я уполномочен передать конфиденциальное письмо его императорского величества. В нем государь снимает требования на Выборг и передает город в вечное владение финского государства. Финляндии может быть обеспечен выход к Ладожскому озеру у Сортавалы, в обмен на дружбу и долгосрочные экономические отношения между странами. Но эти вопросы уже должны решаться на правительственном уровне.

— Я думаю, нашим министрам иностранных дел, — осторожно произнес главнокомандующий финской армией, — есть необходимость немедленно встретиться...

— Господа, я пригласил вас для откровенного разговора, ввиду непрекращающейся клеветнической кампании, которую вы ведете на страницах издаваемых вами газет!

Маститые редакторы трех иркутских газет, две из которых являлись общими для всей Сибири, продолжали излучать уверенность и невозмутимость, хотя ощущали всей кожей тяжелый взгляд председателя правительства, обычно мягкого и доброжелательного в общении человека.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте все же узнать, в чем нас обвиняют?!

— Обвинение будет выдвигать прокуратура, это не в моей компетенции, вы это прекрасно знаете, — голос Вологодского еще более потяжелел. Атмосфера в кабинете сгустилась от напряжения, ибо такими словами никогда не шутят. — Я же прошу у вас официальных объяснений, на основании которых буду решать дальнейшую вашу участь.

— Но позвольте...

— Не позволю, Лазарь Маркович, — стекла очков гневно сверкнули, Петр Васильевич положил на стол крепко сжатый пухлый кулачок. — Именно ваша газета открыла грязную травлю военного министра генерал-адъютанта Арчегова! Вы забыли, что любые обвинения в адрес министров, а значит, и правительства, должны выдвигаться не на страницах газет, а передаваться Народному Собранию для тщательного изучения. Ведь так?! В противном случае вступает в действие закон от 16 марта этого года.

— Петр Васильевич, при чем здесь большевистская агитация? Да и в газетах деятельность уважаемого военного министра не обсуждалась...

— И прошу-таки прощения, в статьях лишь затрагивались те два вагона с различным имуществом, которые были переданы чекистами его теще в Самаре летом этого года!

— Есть письменные свидетельства, данные под присягой. Люди собственными глазами видели передачу вагонов.

— Речь идет не о государственной деятельности военного министра, а только о семейных обстоятельствах! И требуется восстановить справедливость в отношении сотен изгнанных, что прибыли к нам без средств к существованию. В отличие от одного-единственного исключения!

— Таки только это, мы не писали ничего лишнего...

Редакторы заговорили наперебой, дружно сомкнувшись и уверенные в своей правоте.

— Вы написали клевету, господа! — голос Вологодского завибрировал. — И написали с подачи большевиков, которым было выгодно использовать эту кампанию для дискредитации военного министра, также правительства и Народного Собрания. Познакомьтесь с этими бумагами, господа!

Редакторы газет с улыбками победителей углубились в изучение выложенных Вологодским бумаг.

По мере чтения от их уверенности не осталось и следа, наоборот, лица стали сереть, потом бледнеть, по коже поползли крупные капли холодного пота. Было видно, что их не только проняло до самого копчика, но смертельно напугало.

— Я думаю, господа, суда присяжных не будет! Военный трибунал оценит ваши деяния по достоинству!

— Но мы же не знали!!!

Редакторы дружно взвыли в один голос, с мольбой смотря на председателя правительства.

Теперь до них окончательно дошло, что это не пустые угрозы, и расправа может быть жестокой — с мартовским законом не шутили, карали исключительно по военно-полевому суду.

— Но вы же газетчики, господа, — голос Петра Васильевича стал ехидным, — состряпав

гадость, вы не удосужились ее проверить! Погнались за «жареным»?! Решили тиражи увеличить?! Так всего лишитесь!

— Ваше высокопревосходительство, мы таки немедленно все исправим! Извинимся чистосердечно, опубликуем хвалебные материалы...

— Имя таких жертвователей должно быть известно всем, господин премьер-министр!

— Больше не повторится...

— Хорошо, господа, я вам верю! Надеюсь, что мы больше не встретимся по подобному поводу!

Побитыми собаками выходили из кабинета председателя правительства редакторы. В последних словах Петра Васильевича для них явственно прозвучало: «Идите и не грешите, сукины дети!»

Тешин

— Я не думала, что потомки храбрых гуситов превратятся в мокрые тряпки! — Настена сцепила пальцы, женское лицо исказила гримаса бессильной ярости. — Твои же legionеры не желают сражаться, легли под большевиков как дешевые уличные проститутки. Ну что ты молчишь, Иржи, скажи что я не права, и твои солдаты возьмут в руки оружие?!

Колер ничего не ответил на горячечный шепот жены, только желваки ходили на скулах, да хмурил брови.

Крыть было нечем, и слов утешения не находилось — скажи кто ему о том полгода тому назад, не только бы не поверил, в лицо бы плюнул.

— Ян Жижка и Прокоп Великий вас на том свете приветят — выпорют, как сукиных детей! Струсили, забились по домам, как тараканы за печкой, и ждете чего-то!

Бывший капрал чешских легий угрюмо засопел — крыть было нечем. Жена права во всем — русские, казаки и сибиряки отчаянно сражались и смогли отстоять свой дом, а они подняли руки перед красным нашествием, предпочтя сохранить свои жизни.

Нет, поначалу даже воевали упорно, закрепившись на перевалах, но как красные, русские и немцы поднажали хорошо, то чехи живо сдали позиции.

В ноябре правительство покинуло Прагу, эвакуировалось в Италию, ибо австрийцы отнеслись к чехам крайне враждебно.

Красных встретили со скрытой враждебностью, вот только о сопротивлении никто не думал — первым делом большевики репрессировали классово чуждые элементы — офицеров, полицейских, чиновников, буржуазию и прочих.

Никого не расстреливали, просто забивали в вагоны и гнали куда-то под Варшаву, а по слухам, даже в Заполярье, к Уральским горам поближе.

После такой демонстрации население оккупантам уже не противилось — кому охота отправляться туда, где даже волки хвосты морозят.

— Овцу забрали, яиц им давай, зерна центнер выгребли — мы зимовать-то как будем. Иржи?!

— Перебедуюем! Мне паек скоро выдадут, через три дня, — угрюмо отозвался Колер и непослушными пальцами расстегнул воротник гимнастерки с нашитыми красными «разговорами».

Ох, как не хотел идти Иржи на поклон к местному коммунистическому начальству, но пришлось, куда денешься! Голод, как говорят сами русские — не тетка!

Первым делом красные организовали в первом чешском городе, в который они вошли, совдеп, который возглавил приехавший из Москвы Ярослав Гашек.

И сторонников большевизма среди чехов оказалось немало, особенно тех, кто прозябал в нищете или не нашел себе работы.

Население округа живо обложили продразверсткой, дабы обеспечить поставки продовольствия Красной армии и на выдачу пайков совслужащим и рабочим.

Тем же, кто не пользовался доверием власти, паек не полагался, оттого их называли «лишенцами» — русское слово сразу прижилось среди чехов.

Дабы получить паек для пропитания семьи, ставшей больше на рожденную Настеной дочку, Колер пошел в совдеп со справкой из госпиталя в Иркутске, где указывалось, что он получил ранение сабельным ударом в бою с казаками.

И бумажка сыграла ключевую роль — узнав, что Иржи участвовал в боях с белыми казаками, Януш Лотман сразу предложил ему перейти в военную секцию инструктором.

Овцу, яйца и зерно так и не вернули, но от разверстки их сразу же освободили, вписав в бедняки. Наоборот, им стало полагаться семенное зерно весною, как и другим малоземельным крестьянам, что привлекло симпатии целого слоя населения.

Какие уж тут восстания, тем паче чехи хорошо знали, что происходит в соседней Польше. Там шла ожесточенная война и красные перешли к крайним мерам — волнения и мятежи подавлялись без жалости, ЧК свирепствовала, семьи партизан брались в заложники, а самих повстанцев расстреливали пачками, без суда и следствия.

Прикажете разделить судьбу этих безумцев?!

Нет уж, увольте! Чехи — благоразумные люди. Лучше уж выслушать упрёки жены, которая как русская, пока не отдает отчета, чем разделить судьбу тех, кто ослепленный ненавистью и дуростью пытается противостоять неодолимой силе.

Нет, лучше потерпеть и дожидаться освобождения — вдруг те же венгры смогут опрокинуть большевиков, или союзники — англичане или французы придут на помощь...

Москва

— Лев, у меня для тебя есть хорошая новость, очень хорошая! — Глеб Бокий, начальник секретного отдела ВЧК прямо светился от распиравшей его радости. — Я нашел твоего кровника, он уже сделал отличную карьеру, прямо как наш Тухачевский!

— Даже так?! Наш «друг» спешит упрочить свое положение поближе к недобитому императору?!

— Вроде бы, — Бокий пожал плечами. — С майора он возрос до полковника и флигель-адъютанта и стал командиром лейб-кирасирского полка. Пришел на смену Арчегову, голову даю на заклание! Тот еще, судя по всему, не оклемался от ранения в голову.

— Все может быть, Глеб...

Единственный глаз на изуродованном лице Мойзеса горел сатанинским огнем. Чекист тяжело поднялся из кресла, и, сильно прихрамывая, подошел к окну. Зачем он это сделал, Бокий так и не понял. Рассмотреть что-нибудь через грязное, с потеками, не мывшееся, видно, с семнадцатого года, когда здесь еще размещалось страховое общество «Россия», было совершенно невозможно. И от этого, даже в самые яркие дни, в комнате царил любимый его заместителем полусумрак.

— Жаль, что в свите осведомителя потеряли, — пробормотал Мойзес, но тут же улыбнулся волчьим оскалом изуродованного рта. — Хотя все равно идиот, раз так попался и нам, и французам. Застрелился и хорошо, пусть на Париж косятся.

— Сейчас у них с беяками любовь полная, долги списали, транспорты с оружием шлют. А нам лишняя головная боль — как бы боком не вышло в самое ближайшее время!

— Не начнут, Глеб! Я в этом твердо уверен. Они будут ждать до последнего. Или мы с Рейна до Сены дойдем, или нас к Эльбе обратно погонят. Поверь, так и будет!

— Будет так будет, — в голосе Бокия не слышалось уверенности в истинности произнесенного товарищем умозаключения. Последние дни он не находил себе места — когда все идет слишком хорошо, это еще не «хорошо» и внушает подозрение.

— Я знаю это, Глеб. Поверь мне, — голос Мойзеса звучал глухо и отрешенно, и Бокий немедленно уверовал, как неопит в пророчество жреца, что только на глазах распотрошил жертву.

— Арчегова нужно убрать, он свою роль отыграл, — Мойзес снова улыбнулся волчьим оскалом. — Лишняя кукла на подмостках. Он слишком шустрый — обман Троцкого великое дело, и нужное для нас... Тогда необходимое, но уже не сейчас. Когда мавр сделал свое дело...

— То мавр должен уйти, — Бокий тоже улыбнулся. — Он зашел слишком далеко, пусть платит собственной жизнью. Лейба — марионетка в чужих руках, которым мы, к сожалению, ничего не можем сделать.

— Не забегай вперед, Глеб. Троцкий не по нашим зубам! Хорошо, что его не пристрелили. Он нужен!

— Пока не разрушит Европу?!

— Таки верно, — ухмыльнулся Мойзес и возбужденно потер чуть потные руки. — Пока не разрушит Францию, трогать его нельзя. А там можно и успеть перехватить.

— Успеем...

Бокий машинально оглянулся на запертую дверь, хотя знал, что та закрыта. Но разговор шел о очень важных делах, а потому они с Мойзесом в таких ситуациях не договаривали или прибегали к намекам, ибо, находясь на Лубянке, нельзя было быть уверенным, что в один далеко не прекрасный для них день все же смогут подслушать.

— С Арчеговым у нас могут возникнуть трудности.

— При чем здесь мы? — делано удивился Мойзес. Бокий опешил в первую секунду, решив, что он не так понял своего подельника, а потому осторожно спросил:

— Но ты же сам сказал, что его нужно отправить в «штаб генерала Духонина»?!

— Говорил, но при чем здесь мы? Это за нас прекрасно сделают другие. Помнишь майские дни в Иркутске, когда там из винтовок двух генералов выцелили? Ведь и в Берлине в Троцкого такой же снайпер стрелял — покушения-таки под копирку сделаны?

— Ты хочешь сказать, что эти акты мог сделать один человек? Но этого не может быть!

— Может, еще как может — если он на этих делах руку здорово набил! Заметь — ни один выстрел у него не пропадает даром!

— А кто это?

— «Цепной пес», что нас до Омска гнал, более некому. Он последователен, пистолетами и бомбами не увлекается, зато пулемет или винтовку любит пускать в ход. Арчегов ему поперек глотки стоит, ибо Германию на революцию толкает. Так что исполнитель нам известен, осталось только изыскать возможности, чтобы ему помочь.

— Ты гений, Лев! — Бокий восхитился совершенно искренне и даже пошутил. — Такому и нашего Янека подстрелить запросто.

— Он слишком уверовал здесь в свою неуязвимость! — глухо пробормотал Мойзес, и Бокий кивнул в ответ.

Действительно — по Москве Дзержинский всегда разъезжал без охраны, и когда его предупреждали о возможности террористического акта против него, то «Железный Феликс» с презрением говорил, — «Псякрев! Не посмеют!» И был полностью прав — даже эсеровские боевики боялись поднять руку, ибо знали, что такое «красный террор», с массовым расстрелом

тысяч заложников.

— Я думаю, такая беспечность в Варшаве ему может дорого обойтись! — Мойзес криво улыбнулся, его глаз снова загорелся пронзительным огнем. — И очень скоро...

Севастополь

— Видишь, Александр Васильевич, а ты не хотел этих красавцев покупать, охаивал всячески! Прекрасная парочка...

Арчegov ухмыльнулся с самым довольным видом, проглотив последнюю часть своего давешнего высказывания о домашней птице. Такая шутка была бы сейчас неуместна.

Два линейных крейсера, горделиво стоящих в Ахтиарской бухте, слишком уж величественные имели новые имена — «Император Петр Великий» и «Императрица Екатерина Великая».

Именно последний корабль, на предшественнике которого, затопленном в Новороссийске, держал свой флаг адмирал Колчак, и был выбран вдругорядь Александром Васильевичем, новым флагманом.

Англичане оказались на удивление расторопными — как и ожидалось, они страстно желали сбавить «Кореджейс» и «Глоризс», и тем более за хорошую цену.

Оба крейсера были перегнаны в Севастополь самими британцами, причем Лондон гарантировал, что ремонт, если в нем возникнет нужда, будет проведен на английских верфях.

И, более того — если русские захотят отправить их на Дальний Восток, то правительство Великобритании обеспечит переход, оказывая всяческое содействие.

Такая предупредительность вначале поразила Колчака, но по размышлении здравом он пришел к выводу, что хотя англичане с японцами и союзники, но противоречия заставляют держать камень за спиной.

Так или иначе, но наличие двух быстроходных и мощных крейсеров во Владивостоке играло именно на британские интересы, усиливая ее достаточно ненадежные позиции в регионе, главным образом в Китае, где сталкивались устремления многих держав, и особенно Японии и САСШ.

Именно потому определенную роль в сделке сыграли американские банки, предоставившие средства для оплаты за счет российских и сибирских вкладов — заокеанским дельцам и политикам претило усиление Японии, и потому они проявили по отношению к России столь оперативную предупредительность в наращивании ее морских сил.

Причем не только за счет британских кораблей — заключенный еще в мае контракт на поставку пяти подводных лодок «АГ» и сторожевых катеров выполнялся в Америке в чрезвычайно короткие сроки с завидной быстротой...

— Корабли хороши, Константин Иванович, спору нет!

Колчак грел в ладонях бокал коньяка. Беседа шла в адмиральском салоне, под коньяк и херес, с немудреной закуской в виде фруктов, под папиросный дым.

Они были уже давно на «ты», и симпатия обоюдная, и разница в служебном положении и реальном возрасте минимальная. Но обращались исключительно по имени-отчеству, как уважающие друг друга люди.

— Вот только броня совсем неподходящая, защита никудышная, даже от снарядов твоих «вашингтонских» крейсеров.

— Так это дело поправимое, в тридцатые года англичане свои линкоры модернизировали для усиления горизонтального бронирования.

— Каким образом?

Колчак, как всегда, оказался въедлив, и Арчegov вздохнул, кляня свой язык, понимая что теперь его снова будут выжимать как лимон, настойчиво и целеустремленно.

— Одна замена машин, которые стали намного меньше при той же мощности, принесла на линкорах полторы тысячи тонн экономии. Это позволило при сохранении прежней скорости увеличить толщину палубы до семи дюймов, а на линейном крейсере «Рипалс» до пяти. Приборы управления огнем стали совершенными, дистанции боя возросли, и горизонтальная защита стала более необходимой. Тем более что атаки авиации стали намного опаснее, особенно с появлением пикирующих бомбардировщиков.

— Какими станут системы управления главным калибром?

— Александр Васильевич, я же не моряк! — Арчegov закипел от возмущения. — Откуда я знаю! Мое знакомство с флотом велось на страницах «Морской коллекции» журнала «Моделист-конструктор», а он предназначен чуть ли не для детей. Просто я на пенсии подшивку за несколько лет купил — про линкоры и крейсера — вот и прочитал от корки до корки.

— Константин Иванович, ну вспомни еще!

Адмирал таким умоляющим взглядом посмотрел на Арчегова, что тот махнул рукою и решил выложить все, что помнил. Лучше уж самому рассказать, быстрее отвяжется со своими флотскими интересами.

— Без твоей помощи, я со своим костылем и так из этого железного ящика не вылезу! Так что выложу все, что помню, про эти самые модернизации. Но не больше. Согласен?

— Конечно, я весь во внимании. Даже хереса тебе налью!

— Напьюсь ведь!

— В собственной койке уложу и одеялом накрою! Ты уж рассказывай, не тяни кота за хвост!

— Самые большие модернизации совершили итальянцы, стремясь увеличить скорость и огневую мощь. Они сняли среднюю башню главного калибра, установили новые котлы и машины, удвоив мощность. Скорость возросла до 27–28 узлов, вполне сопоставимо с новейшими британскими и американскими линкорами.

— Ты говорил об огневой мощи, а ведь они сняли три орудия, оставив только десять?

— Пушки рассверлили до 320 мм, вставив новые лейнера.

— Понятно! — Колчак задумался и после минутной паузы, потраченной на рюмку коньяка, спросил: — А другие державы?

— Французы ничего не сделали, денег не было. Их линкоры были безжалостно уничтожены британцами в Алжире. Американцы тоже на лишние расходы не пошли, но уже в войну вооружили их многочисленной зенитной артиллерией и поставили современные приборы управления огнем, как главного калибра, так и зенитного. Японцы лишь сменили котлы, немного увеличив скорость, артиллерия осталась без изменений, добавили только зениток, и то без ПУАЗО.

— Почему американцы ничего не стали делать, ведь средств у них в достатке?

— Скорее всего, янки рассудили просто и здраво — модернизации были крайне дорогостоящим делом, чуть ли не вполовину первоначальной стоимости корабля. Намного проще и лучше построить новый линкор, ибо технические характеристики старого до приемлемого уровня довести крайне трудно. Одновременно разрешить три задачи — усилить артиллерию и бронирование и увеличить скорость, невозможно.

— Ты прав! — Глаза Колчака сверкнули. — А каковы были новейшие линкоры?!

— Мы так не договаривались, Александр Васильевич. Речь шла о модернизациях, про другое разговора не было.

— Ты же завтра уезжаешь в Сибирь, когда еще встретимся. Напиши хотя бы. А давай я тебе флаг-офицера отправлю, он стенографию сделает?

— Эх, Александр Васильевич, Александр Васильевич...

— Ах, да, совсем забыл. Ты хотя бы в Сибири сам напиши или Мише все Расскажи — он мне фельдъегерем отправит. Шифровальщику ведь не отдашь такое! — Колчак усмехнулся и неожиданно задумался, смотря на переборку неподвижным и невидящим взглядом.

— Мыслишь, как нашего «Ушакова» модернизировать? — Арчegov решил угадать мысли адмирала, но тот в ответ лишь качнул головою, словно отмахнулся.

— Их модернизировать бесполезно, конструкция неудачная, — усмехнулся Колчак и заговорил напряженным голосом:

— Я наскоро прикинул характеристики, которыми должен обладать новый линкор с ограниченным водоизмещением в 35 тысяч тонн. Если исходить из параметров скорости в 27–28 узлов и веса котлов с машинами, палубной брони в семь дюймов, восьми-девяти орудий в 406 мм, то при заданном водоизмещении броневой пояс будет не более двенадцати дюймов, и то неширокий. И боюсь, что еще меньше. Противостоять столь тяжелым снарядам такая броня неспособна!

— Я восхищен! — Арчegov действительно был поражен такой проницательностью адмирала. — Именно такими характеристиками обладал американский линкор «Северная Каролина». Самый мощный линкор на тот момент времени. Только янки на несколько тысяч тонн превысили данное водоизмещение. Впрочем, все страны его нарушали, порой на пять и больше тысяч тонн.

— Самые мощные?

— Да, европейцы обходились пушками в 15 дюймов, а британцы построили пять линкоров с десятью 356-мм орудиями. Но пояс был на 2 дюйма толще, а скорость на 2–3 узла больше, чем у американских кораблей.

— А японцы?

— Они сразу нарушили соглашение, начав в 1937 году строительство «Ямато» — при вдвое большем водоизмещении он имел самую толстую броню и пушки в 18 дюймов.

— Семьдесят тысяч тонн?! Неуязвимый монстр...

— Так и товарищ Сталин такие же исполины начал строить, только калибр в 16 дюймов определил, но пояс в 420 мм, да палуба в восемь дюймов. На стапелях стояли. Когда война началась, так и не достроили.

— Как у нас «Измаилы»... — тихо вымолвил Колчак, на лицо которого легла тень. Арчegov понял, что разговор нужно переводить в практическую плоскость, иначе флотские дела могли накрыть с головою, как девятым валом, в бесконечно штормовом море.

— Нам бы балтийские линкоры сохранить, Александр Васильевич. Они пригодятся зело в будущем.

— Я уже отдал приказ собрать всех офицеров, кто служил на них прежде. Эстонцы согласились передать нам в Ревеле канонерскую лодку «Бобр», эскадренные миноносцы «Автроил» и «Капитан Миклухо-Маклай». Команды для них уже формируются и после Рождества будут отправлены из Севастополя на вспомогательном крейсере «Орел». Кроме того, для двух мониторов и крейсера, что придут на стоянку в Данию в январе, сейчас собираем экипажи. К весне будут подготовлены новобранцы, что позволит нам полностью комплектовать переданные англичанами для Черноморского флота три легких крейсера, — Колчак говорил уверенно, и Арчegov не сомневался, что тот держит в своем мозгу десятки фамилий и сотни деталей.

— Для Северного флота британцы передают один «город» и два эсминца — в Архангельске

для них уже набирают команды. Три каспийских эсминца встали на зимовку в Ладогe, согласно соглашению с большевиками. Что касается передаваемых ими кораблей, то один из эсминцев можно принимать уже в январе. К февралю отправим в Кронштадт и команду, а также специалистов и мастеров с Николаевских верфей.

— Корабли должны быть готовы к середине апреля, ибо на пролетарский Первомай назначено общее наступление. К тому времени крестьянские восстания везде заполыхают, главное, чтобы преждевременного выступления не случилось! — Арчegov пристально посмотрел на адмирала и тот правильно понял его взгляд.

— Я буду в Ревеле уже в марте, сдав командование вице-адмиралу Кедрову. Оттуда на эсминце одна ночь хода...

— Мы должны удержать матросов от этого преждевременного выступления, — Арчegov снова подчеркнул свою мысль, — а в том, что оно состоится, я не сомневаюсь. Большевикам пришло время платить по выданным векселям, чего они сделать не в состоянии.

Он оперся руками на костыль и встал из кресла, стараясь не нагрузить больную ногу. Кость, раздробленная пулею, срасталась плохо, постоянно ныла, а врачи ничего не могли поделать, надеялись только на природу и молодость генерала.

— Ленин сказал, что Кронштадтский мятеж страшнее Колчака и Врангеля, вместе взятых! — Арчegov усмехнулся. — Тебя, Александр Васильевич, и барона он поставил, как видишь, намного ниже разнузданной матросни. Надеюсь, ты не в обиде на вождя большевистской власти?!

— Нисколечко, — в глазах Колчака заплясали веселые искорки. — Но приложу все свои силы, чтобы и в настоящем времени этот мерзавец сказал подобные слова...

*Петроград
(30 апреля 1921 года)*

Всего за каких-то три с половиной года советской власти державная столица Санкт-Петербург, творение Петра Великого, олицетворявшая собой могущество Российской империи, превратилась в полное убожество.

Только ветер гонял мусор на его широких проспектах, тускло грязнели вечно немывтые окна, подслеповато щурясь на яркое, почти уже летнее солнце, да с проплешинами давным-давно не крашенных фасадов, словно больные проказой на последней стадии, стояли мрачные шеренги зданий.

Напрочь пропал дух горделивой столицы, «Северной Пальмиры», что нынче, как вороватая крыса, перебралась в прежде merchantскую Москву.

Разом потускнели величественные золотые купола имперских соборов. Да и сам город, превратившийся в 1914 году на волне германофобии в Петроград, а теперь стараниями главного большевика Зиновьева, что на самом деле носил совсем иную фамилию, переименованный в Петрокоммуну, стал совсем иным по своему духу.

Огромные заводы, что служили раньше опорой экономики могущественной империи — Путиловский, Обуховский, Металлургический, — ныне еле коптели небо высокими трубами.

Закрыты были большие верфи, кроме одной, простаивали многочисленные мелкие предприятия и фабрики. Пролетариат на собственной шкуре познал прелести советской власти, с ее пайком из ржавой селедки, надоевшей до смерти перловой кашей, с принудительной мобилизацией и внушавшими панический ужас ревтройками.

Четыре страшных зимы пережил город, население которого за это время сократилось чуть ли не вдвое. Голод и холод, тиф, холера и другие болезни выкашивали людей как в чумной год.

Отсутствие нефти и угля парализовало всю городскую инфраструктуру, почти не работали электростанции, давая только самую малость тока, а значит, останавливались заводы и фабрики, не работал водопровод и канализация, не дребезжали по улицам знаменитые петербургские трамваи.

Правда, большевики пытались кое-что наладить из ими же порушенного. На принудительные заготовки дров и торфа выгоняли «бывших», в категорию которых попадали все, кто до революции имел хоть какой-то достаток — интеллигенцию, буржуазию, мещан, торговцев, бывших чиновников и служащих. Те работали хоть и неумело, но старательно, ибо смерть от голода казалась им еще горше.

Именно за нищенский паек, дававший возможность хоть как-то выжить и накормить голодающих детишек, большевикам удалось заставить население признать их власть и работать на нее.

Продовольственные карточки служили тем регулятором, что отделяли живых от мертвых. Совершенно прав был Владимир Ленин, когда говорил, что тот, кто контролирует и выделяет хлеб, тот и держит власть.

Потому паек давался не всем — часть «бывших» обрекли на жуткую голодную смерть. Даже престарелая дочь Пушкина, Мария Александровна, что пришла просить хлеб к наркому просвещения Луначарскому, не получила заветные карточки.

Нет, нарком-сибарит ее не выгнал, чай, не прежний режим — лениво пожевывая осетрину, оставшуюся от плотного обеда, он, весело поблескивая стеклами очков, созвал всех

ответственных работников, дабы они вживую полюбовались на уцелевшую картинку старого мира, легенду, так сказать. А потом выпроводил старуху на улицу, не дав куска хлеба — та просто не пережила зиму...

Но принимаемые большевиками меры были паллиативом — торф и дрова плохая замена углю и нефти, а заморенные лошадки конки совсем не чета трамваю, что ходил на электричестве. А без последнего и заводы едва теплились, работая, в лучшем случае, на одну десятую часть своих отнюдь не малых мощностей.

Диктатура пролетариата у большей части столичных рабочих сейчас вызвала резкое отторжение. Всеобщая уравниловка, когда чернорабочий и квалифицированный токарь получали один и тот же паек, вызвала ожесточенное неприятие у той части мастеровых, которую Ленин называл «рабочей аристократией» и «прислужниками буржуазии».

Маргиналы и люмпены, массово выброшенные в годы войны в ряды настоящих пролетариев, были полностью лояльны к большевистскому режиму, ибо тот осуществил их самые заветные чаяния — работать поменьше, а лучше совсем не трудиться, зато получать побольше.

И правильно — разница всегда есть, согласно диалектическому материализму. Или быть в чистой одежде, с хлебушком ситным на обед, с наганом в кобуре, числясь в заводском комитете, или пахать у станка, на перловке, сваренной на воде, без капли жира.

Такая политика вызвала серьезное недовольство квалифицированных мастеровых, вот только за чернорабочими стояли большевики. И крови они не боялись, уже в ноябре 1917 года разогнав пулеметным огнем рабочие демонстрации в поддержку Учредительного Собрания.

Дальше — больше. Рабочих, не желающих трудиться бесплатно, в порядке революционной сознательности, затянувшимся на годы «военного коммунизма» бесконечном «субботнике», просто заставили встать к своим станкам открытым террором — ведь всякая революция — это война, которая ненасытно требует патронов и снарядов, винтовок и пулеметов, сапог, револьверов и оружейных лафетов.

А где их взять прикажите, если все царские склады за три года советской власти опустошили?!

Потому большевики учредили революционные тройки, из ответственного партийца, члена трибунала и чекиста, которые, не утруждаясь даже видимостью «социалистической законности», выносили расстрельные приговоры злостным «саботажникам и лодырям». Других же просто мобилизовали и приставили обратно к станкам, но уже под угрозой смертной казни за попытку побега с предприятия.

«Рабочей аристократии», столь ненавистной Ленину, хорошо пустили кровь осенью 1919 года, когда войска генерала Юденича шли на Петроград. А заодно «почистили» город от тех, кто, притаившись, ждал прихода белых.

Расстреливали по несколько сотен человек в день, кладя из пулеметов бывших офицеров, чиновников, профессоров и умелых мастеровых.

Последних перебили бы всех — уж слишком «несознательные», но ведь кто-то должен трудиться в городе?

Ведь слишком много в нем тех, кто не работает, но кушать хочет хорошо — от партийных товарищей, совслужащих и «социально близких» до откровенной уголовщины, что все эти годы буквально процветала, как сорняк на куче навоза.

Перебить не перебили, но запугали всех изрядно. Так что на полтора года притаились. Но пересуды и контрреволюционные разговорчики никуда не делись, несмотря на все усилия коммунистической пропаганды.

Да и как бы они исчезли, если сама жизнь давала наглядные примеры совсем иной агитации? Ведь как ни крути, но теперь петроградские мастеровые ни во грош не ставили все

клятвенные обещания советской власти, на собственном печальном опыте убедившись, что они напоминают ледышку — сожмешь покрепче, и потечет меж пальцев водица.

Вот и ходили по рукам, многократно перечитываемые газеты, особенно «Беломорский вестник», благо до «белой» Карелии рукой было подать. Читали их рабочие и сравнивали, огорченно кряхтя.

В Петрограде на двадцать миллионов рублей можно было купить на «черном» рынке несколько фунтов ситного да с полфунта сала, но разве можно этим целый месяц кормить семью?!

На неделю растягивали, не больше, и то по маленькому кусочку. А в том же Петрозаводске умелые мастеровые по семьдесят целковых получали, и не бумажных, а золотом и серебром. И это при ценах 6 копеек фунт хлеба, 17 — мяса! Рыба так вообще задарма, благо озера и реки кругом. Нет, не бедствовали на «белых» территориях люди, все было в достатке, только лишь у большевиков царил голод.

Верили «вражеской агитации» почти все пролетарии, несмотря на усилия Смольного, ибо пример наглядный был перед глазами. На Адмиралтейской верфи всю зиму ремонтировали крейсер «Адмирал Макаров», эсминец «Изяслав» и подводную лодку «Гепард», отбирая у города чуть ли не половину электричества и угля.

Корабли передавались «белой» флотилии на Мурмане, потому с питерскими рабочими рядом работали инженеры и мастера, прибывшие с Николаевских верфей. Трудились вместе и, несмотря на строгий пригляд чекистов, вели разговоры по душам.

И хотя рабочим не перепало ни капли с того золота, что большевикам заплатили за корабли, но зато кормежка тех, кто ремонтировал их, была не просто знатной.

С одного котла с «белыми» наделялись, три раза в день, с мясом, макаронами и свежими овощами, что поставлялись поездом из Финляндии. Даже шоколад с настоящим чаем, фрукты и английские консервы давали, и пакеты для семьи раз в неделю собирали.

Так какая тут нужна пропаганда?!

...И вот рабочие снова поднялись супротив большевиков, в третий раз, точно в Первой. Петроград забурился от пролетарских окраин, готовясь по-своему встретить пролетарский праздник. Заводы, на ладан дышащие и без того работавшие чуть-чуть, окончательно встали, парализованные всеобщей стачкой.

В городе ощутимо запахло грозой...

Кронштадт

(1 мая 1920 года)

— Полундра, мы за что боролись?!

Расхристанный матрос в стареньком, многократно чиненном бушлате, напрасно задавал чисто риторический вопрос, поднявшись на газетную тумбу.

Площадь, бурлящая тысячами голосов, заранее знала на него ответ, выразившийся во всеобщем вопле, потрясшим даже величественный купол Морского собора.

— Долой коммунистов!!!

Те из притаившихся и запуганных обывателей, что видели приснопамятный семнадцатый год, не могли поверить собственным глазам и ушам — «краса и гордость революции», а именно так называл Троцкий балтийских моряков, дружно поднялись против советской власти.

Кронштадт мая 1921 года разительно отличался от самого себя четырехлетней давности. В голодающем городе давно поели все запасы, заодно истребив ворон и кошек на предмет жаркого.

Матросы пережили зиму в холодных и нетопленых кубриках. Давились обычной пайковой перловкой с куском ржавой, без рассола, селедки. Вприкуску с черным заплесневелым сухарем, размоченным в кипятке, ибо иначе в рот не лез. Даже чая, пусть и морковного, нельзя было найти днем с огнем.

Масла в растущий огонь недовольства подливали рассказы старослужащих унтеров и кондукторов, которых на флоте раньше именовали «шкурами», но без которых любой корабль превращается в кучу дорогостоящего железа.

Так что большевики, убедившись в 1919 году, когда на Балтике английские корабли и катера натворили балтийцам множество пакостей, в полезности и даже необходимости этого «пережитка» царского флота, оставили старослужащих на кораблях.

А зря! Ибо матросы были совсем не те...

«Пассионарные» балтийцы еще в 1918 году убрались из кубриков, покинув корабли, как зачумленные дома.

Их манил сухопутный фронт, возможность пограбить богатеньких буржуев в провинции, ибо столица давно была обчищена всеми желающими, начиная от чекистов и матросни и заканчивая безыдейным криминалом.

Оставшихся «сознательных» списали на берег, дав в руки винтовки, в сентябре 1919 года, когда белые подошли чуть ли не к окраинам Петрограда.

Из многих десятков боевых кораблей царского флота едва наскребли дюжину тех, кто с разбитыми механизмами и машинами мог передвигаться по заливу между Кронштадтом и Петроградом, презрительно называемом «Маркизовой лужей».

Впрочем, действующий отряд кораблей Балтфлота повоевал недолго, и неудачно. Два эсминца под командованием бывшего мичмана Ильина, взявшего «революционную» фамилию Раскольников (того самого героя Достоевского, что с помощью топора отправил в «расход» старух и присвоил нажитые несправедливым путем богатства), спустили флаги, оказавшись в окружении англичан.

Еще три эсминца погибли на собственном минном заграждении, а крейсер «Олег» был утоплен торпедой, выпущенной английским катером.

Раздрай, царящий среди балтийцев, помог британцам напасть на сам Кронштадт — торпеды угодили в старый линкор «Андрей Первозванный» и в совсем ветхий крейсер «Память Азова».

Справедливости ради нужно отметить, что и наглым налетчикам досталось с брандвахтенного эсминца «Гавриил», уполовинившего огнем своих пушек английский отряд.

Ничем не проявил себя ДОТ и во время подавления мятежей на фортах «Серая лошадь» и «Красная горка» — линкоры несколько часов артподготовки стреляли из рук вон плохо.

С прошлого года на флот большевики стали направлять пополнения из мобилизованных крестьян, направляя новобранцев подальше от родных волостей, охваченных огнем восстаний против свирепствующей продразверстки.

Служить они толком не служили, ибо не было ни угля, ни нефти, и котлы требовали капитального ремонта, а, забившись по холодным кубрикам, кое-как одетые, тихо злобствовались на советскую власть, что загнала их к морю да впроголодь держит в холоде.

Без женской ласки, к тому же не то что при царе — ибо все проститутки давным-давно сбежали из Кронштадта. Это те, кто поумнее, почувствовав исчезновение платежеспособного элемента, ну а глупых расстреляли чекисты в профилактических целях ради сдерживания роста венерических заболеваний и «контрреволюционного разложения».

Вот тут разговоры «шкур» о тех временах, когда на столы ставили пламенеющий борщ, когда матросу полагалось три фунта ситного прибора, да фунт мяса, сахара, да прочего всякого,

не перловки поганой, а макарон.

А на обед и ужин выдавалось от царя-батюшки по целой чарке чистой как слеза, очищенной казенной водки!

И, словно в подтверждение, поздней осенью на «Гавриил», что наособицу в Минной гавани поставлен был для передачи на Мурман, как наиболее пригодный, команда черноморцев из Севастополя прибыла, с офицерами. И хотя им дом для проживания выделили, и охрану из чекистов поставили, чтобы вредительские разговоры пресечь.

Но на что людям глаза даны?

Всю зиму «беляки» в тепле провели, целый транспорт уголь и нефть доставил, с припасами разными.

Службу вели как по часам, каждое утро с торжественного развода, ибо Андреевский флаг большевики категорически запретили поднимать. И с мастеровыми рядом трудились, машины перебирая да ремонт производя, а потому разговоры по всему Кронштадту пошли, будто волны прибоя.

Кормили «гостей» как на убой, запахи одуряющие, подтверждая этим рассказы «шкур». И кто тут устоит, ведь недаром считают, что ностальгия, память короче, имеет сильнейшее воздействие на психику?

Так что взрывоопасный материал на стоящих у стенок кораблях, ошестинившихся башнями с длинными орудиями, копился всю зиму. И оказалось достаточно только одной искры, чтобы вспыхнуло восстание.

Ею послужило сообщение о том, что в Петрограде началась всеобщая стачка и большевистские заправилы из Смольного отдали приказ подавить выступления рабочих свинцом и штыком...

— Братишки, что же это мы?! Спокойно смотреть будем, как комиссары юшку рабочим пускают?!

Очередной выкрик лег на уже подготовленную почву, матросы замахали руками, а потом единодушно выкрикнули:

— Долой коммунию!!!

Стравив пар, площадь снова забурилась, как котел с варевом, поставленный на открытый огонь.

Выкрики и предложения летели с разных сторон, сопровождаемые солеными словечками, до которых на флоте всегда находились мастера.

— Мы за советскую власть, мужики!

— Она ныне народная! Но без большевиков!

— К бисовой матери коммунистов!

— На клюз их одеть!

— Гы...

Залезший на тумбу степенный матрос, с бородой, что говорила о том, что сей «пенитель морей» недавно пахал землю.

— Мы все за советскую власть, ибо она народная. Но без коммунистов, что присвоили себе все. За шкварку комиссаров, да об пенек. Не нужны они нам, хватит, наслушались сладких песен! Мы гнилую солому с крыш скоро есть начнем!

— Правильно!

— Верно!

— Но буржуев нам не нать!

— Коммунистам пряники, а нам сухари червивые?! Не надоть такой власти, против хлебобобов она!

— Без царя жить тяжело, — степенный бородач старался перекрыть крики матросской массы. — Вона как на юге или в Сибири — они там все за царя и Советскую власть. Хорошо зажили все, припеваючи! А буржуев там днем с огнем не сыщешь!

— Правильно!

— Мы за царя Миколу! Наш он, мужицкий!

— Не надо царя! Все они добрые, тока прижмет...

— Ты чего драться лезешь, морда!

Как всегда происходит, мнения разделились, а это предвестие доброго мордобоя. Страсти накалились, но тут с немалой сноровкой, что говорило о большой практике старослужащего, на тумбе появился матрос и, сжимая в крепкой ладони бескозырку, стал размахивать рукою, словно грозя засевшим в Смольном большевикам.

— Я с «Петропавловска», и так скажу, братишки! С царем будет советская власть, либо без царя, потом посмотрим. Если Михаил оправдает надежды, то примем его. Вот только коммунисты ни царю, ни советской власти никак не нужны — вражины они, много народной кровушки пролили!

— Гады!

— Собрать в мешок да утопить!

— И Ленина их, картавого...

— Тихо вы, дайте досказать, — матрос драл горло как боцман к побудке в старое время. — Нечего нам болтать, дело нужно вершить! Власть выборным дадим, от каждого корабля, это раз!

— Верно, — поддержали многие голоса, а матрос продолжил, уверенно взмахнув рукою.

— Всех коммунистов, комиссаров, чекистов, трибунальцев и прочих судить нужно, а пока под стражу взять, да посадить, да хоть в погреба «Павла», там все равно снарядов нет, или в форт. Пусть охолонятся да подумают, как грехи свои замолить! Это два! И незачем самосуд вершить, мы не комиссары, чтоб по оговору кровь лить...

— Верно!

— Гы...

— Да тихо вы!

— В Питере народ наш стреляют всякие латыши и китайцы! А мы здесь сидим на что?! Вывести корабли в Неву, те, кто ход дать сможет, да залупить из главного калибра по Смольному, чтоб по кирпичику распался! Нечего нам сидеть, к бою готовиться нужно, пока наших братьев не перебили!

Выкрикнув последние слова, матрос спрыгнул с тумбы, на которую тут же влез солдат в большой, не по росту, гимнастерке и помятой фуражке. По толпе тут же прошли смешки.

— Братцы! — громко крикнул солдат, и матросы засмеялись, посыпались комментарии — «пехтуру сразу видно, у них все братцы, это только матросы братишки». Но перебивать оратора не стали.

— Я из форта «Серая лошадь». Мы давно готовы восстать, и другие форты ждут. Высаживайте десант немедленно, а то коммунисты опомнятся и нас всех перебьют.

Площадь снова взорвалась, забурила, вот только уже явственно чувствовалась чья-то направляющая воля, ибо матросы стали организованно сбиваться и чего-то ожидать.

Они хорошо знали, что смогут противопоставить петроградским большевикам — два линкора, крейсер, несколько эсминцев и с десятков мелких кораблей представляли собою грозную силу.

— Матросы!

Площадь невольно ахнула, глядя, как на тумбе встал во весь рост моряк в черном кителе, но с золотыми погонами на плечах. И не простой офицер, целый адмирал с тремя черными орлами.

— Те, кто меня помнит по Минной дивизии, знают, что я ставил с вами банки у Мемеля, мы вместе ходили в торпедные атаки, мы глотали соленые воды Балтики! Вы мои боевые товарищи, много раз смотревшие в глаза смерти. Я адмирал Колчак...

Петроград
(1 мая 1920 года)

— Кута итете?! Фы фраги мирофой рефолюции!

С сильным акцентом произнес латышский командир в суконной гимнастерке, уверенно выйдя на брусчатку перед тысячной колонной рабочих Охтенской пороховой фабрики.

Уверенно так вышел «интернационалист», чувствуя за собою немаленькую силу в виде бронеавтомобиля «Остин» с двумя пулеметными башнями и полуроты «латышей». В них стали зачислять уже всех иностранцев от венгров до китайцев, ибо настоящих ландскнехтов революции к этому времени сильно повыбили.

— Стоять, сукины тети!

Латыш выкрикнул и тут же на пулеметном рыльце «максима» заплясал огонек, пули выбили брусчатку прямо перед ногами валящей вперед толпы — закричали раненые, на секунду воцарилась тишина. И неожиданно раздался глухой рык доведенных до отчаяния людей.

— Твари!

— По что народ тираните?!

— Суки красные!

— Мы за советскую власть!

Но свист пуль сделал свое дело — толпа остановилась, да и задние ряды перестали напирать. Не стойкие духом рабочие по одному, потом и кучками стали разбегаться по подворотням, но оставшиеся, а их было во много раз больше, продолжали глухо роптать.

Но все прекрасно понимали, что ничего не выйдет. Коммунисты успели подготовиться — мосты или развели, или поставили на них пулеметы, все главные пути в центр города перекрыли надежными заслонами, кое-где уже была слышна стрельба, злая, но короткая. А это говорило о том, что в других местах уже силою разогнали бунтующий пролетариат.

Здесь будет то же самое — справа темная свинцовая гладь Невы, по которой белыми одинокими островками идут льдины, справа вытянулись дома с предупредительно запертыми дверями парадных. Если начнут палить из пулеметов, то выкосят всех разом.

Так что остается только возвращаться на завод, который моментально окружат преданные большевикам части, а затем проведут «филтрацию», на предмет выявления «контрреволюционеров» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кого поставят к стенке, остальных мобилизуют, ибо Западный фронт, откатывавшийся под ударами рейхсвера к Эльбе, требовал боеприпасов в огромном количестве. А без пороха патронов не бывает...

— Пропускай к Смольному!

— Давай Зиновьева-жида, мы с ним по-рабочему говорить будем!

— Хватит коммунистам от лица советской власти говорить! Пусть народ сам свою волю вершит!

Пролетарии глухо роптали, уходить как побитые собаки с поджатыми хвостами мастеровые не желали из-за гордости и отчаяния перед неизбежной расправой. Все понимали, что вместе они сила, а поодиночке заводчан передушат как курей.

— Всем неметленно ухотить! Или мы путем стрелять!

Комиссары уже давно не уговаривали рабочих не поддаваться на агитацию приспешников

мирового империализма, кому ж охота вдругорядь битым быть.

Потому говорил только латыш, с этими никак не поспоришь, лить кровь они мастера, причешут всех из пулемета и не поморщатся, даже улыбок не будет.

Все прекрасно знали, что жалости никому не будет. Наемники относились к карательным акциям как к нужной и неизбежной работе, выполнил которую и забыл.

— Считаю до трех, потом путем стрелять!

Голос латыша был полон спокойной и деловой жестокости, угроза была настолько явственной, что рабочие попятились. Но задние ряды опять начали напирать на передних, а потому образовалась толчея. От «латышей» фабричных отделяло метров пятьдесят, вроде рядом почти, но не пройти их под стальным ливнем, даже если разом броситься.

— Раз!

Какие тут шутки — первые ряды охтенцев дружно попятились, только отступать было некуда. Навалившийся страх сковал мышцы, хриплая ругань сама вырывалась из глотки.

— Тва!

С той же холодной жестокостью произнес латыш и поднял руку, вот только отсчет доводить не стал, а с удивлением посмотрел на Неву.

Там, вниз по течению, прямо к ним надвигался военный корабль, ловко обходя плывущие большие льдины и обгоняя их.

Красный узкий флаг трепетал на стенге, у бакового орудия застыл расчет, пулеметы с мостика направлены на забитую людьми набережную.

— Это же «Украина»! — раздался удивленный голос рабочего, явно знакомого с флотом. — Откуда она здесь, она же на Каспий ушла?!

— Да и навигацию еще на Ладоге не открывали. А вон еще один минный крейсер идет! Тоже пушки на нас направил...

Не нужно было гадать, что сейчас произойдет — «латыши» оживленно засуетились, предчувствуя зрелище расправы, в которой им предстоит стать зрителями. Их командир с радостью посмотрел на красный флаг, и даже помахал рукою, приветствуя военморов.

Рабочие стали падать на мостовую или втискиваться в проулки — кому ж охота под убийственный огонь в упор попадать. Лишь немногие, знакомые с морской службой не понаслышке, с удивлением смотрели на два небольших угольных эсминца, трубы которых извергали густые клубы дыма. Что-то было в них насквозь неправильное, непривычное. Да и стенговые красные флаги означали скорее готовность к бою, а не символ революции. А вот на корме так вообще что-то белеет...

Латыш все держал поднятую вверх руку, когда на баке первого эсминца оглушительно рывкнула пушка. Снаряд пролетел почти над самыми головами людей, многие от страха даже упали на брусчатку, и, проломив борт броневика, будто гнилой картон, отбросил железную махину в сторону, и тут же исчез в огненной вспышке.

Взрыв потряс набережную, повалив людей. Осколки и стальные обломки секанули по латышам, досталось и стоящим в отдалении рабочим.

И тут же пулеметы эсминца открыли стрельбу по латышам, что пребывали в полном ошолобенении, и от ран, и от удивления. Послышалась даже хриплая ругань на доброй дюжине языков.

Спасительный стальной смерч смахнул на мостовую «интернационалистов», открыв дорогу охтенцам.

И только сейчас с их глаз словно пелена упала — они разглядели на матросских форменках и офицерских кителях давно забытые погоны.

А на корме гордо реяло, забытое за годы советской власти, белое полотнище с косым синим

крестом — Андреевский флаг...